

18+

Сергей Пичканов

КОЛЫМА: ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ

Таёжные были за десять лет
в глухой тайге

Сергей Пичканов

**Колыма: остаться в живых.
Таёжные были за десять
лет в глухой тайге**

«Издательские решения»

Пичканов С. П.

Колыма: остаться в живых. Таёжные были за десять лет в глухой тайге / С. П. Пичканов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-689139-5

Книга первая рассказывает о не простой судьбе в юношеском возрасте автора, службе в Москве и о познании таёжной жизни на Колыме. С самого детства господь Бог и ангел хранитель оберегали меня, только поэтому я живой!

ISBN 978-5-00-689139-5

© Пичканов С. П.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Пролог	8
Основатель рода	9
Падение	13
Случай на Паутовском озере	14
Стройка	16
Проверка на прочность	17
Домашние дела	21
Профтехучилище	22
Убийство не состоялось	23
Тридцать пятый цех	25
Долгожданная и забываемая армия	26
Магадан	41
Халаткан	43
Рыбацкий азарт	51
Колымская осень	52
Как я стал семейным	56
Моя первая охота	61
Моя новая работа — пилорама	65
Глухарь	67
Что такое соль?	68
Как я спасал невод	70
Колымская рыбалка	72
Мой распадок — Магдыкит	74
Зимняя охота	75
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Колыма: остаться в живых Таёжные были за десять лет в глухой тайге

Сергей Петрович Пичканов

Редактор Татьяна Алексеевна Пичканова

Консультант Владимир Алексеевич Мурзин

Фоторафия на обложке Александр Лихманов

Дизайнер обложки Татьяна Алексеевна Пичканова

© Сергей Петрович Пичканов, 2026

© Татьяна Алексеевна Пичканова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0068-9139-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Сергей Петрович Пичканов родился в городе Бердске Новосибирской области в 1953 году в семье служащих. Женат, имеет двоих детей сына и дочь. Не закончив среднюю школу, пошёл учиться на токаря в профессионально-техническое училище в городе Бердске. После окончания училища и, получив повышенный разряд, работал токарем на заводе БЭМЗ.

В 1972—1974 годах служба в Советской Армии. После увольнения в запас уехал на Колыму в Магаданскую область. Там работал навалыщиком леса, рамщиком на пилораме и водителем трактора К-701 на вывозке леса. После десяти лет работы в тайге уехали в Бердск, но вскоре вернулись обратно в Магадан. Поселившись в посёлке Сокол, работал водителем ещё четырнадцать лет на грузовиках и автобусах. С 1994 года зарегистрирован предпринимателем и на своём МАЗе возил грузы по Колыме. Многое пришлось испытать, но с честью выдержал все трудности судьбы.

В 1998 году, вернувшись в родной город Бердск, ещё восемнадцать лет работал дальнотранспортным водителем, возил грузы по всей стране. В 2016 году, закончив свою предпринимательскую дея-

тельность, стал собирать механизмы и станки для хозяйственных нужд, а в свободное время начал записывать в черновики, воспоминания о своей непростой жизни. Возможно, кому-то покажется не скромно, но многие мои рассказы-почти учебник.

Раз Бог послал тебе такие испытания,
значит, он знал, что ты с ними справишься!

Пролог

С малых лет со мной происходили такие случаи, которые могли закончиться смертью. Тоже самое могу сказать и о годах после армии. Мысль рассказать об этом родилась у меня очень давно, лет тридцать назад, когда я понял, что со мной происходят такие события, которые стараются избежать все. Я думаю, для мужчины, освобождаясь от серьёзных дел в пожилом возрасте, очень важно вспомнить, как он прожил и что успел сделать. Это как в спорте: кто больше отождётся, или подтянется. Вот я набрался смелости и решил рассказать про свою жизнь, считаю, что она была не совсем обычной.

Однажды в Омске, лечащий меня врач, после короткого моего рассказа сказал мне, пиши, хоть по часу в день, но пиши. Но я же понимаю, сколько всего произошло и сколько придётся писать, боюсь, что не хватит времени.

Прошло три года после того разговора, когда я взялся за это непривычное для меня дело. И вот, десятого января две тысячи восемнадцатого года, я решился на это. Может быть, к моим словам прислушается кто-то и поймёт, как надо делать и как не надо делать. Я конечно же не собираюсь кого-то учить, но рассказать о своих неправильных поступках следует. Рассказывать я буду так, что вы будете мысленно присутствовать со мной рядом. Я плыву подо льдом на резиновой лодке, и вы со мной. Я стою на коленках, откапывая из снега машину, и вы рядом. На меня бросается разъярённый медведь, и вы прочувствуете это. А ещё поворошу память, пошевелю мозгами, говорят, что это полезно.

До армии было всё, как у всех пацанов, правда, я мог и недожить до этой самой армии. Спасибо моему ангелу хранителю, он у меня очень сильный. Я даже думаю, как бы моего хранителя передать младшему внуку.

Армия прошла нормально, мне там очень нравилось, окреп физически, понял, что хорошо, что плохо, увидел настоящих офицеров, мой ангел хранитель отдыхал.

Самое бурное время началось с таёжного посёлка Халаткан, с последующим переездом в посёлок Яна. Это место, Колыма, Тенькинский леспромхоз, пятьсот километров от Магадана.

Июль тысяча девятьсот семьдесят четвёртого года, начало больших дел и опасностей. Отсутствие таёжного опыта, горячая голова, необдуманные поступки и спешка-прямая дорога к бедам, и даже к смерти. И, помня слова Владимира Семёновича Высоцкого, голове своей, руками помогал. Там начались мои курсы выживания, которые я устраивал сам себе. Мне надо было понять, на что я способен. И мне это удалось: я жив, до сих пор не разорван медведями, не разбился о камни, не утонул в речных завалах «Яны» и других водоёмах. Работая на большегрузном транспорте, ни разу не утопил трактор «КИРОВЕЦ», на котором проездил шесть лет по рекам, болотам и снегам, и ещё тридцать один год по всем дорогам страны.

Там встретил свою любовь, там родились сын и дочь. Потом совершил ошибку: в тысяча девятьсот восемьдесят четвёртом году уехали на «материк», в город Бердск Новосибирской области. В Бердске пришлось жить у родителей. Первое время работал слесарем, потом, отучившись на водителя, перешёл на работу водителем КамАЗа-самосвала. Зарплата сто пятнадцать рублей, а на Колыме я зарабатывал от пятисот, до тысячи. На материке жизнь и зарплата совсем другая, но надо было кормить семью. В то время на такую зарплату вчетвером было сложно прожить. Поэтому, на семейном совете решили, снова вернуться на Колыму.

Основатель рода

Моего деда по отцу звали Пимен Данилович, фамилия Пичканов. Я его очень любил, даже сейчас, спустя пятьдесят пять лет, по нему тоскую. Я преклоняюсь перед ним потому, что его кровь, деловитость, стремление преодолевать трудности, перешли ко мне. Я раньше об этом не задумывался, пока был молодой, но с возрастом я начал понимать это. В каком году он родился, я точно не знаю, а умер он в восемьдесят восемь лет, тогда мне было двенадцать. Если посчитать, то он родился в тысяча восемьсот восемьдесят девятом году, в селе Петухово, Курганской области. Позже, мне приходилось проезжать в тех краях, но вот заехать в Петухово как-то не довелось. Возможно, в том селе уже и фамилию эту некому вспомнить.

Дед был кулаком, это тогда, а сейчас, он был бы предприниматель или фермер, но никак не враг народа, как тогда считали. У него было своё стадо коров, отара овец и баранов и сви-нарник. Так как хозяйство было большое, нужны были и работники. Хотя и большая была семья, но с хозяйством сами не справлялись, поэтому и нанимали на работу других людей. Это и послужило предлогом для раскулачивания его советской властью. Отобрали всё, и уже ограбленного, со всей семьёй, выслали в Ново-Николаевск, (с 1926 года Новосибирск).

Всё село заступалось за деда, а не только те рабочие, что работали у него. Мясо, молоко, шерсть, производимые в хозяйстве моего деда, не только продавались, но и раздавались, за проделанную работу односельчанам. В связи с этим, многие люди потеряли работу, пропитание, тёплую одежду, и моего деда.

Приехав в Новосибирскую область, семья Пимена Даниловича поселилась в старом Бердске. Но такого человека, как мой дед, сломать было невозможно. Он и в Бердске завёл новое стадо, а мой отец, два его брата, Иван и Александр, дочь Надежда и его вторая жена Марфа Ивановна, помогали ему в этом деле. Мой отец был самый младший в семье, но спрос был со всех одинаковый. Стадо коров и тут увеличивалось, и приходилось нанимать работников, тем более, что старшего сына Александра, забрали в армию.

Последним в армию уходил мой отец, его призвали на флот и отправили на Дальний восток. Во время войны с японцами, отец служил на пограничном катере, и его дивизион был причислен к действующей армии. Так он стал участником Великой Отечественной войны. Прослужив шесть с половиной лет и встретившись там с моей мамой, они приехали в Сибирь. Маме было тогда двадцать семь лет, а отцу на год меньше. Потом появился я.

Солнечно было или дождливо, я не знаю, но, третьего сентября тысяча девятьсот пятьдесят третьего года, там же, в старом Бердске, родился я. Свой вес и рост не знаю, но две руки, две ноги, всё симметрично, не инвалид и не рахитик. Спасибо за это маме и папе.

Родители мне рассказывали, когда я родился, дед сразу завёл козу, чтобы я вдоволь пил козьё молоко, а не коровье. Я не знаю, почему он завёл козу именно в мой день рождения, но я всю жизнь помню это и ценю. Он так и говорил: я хочу, чтобы мой внук пил козьё молоко, а не коровье, оно лучше. Неужели он знал, что я буду одним из последних, кто будет помнить его и ценить?

Вспоминая всё, что было с ним и со мной, я заметил, что наши судьбы похожи! Я тоже два раза уезжал в Магадан, а потом возвращался в Сибирь. Тут нас отличало то, что я делал это добровольно, и никто меня не ссылал. Но то, что я работал так же целеустремлённо, как и мой дед-это точно. И ещё сходится одно обстоятельство: его ограбили в Курганской области, а меня в Магаданской, в 1997 и 1998 годах. Тогда развалился Северо-восточный банк, и потерялись наглые посредники по углю, который я возил на Колыме. С ними потерялись и мои деньги, на которые можно было купить квартиру или дом на «материке». Всё повторилось, только в другом поколении. Мне не верится, что это случайность.

Я был девятым внуком деда, а последней внучкой была моя сестра Наташа, она родилась через четыре года после меня. Первый сын деда Александр, погиб от рук бандитов, а первый сын Александра Виталий, был убит током. Он работал электромонтером и, обслуживая электроподстанцию, кто-то включил ток. Их хоронили в разное время, но смерть их свела в одно место. Они трое лежат в одной оградке: дед, старший сын и старший внук. Рядом с ними покоится и баба Марфа. Мы всегда приезжаем к их могилам, чтобы почтить память о самых старых своих родных, и, пока можем, будем приезжать.

Когда начали строить Новосибирскую ГЭС, старый Бердск начали переселять на новое место, чтобы его не залило водой. И вот, на улице Пугачёва, уже в новом Бердске, встали рядом три домика: Надежды Пименовны, Ивана Пименовича и Петра Пименовича, моего отца. Дом Ивана Пименовича стоял рядом с нашим домом, я до сих пор помню их большую печь, которая стояла посередине дома. Мне нравилось бывать у своих братьев, Эдика и Саши, а старшей, была их сестра Людмила. Мы все четверо умещались на той печи, на ней было так тепло!

Все были увлечены своими делами, кто школой, кто работой. За дедом ухаживала баба Марфа, она всё время была рядом с ним и звала его очень ласково-дедынька! В это время, мой дед, Пимен Данилович, болел астмой. Ему был прописан специальный табак Астматол, который ему покупали в аптеке. Он его курил и ему было легче, не так сильно кашлял. Мне было уже двенадцать лет, когда я забежал в дом с улицы. Бабушка Марфа металась по дому и причитала, взмахивая руками. А дед мой, приподнявшись на кровати, старался глубже вдыхать воздух, наверное, ему не хватало его. Я понял, что ему плохо и позвонил папе на работу. Потом приехала «скорая помощь», приехал папа, но помочь деду уже не смогли, и дед мой умер. И вот этот момент у меня крепко засел в памяти, почему мне надо было звонить папе, а не сразу в «скорую помощь»? Может быть, и успели бы спасти деда, по крайней мере, мне так хотелось. Эти мысли и по сей день живут со мной. Все сильно тосковали по деду, особенно баба Марфа, она стала тихой и незаметной. Наверное, это горе для неё, было даже большим, чем для нас. Но живым людям надо жить и приносить пользу своим родным и близким. И баба Марфа была такой, она помогала по дому во всём, и мы любили её не меньше деда. Отца ведь она воспитывала с малых лет, так как с дедом прожила много лет.

Я хорошо помню, как один раз баба Марфа дверью отрубила себе кончик указательного пальца. При входе в дом, она закрывала за собой дверь, а палец другой руки попал в проём этой двери. Дверь была массивная и тяжёлая, ею не только палец, руку можно было отрубить. Я думаю, что у бабушки в пальце и косточки были поломаны. Она так сильно плакала, и мне её было жалко. Но «скорую помощь» никто не вызывал, никаких уколов ей не делали, забинтовали и всё. А вообще, она была самый весёлый человек в нашем доме, если не на всей улице. Она ходила по двору и пела песни, да ещё и подбадривала себя, подпевай, Марфа Ивановна. Возможно, от неё и я научился давать себе такую команду. Эта привычка созрела во мне в армии, она помогает мне и по сей день. Откапываю грузовик из снега-пою, поднимаюсь в крутой перевал-пою, зверь сожрать хочет-тоже пою.

Наш домик был небольшой, всего сорок квадратных метров, и жили мы в нём, шестеро. В пятьдесят седьмом году появилась Наташа. Старшие спали на кроватях, а мы на раскладушках, все в одной комнате. Участок в шесть соток, небольшой сарайчик, корова, коза, поросёнок, куры. Тогда без такого хозяйства было не прожить. Мама работала на Радиозаводе, позже, и отец перешёл туда же, их взяли в отдел снабжения. Мама прибегала на обед домой, а отец почти каждый день ездил в Новосибирск, добывать материалы для завода. А если в Новосибирске не было чего-то, то ехал в другие города.

Помню один случай, когда я был совсем маленький, мама решила меня помыть. Нагрела воду на печи, посадила меня в большой алюминиевый таз, рядом с печкой. Вода была горячая, в трехведерном баке-выварке, так его называли. И как уж получилось, не знаю, но этот бак наклонился и начал падать. Горячая вода хлынула на меня, мама подхватила его, поставила,

но вода на меня всё-таки попала. Сильно её тогда ругал папа, а вот, были ли у меня ожоги, сказать не могу, не помню. Сейчас, я понимаю, что приключения со мной, начались с очень раннего возраста.

Через некоторое время после смерти деда, отец перегородил дом пополам: в одной половине жили мы четверо, во второй баба Марфа. Она была очень довольна таким решением, и вскоре, запела опять. Она делала хорошую бражку и немного выпив, пела на всю улицу. Я хвалил её песни, они мне нравились, и я был у неё лучший гость. Конечно же, я помогал ей, чем только мог, она иногда и меня угощала своей бражкой. После того, как не стало деда, баба Марфа прожила ещё семь или восемь лет, а умерла она в 1972 году, осенью, когда я был уже в армии. Родители мне говорили, что она пела до самой смерти, но бывало, пела через слёзы, а если бы не пела, то умерла бы ещё раньше. Её похоронили рядом с дедом, правда, в отдельной оградке. Вот и ездим мы к ним четверым, и будем ездить, пока можем.

Как-то папа привел домой большую собаку, овчарку, списанную с охраны завода, и я решил поговорить с ней. Правой рукой, указательным пальцем, я полез к ней, ну и она меня за этот палец куснула. Я, конечно же, заорал. Теперь мама ругала папу, и собаки на другой день не стало. Наверное, отец отвел её назад в охрану.

Еще помню, картошки сажали очень много, на сорока сотках, и папа меня брал с собой ещё с дошкольных лет. Я же тогда ему и помочь-то не мог, скорее всего, для того, чтобы я понимал, что без труда, не вынешь рыбу из пруда. Но уж когда пошёл в школу, то научили и сажать, и копать, и полоть. Ездили на эту картошку не на машине, а на автобусе до БЭМЗА, потом пешком два километра. Затем переправлялись на лодке деда Егора. Старый дед, бывший моряк, он и жил там, на берегу, всё лето, прямо в землянке, до самых морозов. Грёб веслами медленно, как будто работал по часовой оплате. После переправы надо было пройти ещё три километра, в общем, пока доберешься, уже устал. Какой-то год, отец взял дополнительную делянку, чтобы заработать денег для стройки. А земля на этой делянке была просто вспаханная, совсем не проборошенная, и мы эту делянку звали космыри. Работать на такой земле было настоящей каторгой, просто перевернутые пласты земли. Сажать плохо, полоть и окучивать ещё хуже, а как начали копать, то не могли нарадоваться картошке, крупная и много в гнезде. Тогда мы много накопили. Помню один раз, меня взяли на базар в Новосибирск, продавать картошку, целую машину. Меня посадили на самый верх, вместо видеокамеры, я сидел и наблюдал, чтобы никто ничего не украл. И я справился со своей задачей.

Следующее воспоминание для меня вообще неприятное, но оно же было. В конце улицы, по нашей стороне жил Лёха Кочнев. Он обманом накормил меня беленой, я о такой и не знал даже. Сколько я её съел, то же не знаю, но то, что на стенки дома лазил, это точно. Ни отец, ни мама ничего понять не могут, и я не знаю, что сказать. За что он меня не любил, я не знаю, может за то, что маленький был.

Примерно в ту же пору, по поляне тёк ручей, и довольно сильное было течение, ну просто речка. И мы даже не везде могли его перепрыгнуть. Я, как и все пацаны, ногами откалывал куски земли от берега, интересно было, как они и плывут по течению. Один раз я не рассчитал, ударил по краю, и вместе с землей полетел в речку. Течение быстро подхватило меня и понесло. Я, конечно же, сопротивлялся течению, пытался выбраться из воды. В конце поляны, под дорогой, лежала стальная труба, и вода стремительно уходила туда, я чудом избежал попадания в эту трубу.

Примерно в эти же годы у отца был велосипед, и я не мог оставить его без внимания. Полностью забраться на него я не мог, не хватало роста, а вот под рамой, легко шнырял и довольно шустро. Сколько раз падал, не сосчитать, но мне очень нравилось ездить на нём. А потом начал собирать свой велосипед, где колесо достану, где цепь. Что-то поменяю, цепь на сиденье, или шестерёнку на руль. Иногда и колеса-то были разные, не говоря про цвет этих деталей, в итоге, получился велосипед. А потом на этом велосипеде объехал все окрестности

Бердска. Дома меня не видели с утра и до позднего вечера. Ездить по окрестностям Бердска мне нравилось больше, чем учиться в школе. А совсем скоро, у Сергея Сурина появился велосипед с моторчиком, ну и пошла мода на технику с мотором. Этими моторами вызывали недовольство всех жителей наших улиц. Моторы ревели днём и ночью. Мы же шумели, то регулировали карбюратор, то устраивали гонки. Не помню, каким образом у меня появился двух сильный мопед, и покоя у моих домашних и соседей стало ещё меньше. Какая школа, какая учёба, почему так долго не звонит звонок. Мне снова хочется поехать куда-нибудь, за город, наперегонки, а иногда и просто толкая мопед, потому что грязь, и он не везёт. А осенью уже холодно, и лужи замёрзли, и снежок летает, и ветер пыль гоняет, но домой не хотелось.

Перед школой мама научила меня немного считать, и поначалу, у меня были неплохие отметки, но потом прочно обосновались тройки, и так, до самого конца учёбы. Ну, не интересно было мне учиться. Екатерина Фёдоровна, моя первая учительница, не привила мне интерес к учёбе. Тыча мне в голову своим указательным пальцем, который у неё был как железный, приговаривала, голова твоя садовая. И с каждым её тычком, моя голова откидывалась назад, как от удара. Мне она не нравилась, думаю, я ей тоже. Помню, папа меня ремнём драл за плохую учёбу. Поставит на колени, зажмёт мою голову между своих ног, и лупит, а я ору и обещаю, что исправлюсь, но это было почти невозможно.

Падение

Мне было лет восемь-девять, в новогодние каникулы, я возвращался домой от братьев Саши и Эдика. Они тогда жили в районе одиннадцатого квартала. Трёхкомнатную квартиру дали Ивану Пименовичу, моему дяде, от завода Большевик, как многодетной семье. Шёл я через праздничную площадку, где стояла горка. Снега было очень мало, был вечер, но ещё светло. Горка была построена из досок и облита водой, чтобы доски скользили. Горка была высокая, метра четыре в высоту, а забираться на неё надо было по лестнице из досок, по крутым ступеням. Ну вот, захотелось мне скатиться с этой горки. Но скатиться с неё мне было не суждено. Когда я залез на верхнюю площадку, то устал и решил немного отдохнуть, привалившись к ограждению. Ограждение было из тонких реек, и оно было поломано, но я этого не заметил. Привалившись к нему, я полетел вниз, к земле, спиной назад. Повторю, что снега было мало, и брёвна, основание горки, торчали над землёй примерно на полбревна. И как раз на это бревно я шлёпнулся. Вокруг никого, я один, кричать некому, да я и не мог. Наверное, я отключился, потому что, когда открыл глаза, было темно, и на улице горели фонари. Я стал вспоминать, что же произошло, почему я лежу лицом к звёздам, и что там, под моей спиной. Почему голова запрокинута назад, почему у меня всё тело болит.

Я попробовал пошевелиться, руки и ноги слушаются, а остальное не хочет, больно. Но я понимал, что долго так лежать нельзя, надо как-то перевернуться. Я через боль, кое-как, сполз с этого бревна, потом перевернулся на живот и хотел встать, но не смог. Боль в районе шейных позвонков, не позволяла мне встать. Всё что я смог, это ползти на четвереньках. Каждое движение сопровождалось острой болью, но я понимал, где нахожусь, что со мной происходит, и куда мне надо двигаться. До дома было ещё далековато, километра полтора-два, может чуть больше. И я пополз домой, выбирая самый короткий путь: через городской сад, на улицу Орджоникидзе, а с неё на улицу Пугачева дом 10. Сколько я полз, не знаю, но за это время мне даже ни одна собака не встретилась, не говоря о людях. Сейчас бы достал телефон, позвонил, и помощь тут как тут. Но тогда я даже вдалеке не видел людей. Домой я всё же добрался, руки и ноги были мокрыми, особенно колени, сам замёрз, как на морском дне. А что было потом, не знаю. Ругали или нет, не помню. Но знаю, что спустя пятьдесят пять лет, сижу и пишу об этом. А тогда мне было примерно десять или одиннадцать лет. Если бы я попал головой на это бревно, то двенадцати лет могло и не быть. Ну, или, инвалидность в виде косоглазия, или ещё что-нибудь.

Случай на Паутовском озере

Мне было лет десять, одиннадцать. Собрались мы с пацанами купаться, на Паутовское озеро. Это небольшой водоём по дороге на кладбище, километрах в трёх, четырёх от дома. Его и озером-то назвать нельзя, так, лужа, метров пятьдесят на пятьдесят. Туда приходят коровы на водопой, попьют, отольют, лепёшки побросают и пошли дальше. Другие подходят и всё тоже самое. Представьте, какая была там вода, но тёплая, от этих сбросов. Половина этого озера была без растительности, а вторая половина была заросшая травой, кустарником, и ещё какими-то плавучими водорослями, и цветами. Всё это было на плаву, ходишь по этой растительности, а она прогибается, но держит, и какая глубина под ней, никто не знал. Мы эту растительность лабзой называли. В этой лабзе были окна (чистое от растительности место) примерно два метра на два. Этих окон было два или три. И вот в них мы ныряли, в одно нырнёшь, в другом вынырнешь. Они были недалеко одно от другого, но располагались, как попало, и, бывало, не сразу найдёшь это окно. Плывёшь под этим полуметровым слоем растительности, и головой и спиной чувствуешь корни, а как корни кончились, значит вот оно окно, и выныриваешь. Всё это происходило быстро, один ныряет, следом второй, и не всегда понимали, кто сверху, а кто в воде. Всем было весело, смеялись и подбадривали один другого. Вот так играли, можно сказать со смертью. В очередной раз я нырнули потерял намеченное для выныривания окно. Толи я его проплыл, толи, оно осталось справа или слева, но окна нет, одни корни лабзы. Я развернулся назад, сколько-то проплыл в обратном направлении, но окна опять нет. Я начал метаться, то вправо, то влево, искал это окно, но не находил. Воздух из груди куда-то делся, дыхнуть нельзя, начал двигаться ещё быстрее, решил открыть глаза. Я знал, что эти окна немного светлее, чем сама лабза, наверное, от дневного света. Только открыл глаза, появилась боль и резь, и я тут подумал, боль и резь я переживу, она пройдёт, а вот если окно не найду, то всё, и глаза потом будут не нужны. У меня начали появляться мысли, а если я не найду этого окна, не смогу вынырнуть и утону. Тогда всё, пацаны уедут без меня, а я останусь в этом мочевом болоте. Эх! Как хотелось хоть маленький глоточек воздуха, хоть чуть-чуть, но я понимал, что это невозможно, и рот сжимал так плотно, как будто мне хотят открыть его насильно. В этот момент я отметил про себя, вот так и тонут люди.

За то время, что я был под лабзой, успел вспомнить про маму и папу, и, как хорошо там наверху, где есть воздух, и можно дышать, ничего не опасаясь. А ещё я решил, что это последний мой нырок в этом озере, если найду окно и вынырну. Это был самый первый мой бой за жизнь, бой со смертью. Я его выиграл, но, конечно же, не без помощи моего ангела хранителя. Этот нырок конкретно меня напугал, измучил, и перевернул в моей голове понятие о самосохранении. Оказывается, жизнь можно очень быстро потерять, принести беду в дом, своим родителям. Ведь я там, под лабзой, действовал уже наугад, вынырну или не вынырну, останусь жить или не останусь. Стоило мне немного ошибиться, и я мог уплыть вообще в сторону берега, а там окон нет, растительность соединяется с берегом и её не раздвинешь руками.

С болью и резью в глазах, на которые я уже не обращал внимания, я увидел свет в лабзе, это и было моё спасительное окно. Я изо всех сил рванул к нему и вылетел из воды как пробка, жадно хватая воздух. Я не мог надышаться, мне казалось, что мои легкие слиплись, и не разорвались бы, от таких глубоких вдохов. Я, наверное, был страшным в тот момент, потому что, когда я вылетел из воды, пацаны даже отшатнулись назад, похоже, они меня уже не ждали. А просто по инерции стояли и смотрели на воду, молча. И только спустя некоторое время, они поняли, что я выплыл нахожусь среди них, только тогда они вышли из оцепенения.

Обрадованные пацаны запрыгали, закричали, он выплыл! У меня болела голова, болели глаза, дыхание понемногу восстанавливалось, и мысль, что надо отсюда уходить, толкала меня

навсегда покинуть это место. Но, каждый раз, проезжая это озеро, я смотрю туда, где мог оставить свою жизнь, и стоял бы сейчас там крестик.

Стройка

Мне ещё не исполнилось четырнадцать лет, а отец затеял большую стройку, пристроить к дому ещё столько же, сколько было. Он привёз несколько машин шлаку и разные доски. А с наступлением тепла начали готовить площадку, сбивать щиты и копать траншеи под фундамент новой пристройки. После того, когда были готовы траншеи, ставили опалубку и заливали раствором шлака и цемента. Проходило какое-то время, потом снимали эту опалубку и давали просохнуть шлаку. Потом снова ставили опалубку и снова раствор. Раствор готовили в бочке на ножках, две ручки и крути, да ещё не так быстро, а то раствор не перемешается. Сначала крутишь сухую смесь, пока не вспотеешь, потом добавляешь воды и снова крутишь, пока не высохнешь. А потом надо быстро перетащить готовый раствор в приготовленную опалубку и про вибрировать, чтобы пустот не осталось и быстренько, с вёдрами в руках, за новой порцией раствора. Всё лето мы работали. Пока отец на работе я должен был делать что-то другое: или гвозди править, или доски перебирать, на мопеде кататься некогда было, а так хотелось. Помощи отец ни у кого не просил, даже у брата Ивана Пименовича. Ни Эдик, ни Саша нам не помогали, мы всё делали сами. И сбежать на речку покупаться, у меня и в мыслях не было. А осенью, во дворе остались горы опалубки, остатки шлака, обломки досок, всё надо было разобрать. Опалубку разобрать, доски сложить, гвозди выдрать и выпрямить. Шлак вытащить на улицу, землю в огороде разровнять для будущих посадок.

Наступила осень, пора было идти в школу, но мне этого не хотелось. Моя учёба и так-то шла на тройках, а тут ещё хуже стало. Хоть отцу меня и жалко было, я же помощник, но всё равно, он драл меня ремнём за двойки. Я тогда уже ходил в спортивную школу в секцию баскетбола, мне это нравилось и у меня неплохо получалось. Но ведь и спортшкола забирала время и от учёбы, и от домашней работы, не говоря уже о домашнем задании, мне его некогда было делать. Ещё мне нравилось бегать на лыжах, и у меня были неплохие показатели, я был одним из сильнейших лыжников в классе, и даже за школу выступал. Всё во мне было: и сила, и выносливость, кроме желания учиться, это для меня была каторга, лучше шлак месить или дрова колоть.

В то время я уже хорошо плавал. Один раз с Игорем Андросовым, моим другом, переплыли реку Бердь, в районе ж. д. вокзала на ту сторону и обратно, не касаясь противоположного берега, а это, наверное, километра четыре, не меньше. Правда, я об этом родителям не говорил, а то опять драли бы. Похоже на то, что не только сила и выносливость ко мне начали приходить, но и характер стал вырабатываться и воля к преодолению трудностей. Вскоре, я это проверил на себе в реальном деле, которое могло обернуться бедой.

Проверка на прочность

Помню я ещё такой случай: в моём классе учился Сергей Большаков, который был на один год старше меня. В Бердск он приехал из деревни Улыбино Искитимского района, что примерно, в тридцати пяти километрах от Бердска. Он там дружил с девчонкой и ему вдруг захотелось её навестить. Как-то зимним утром он предложил мне пойти с ним на лыжах в Улыбино, и я согласился. На мне были только свитер, пиджак, валенки и рукавицы. У меня нашлись даже лыжные палки. Наконец, мы собрались, но не взяли с собой ни еды, ни чаю, чтобы согреться. Наверное, мы думали, что там прямая лыжня до Улыбино и мы быстро доберемся до места. Хорошо, что был тёплый день, но то, что он короткий-мы не учли. Дома мы конечно же ничего не сказали.

Лётное поле прошли быстро, за речкой Гумёнкой идти стало труднее, так как прошли трактора и избородили всё поле. Это отнимало очень много времени и сил. Главным был он, я вообще не знал куда идти. Я доверился ему, он же там жил. Сколько мы прошли так, я не знаю, но начало темнеть, и, как потом выяснилось, мы ушли вправо, ближе к морю. Тогда там никаких дорог не было, а может и были, но мы их не видели. И тут я начал замечать, что напарник мой отстаёт. Он часто останавливался, и я ждал его, пока он догонит меня. В тот момент я немного отдыхал, но становилось холодновато. Как только мы увидели, что начинает темнеть, начали торопиться, а ещё он сказал, что в этих местах видели следы волков. Если бы он мне сказал это дома, я бы не пошёл. Наверное, было бы правильнее вернуться по своим следам назад, но мы пошли дальше. В какой-то раз, отойдя от него вперёд, я увидел перед собой овраг, не сильно глубокий, но заросший всяким кустарником и деревьями. Я стоял и не знал, что делать, обходить его, но он может тянуться далеко и отнимет много времени, или идти через овраг. Тут подошёл Сергей, он тяжело дышал, и я понял, что он устал. Пока он отдыхал, я начал мёрзнуть и сказал ему, что надо идти через овраг. Не знаю, как было бы днём, но в темноте, мы выбрали не то место для перехода, что даже спускаться было трудно. По пояс в снегу, через кусты, которые цеплялись за одежду и мешали идти, мы преодолевали этот овраг. Я был впереди и не шёл, а полз, держа в руках маленькие лыжи и палки. Серёга не успевал за мной, он вообще еле двигался. А в самом низу оврага и совсем отключился, просто лёг и сказал, что не может дальше идти. Это было последнее, что я слышал от него этим вечером.

А впереди склон оврага, по которому надо подняться. Но как мне вытащить напарника, ведь он идти не может. Что же делать? Крутой склон, заросший кустами, засыпанный снегом, и отключенный Серёга. Что там за оврагом, в какую сторону идти, и сколько, слишком много неизвестности. Пока я размышлял над сложившейся ситуацией, начал мёрзнуть, ведь мои руки и ноги, да и задница, были мокрые. Ноги, правда, пока не мёрзли хоть и были мокрые, валенки спасали. Я понимал, что надо шевелиться, чтобы согреться, а значит, тащить напарника в гору, не замерзая же в этом овраге. И я, собрав все силы, раз за разом, повторяя эти мысли, с закипевшим во мне злом на отключившегося Серёгу и дурацкое положение, рванул с места. Я бросил наши лыжи и палки вверх, насколько смог, подхватил его со спины под мышки и начал тянуть на себя. Сам сделаю шаг назад в гору, подтяну его, ещё шаг. Да и какой там шаг, хорошо, если сантиметров двадцать подтяну. Так, сгоряча, может на пару метров поднялся, перебросил лыжи и палки, и снова взялся за него. Вот тут я почувствовал в валенках снег, но решил на это не тратить время. Так, по сантиметрам, я его и волок в гору, а сам проклинал всё на свете, вместе с ним. Ругал его прямо вслух, ведь всё равно никто не слышит меня. Тут я всё сказал ему, не выбирая слов, что думаю про него. А про себя подумал, когда я говорю вслух, мне как-то становится легче. Я уже забыл про набившийся снег и отвлекался на то, чтобы оглянуться на склон. Мне надо было обходить кусты и деревья, да ещё лыжи перебросить. В этот момент я думал о том, чтобы ни одна лыжа назад не укатилась, и ещё о том, какой же он оказался дохляк.

Мне казалось, что Серёга был сильнее меня: играл в баскетбол, бегал на лыжах, да и вообще, он был крупнее меня. Я огляделся, в очередной раз перебрал лыжи, наметил место без кустов. Потом, немного освободившись от ненавистного груза, поочерёдно, вытряхнул снег из валенок и отряхнул рукавицы. Они были насквозь мокрые, но руки не сильно мёрзли, потому что я работал и сам холода не чувствовал. Я понимал, что плохо, когда ты мокрый на холоде.

По спине и под мышками текли ручейки пота, голова была тоже мокрая, как и задница, я на них я уже давно не обращал внимание. Очередной раз сижу, отдыхаю, а он как бревно лежит, не шевелится, даже не стонет, мне уже казалось, что я мертвеца тащу. А что мне оставалось делать, хоть мертвец, а тащи, иначе как бы я объяснял факт его отсутствия. А меня бы точно спросили, если бы до этого дошло, конечно, если бы я сам не замёрз.

Меня торопил холод, и я потащил его дальше вверх. После рывка ещё метра в два я понял, что овраг я преодолел, и передо мной теперь хоть и лес, но ровный. Я, конечно же, обрадовался этому и даже почувствовал прилив сил и надежду, что это когда-то может кончиться. Тут я стал думать, как облегчить себе работу, и решил положить его на лыжи. Как потом отметил про себя, очень хорошо, что были сыромятные ремешки, они были такими крепкими. Я связал лыжи, снял свой шарф, который закрывал мою шею, хоть он мне и мешал иногда, но я его бережно поправлял. А тут, я снял его и привязал к лыжам, а на лыжи затащил толи живого, толи мёртвого напарника и потащил дальше. Метров через пятнадцать-двадцать он сползал, и мне приходилось его поправлять, но это же не полтора-два метра, как в овраге.

Ночь была звёздная и тихая, я просто благодарен судьбе за погоду, что выпала мне тогда. Когда я шёл по ровной местности, то заметил за собой, что иногда в моей голове складывается какой-то мотив, и в уме я повторял какие-то слова из песен. Может бабушкины, а может, отцовские, он ведь бывший моряк и тоже часто пел, особенно по праздникам. И я начал подпевать себе, всё громче и громче. Лес и ночь, кого стесняться, а то, что мне это помогало, я понял быстро, и вспомнил бабушкины слова: подпевай, Марфа Ивановна.

С этими песнями, как мне показалось, у меня открылось второе дыхание и прилив сил. Я тащил его и тащил, а куда тащу, не знаю, и сколько тащу, тоже не знаю, но передо мной возник ещё один овраг. Тут моё настроение сменилось, песни ушли на второй план, и я начал изучать обстановку. Мне показалось, этот овраг был не такой крутой, как первый, и растительности меньше. А ещё я подумал, что пушу сейчас своё «бревно», и пусть оно само, хотя бы вниз сползает. Но не всё получилось, как я хотел, конечно же, легче, но всё равно пришлось мне быть впереди и подтаскивать его, снег всё равно держал. Но, чтобы вытащить его в гору, надо было делать так же, как и в первом овраге. Так же забрасывать лыжи с палками, так же становиться спиной к склону и так же брать под мышки и тащить. Так как в этом овраге снега было меньше, то это для меня имело большое значение. Я опять потерялся во времени, и сколько у меня его ушло на этот подъём, я тоже не знал. А ещё мне показалось, что я больше потратил сил, потому что, не переставая ругал его, не стесняясь леса и тишины. Когда я вытащил его из второго оврага, я просто упал на снег, и какое-то время лежал без движений, потом понял, что начал мёрзнуть. Я поднялся из снега и сел прямо на него, своего напарника, снимая поочерёдно валенки и вытряхивая из них мокрый снег.

Я не знал, что в это время думали мои родные, ведь меня нет дома. Почему я был таким не обязательным в своих поступках? Я почти всегда уходил так: пошёл и всё, никого, ни о чём не предупреждая. Больше, чем на одну ночь я не уходил, но для беспокойства родителям ведь и этого достаточно. Когда я вытряхивал снег из валенок, потрогал носки, простой и шерстяной, они оба были насквозь мокрые, но холода в ногах я не ощущал, вот что значит валенки. Хоть ноги и мокрые, но в валенках тепло. Про руки я не говорю, они мокрые уже часов пять или шесть, а не замерзают только потому, что я работаю ими. Про еду я вообще не думал, мне даже эта мысль не приходила. Снег рукавицей иногда подхватывал и бросал в рот, и про спички только сейчас вспомнил, но у меня их точно не было, а у Серёги, не знаю, может и были, но

он же, вырубился. А вот если бы костерок развести, то, конечно же, я бы и просушился, и отдохнул. Тут я почувствовал, что на нём сидеть теплее, но всё остальное всё равно мёрзнет. Но одна мысль меня вдохновила, да так, что я вскочил, даже закричал, подняв руки к небу. Я его тащу уже часов пять или шесть, и если он умер, то он должен остывать, а он тёплый, я даже грелся от него, значит, он живой, но что с ним?

С нескрываемой злобой, я пнул его ногой, не разбирая куда попаду и, ругая его, не выбирая выражений. Тут мне показалось, что я услышал стон. Я замер на какое-то время, замолчал и спросил себя, что это было? Послышалось мне, или на самом деле я слышал его голос. Тогда я отвесил ему ещё пинка, да, пожалуй, ещё покрепче, внимательно прислушиваясь и всматриваясь в свою ненавистную ношу. И точно, я услышал стон, но уже я с нее и подумал, что это действует, и принялся пинать его обеими ногами поочерёдно. Так в своей жизни я больше никого не пинал. За этим занятием я почувствовал у себя прилив крови, согрелся и начал колошматить его руками. Он сначала мычал, потом начал шевелиться. Меня как ужалил кто, я лупил его и приговаривал: это тебе за первый овраг, и за второй, а это, вообще за весь турпоход. И тут меня посетила мысль, неужели, он гад спал всё это время. То, что он живой, я понял и обрадовался этому. У меня даже надежда появилась, что я его раскачаю, и может быть, он дальше пойдёт сам. Я опять на какое-то время остановился и подумал, зайду с другой стороны, погрею ему другой бок, может быстрее разбужу. И я принялся пинать его обеими ногами, понимая, что я в валенках и ничего ему не поломаю, а польза обоим. И произошло то чудо, которого я ждал так давно, он зашевелился и что-то пробормотал, наверное, выражал недовольство происходящим, пинал-то я не по-детски, а как положено. Я был уверен, что он просыпается и взялся тормозить его руками, хлестать по роже, поверьте, я имел на это право. Потом я потянул его, чтобы посадить на лыжи и посмотреть в лицо, мне хотелось, чтобы он открыл глаза. Я согрелся весь и даже забыл, что ещё час назад мне было холодно. Наконец, я увидел, как веки его дернулись, и он открыл глаза. Для верности, я вклеил ему ещё яркую пощёчину и порадовался своему успеху. Потом я услышал не совсем разборчивую речь: «Где я?» И тут я излил ему всё своё красноречие. Догадываюсь, что он почти ничего не понимал, но мне надо было всё это сказать, толкнуть его мозг к размышлению и не только его, но и свой. Тут я увидел, как он дрожит, значит, почувствовал холод.

Я снял с него валенки и вытряхнул из них снег, конечно, его ноги были мокрые. Он даже попытался помешать мне это делать, тогда я отвесил ему ещё оплеуху, помогло, разговор стал разборчивее. Мне становилось легче, и я был почти уверен, что он пойдёт дальше сам, а если нет, то я уже знал, что надо делать. Мне показалось, что пора вставать на ноги. Как и раньше, я подхватил его под мышки и помог встать. Качаясь, он всё же встал, я даже похвалил его и сказал, что надо идти. Мне показалось он не понимает, что происходит, и холод ему подсказывал, что он не дома на диване.

Я не стал его больше лупить, боялся навредить, сделать хуже. Одной рукой я взял лыжи и палки, другой его, повторяя, что надо идти, и мы сделали первые шаги. Пройдя десять-пятнадцать метров, я сказал вслух, специально чтобы он слышал: «Боже, как же легко идти самому!». Понятно, что мне никто не ответил, но я был доволен, что он идёт сам. Сколько мы так шли, я не знаю, он шёл медленно, но всё же шёл. И вот, в какой-то момент, мне показалось, что я увидел огонёк. Я протер глаза, посмотрел на снег и снова начал пристально вглядываться в ту сторону, где я мог видеть этот огонёк, и вновь увидел его, а потом и второй огонёк. Ему я пока ничего не говорил, идёт и ладно, молча идёт, ничего не спросит, ничего не скажет, как вроде продолжает спать. И тут я вспомнил про волков, ведь у них в ночи глаза светятся, и я снова и снова смотрел в ту сторону и думал: «Господи, только бы не шевелились эти огоньки». Я даже на всякий случай посматривал на деревья, куда лезть, если это волки. Я, может быть, и спасся, а вот напарник точно нет, он еле шёл, а залезть на дерево точно бы не смог, и они его сожрали бы, прямо на моих глазах. И мне даже жалко его стало.

Но те огоньки оказались спасением для нас, это был край деревни, и даже Серёга увидел их и пошёл быстрее, а я подумал: «Неужели конец этому походу!». И вот тут-то, захотелось и есть, и пить, да так, что я начал срывать иголки с веток сосен и жевать их. А ещё, мне не давала покоя мысль, как это я не догадался попинать этого напарника ещё в первом овраге, почему я так долго не мог разозлиться. Мы бы уже давно были бы в каком-нибудь тёплом помещении, а может быть и чаю попили.

Мы подошли к самому крайнему дому. Залаяла собачонка, и мне казалось, что долго никто не выходил. Потом вышла какая-то женщина и из темноты спросила, кто мы, и что нам надо. Я как мог, объяснил ей, что с нами произошло, и она запустила нас в дом. Была глубокая ночь, около трёх часов. А это значит, что мы шли около шестнадцати часов. Кроме женщины в доме были старые дед с бабкой, которые как потом оказалось, даже по-русски не говорили, но зато, на немецком языке говорили хорошо. Женщина сказала, что деревня эта Сосновка, потом налила нам чаю, и дала по кусочку хлеба с пластиком сала. Мы съели это быстро, она дольше это готовила. Потом Серёга спросил её про каких-то людей из этой деревни, назвал фамилию, и она рассказала, где их найти. А я в это время думал, куда мы забрели, как оказалось, мы шли вдоль моря, а там, просто густой лес и овраги. Тут мой напарник сказал, что мы пойдём к тем, кого он знает, и, поблагодарив хозяев за еду и чай, мы пошли. Идти оказалось не далеко, дольше ждали, пока кто-нибудь выйдет из дома, ночь ведь. Вышел мужчина, Серёга назвал его имя и поздоровался, тот подошёл к нам и узнал его, потом пригласил в дом, и мы зашли. Сергей рассказал ему про наш поход, тот покачал головой, осуждая наши действия. Не помню, чем он покормил нас, постелил матрас на полу, дал две подушки, одеяло и сказал: «Спите до утра».

Уснули мы быстро и проснулись уже светло. Одежда наша хоть и висела у печки, но до конца так и не высохла, одевали полусухую. Да и в доме было не жарко, но по сравнению со вчерашним днём, тут был рай. Серёга объяснил, куда нам надо, и этот мужчина помог нам. Запряг коня в сани, положил туда сена, дал нам два тулупа, в котором я быстро согрелся, и даже просох за дорогу. Тут надо сказать, что я как барин лежал в тёплом тулупе и за всю дорогу не вставал ни разу, а Серёга управлял конём. Но мне кажется, что этому коню и не надо было никого, он и сам знает дорогу без управляющего. Меня удивило другое, как Серёга смог договориться, чтобы нам дали транспорт. Я думаю, что этот конь очень хорошо знает маршрут Сосновка-Улыбино. А если честно, то я больше доверял коню, чем Серёге, насчёт него у меня уже сложилось устойчивое мнение-слабак.

До деревни Улыбино мы доехали быстро, наверное, часа за два, а может и меньше, но я просох и даже подремал.

Когда мы приехали в Улыбино, Серёга повозку оставил у дома, дал коню сена, а меня даже не пригласил в дом. Да чёрт с ним с домом, хоть бы стакан чаю вынес. Он пришёл примерно через час, я молчал, у меня внутри опять была буря. Для себя я уже решил, что это последнее, что я делаю с ним вместе.

Он отвязал коня, и мы отправились в обратный путь, он что-то говорил, но я делал вид что сплю, и за всю дорогу я с ним не говорил так же, как он со мной в оврагах.

Обратно в Сосновку приехали быстро, отдали коня, нас чем-то покормили и сказали: «Идите в Бердск по льду, напрямую к заводу БЭМЗ». Дорога вдоль берега была ровная и широкая, и мы быстро дошли до БЭМЗа. Через два часа мы уже сели в автобус, а ещё через сорок минут я был дома. Не зря существует поговорка, что дурная голова не даёт покоя ни рукам, ни ногам. С того момента я прекратил полностью общение с Серёгой. Дома меня, конечно, поругали, я сказал, что мы были в Сосновке, но про овраги я не мог сказать, так про это никто и не узнал, вот только сейчас и рассказываю.

Домашние дела

Зима наступала, и чистка территории у дома была на мне, отец подключался только тогда, когда снега выпадало очень много. Я убирал снег, а времени на домашнее задание почти не оставалось, поэтому успеваемость была очень слабой. А вот баскетбол и лыжи я не пропускал. А ещё мы с пацанами часто играли в хоккей возле нашего дома. Деревянные ворота были разбиты шайбой, и отец не успевал их ремонтировать. Хорошо помню один случай: стоял я в воротах, а Саша Пичканов, мой двоюродный брат, ударил по шайбе с небольшого расстояния, так сильно, что попал мне прямо в нос, ну и, конечно же, разбил мне его. Кровь хлестала ручьями, и я долго не мог остановить её. Понятно, что потом весь нос был заклеен пластырем, и заживало долго. Иногда я с пацанами ходил на рыбалку, за железнодорожный вокзал. Своих буров тогда не было ни у кого, так мы находили старые лунки, раздалбливали их и рыбачили. Иногда что-то ловили, но, конечно же, мелочёвку.

Весной, пока ещё не сошёл снег, отец начал готовить материал для крыши. Опять для меня была работа, то подай стропилу, то гвозди. Я внизу был один, а отец и мастер, работали наверху. Мастером был дед моего приятеля, отец его звал Пионер, почему так, я не знаю. Так мы работали почти месяц, пока не покрыли крышу. Потом отец привёз оконные рамы и двери, их мы ставили сами. После установки рам, начали готовить стены к штукатурке. На деревянные стены и потолок надо было набить дранку, а шлако-литые стены, штукатурились и так хорошо. Но эту смесь глины с песком и цементом, надо было приготовить, то есть замешать, и делал это опять я.

Для штукатурки стен, отец где-то нашёл мастера, хороший был мастер. Сначала он кидал раствор на стены мастерком, но это ему показалось медленно. Потом он бросил мастерок и начал кидать раствор прямо лопатой, всё время приговаривая: «Ай, вертоуз!». Я слушал его, и мне казалось, что он хочет сказать виртуоз, а он хвалил себя, снова и снова повторял это слово. Но ничего не скажешь, мастер был хороший, работал быстро, я еле успевал за ним делать замесы. За всю жизнь я больше нигде не видел, чтобы так как он, раствор на стены кидали. После штукатурки начали делать чистовые полы, а потом, сварщик отопление варил. И так всё лето до поздней осени. Хотя пристройка у нас уже прогревалась и сохла, но спали мы ещё в старых комнатах.

Сейчас вспомнил, как я прострелил потолок в старой спальне. Не помню, каким образом, но у меня появилось ружьё, шестнадцатый калибр, и я с ним бродил по верхним озерам реки Гумёнки. Не знаю, что я делал, но произошёл выстрел в потолок, и в этот момент, где-то не далеко, находилась сестра Наташа. Помнит она об этом или нет, не знаю, но выстрел произошёл. Ну и, конечно же, с потолка посыпалась побелка и штукатурка, и даже щепки деревянные. Драл меня отец за это или нет, точно не скажу, но ружья у меня потом не стало, отец его у меня конфисковал. Потом я остался на второй год в восьмом классе.

Профтехучилище

Я раньше говорил, что не любил учиться, а мне родители даже репетитора нанимали, но я победил всех. Учиться дальше не стал, даже восьмой класс в школе не закончил. Но зато узнал, что в профтехучилище БЭМЗа набирают группу для обучения профессии токаря, и я пошёл туда, сам пошёл. Группу эту набирали в марте 1969 года. В училище меня взяли, на мою радость и радость папы с мамой, мне там понравилось. Мне эта учёба была интересна, так как занятия проходили поочерёдно, день теории, день практики. В день теории мы изучали технологию металлов, спецтехнологию, токарное дело, эстетику, физику с математикой, и даже английский язык. Я узнал, кто такие Рокфеллер с Дюпоном, и Форд с Морганом, да и токарный станок я быстро освоил. Всё у меня получалось хорошо, и мне очень нравилось там учиться. Вот что значит, преподаватели, я даже сам не ожидал, что мне будет легко обучаться в училище. Правда, сказывалось то, что я не познал в школе: математика и русский у меня шли хуже английского и технологии металлов. Но основные предметы, касающиеся профессии у меня шли очень хорошо. Я так легко усваивал все материалы на занятиях, что даже домашнее задание дома не делал, не было надобности. Мне достаточно было прослушать тему на уроке и всё, мог выходить и отвечать. А уж в практике у станка, я был мастером, мне очень нравилось работать с металлом, да и со станком я был на — ты.

Родители мои были очень довольны, что у меня всё получается и мне интересно там учиться. Группа наша была двадцать четыре человека: четыре девчонки, остальные пацаны. Девчонок за все эти годы я так и не видел ни одну, а пацанов, уже многих давно нету, кто утонул, кто умер. Я со всеми пацанами находил общий язык, но больше всего я дружил с Лешкой Лакомовым и Витей Быковым: с ним мы и посея день встречаемся. Он тоже дальнбойщик, как и я, и в свои шестьдесят шесть лет, ещё работает на трассе.

После года учёбы мы уже партиями делали на заказ детали для завода, и нам за это платили деньги. Я сейчас не помню, куда делся мой мопед, но после года обучения я выпросил у родителей мотоцикл ИЖ-Планету. К этому времени у меня уже были права, я их получил там же в училище, после курсов обучения. Конечно моих заработанных денег не хватало, но родители за хорошую учёбу мне добавили, а он стоил тогда шестьсот рублей. Как он мне нравился: очень мощный, быстрый, но тяжёлый. Один раз я ехал со стороны Сосновки, той самой, где я мог замёрзнуть, и перед четвёртым совхозом пролил сильный дождь. Вся дорога была раскисшая от дождя, а деревня была на горке, в которую мне надо было подняться. На дороге была такая грязь, что мотоцикл не едет, буксует и всё, даже по траве не идёт. Не знаю, сколько раз я пробовал подняться с разгона, до середины доходит и всё, мотоцикл стаскивает назад, вниз. Потом я решил: разгоняюсь по траве, сколько могу и ложу мотоцикл на бок. Получилось, половину подъёма я проехал, а половину тащил мотоцикл. Подниму перед, занесу, сколько получается, потом зад. Так, по полметра, я его в гору и вытащил, и в тот момент, он мне показался ещё тяжелее. В сухую погоду ему не было равных. Хороший был мотоцикл!

Пролетело ещё одно лето, за которое мы с папой построили хозяйственные помещения, гараж и баню и всё из того же материала: шлака и цемента. Опять опалубки, гвозди, доски, отпилить, выправить, заштукатурить. Даже крышу сами сделали.

Пришла зима, лёг снег, и в один солнечный день мы вчетвером: Лёшка Лакомов, Вовка Кузнецов, Вовка Леканцев и я, поехали на охоту к Лёшкиному деду, в деревню Огнёво-Займка.

Убийство не состоялось

Это мы сейчас понимаем, что стрельба из ружья в березняке Бердска, ничем не отличается от стрельбы в березняках Маслянинского района, березняки везде одинаковые. Но Лёшка божился, что в его деревне тетерева и куропатки на каждом дереве сидят. Вот мы и решили поехать в его деревню, за сто километров от дома. Собрались рано и около восьми часов утра сели в электричку до города Черепаново. У всех были лыжи, каждый взял еды в дорогу, конечно же, красное вино, мы его тогда употребляли, а Лёшка, как всегда, хвалил дедову медовуху. Вовка Леканцев был старше нас на год, и у него было ружьё-двустволка, двенадцатого калибра. В Черепаново мы сели в автобус, доехали до Огнёво-Заимки и пришли в дом Лёшкиного деда. Нас встретил шустрый и бодрый дед, угостил нас, чем мог. Мы тоже выложили всё, что смогли раздобыть дома. До поздней ночи вели разговоры.

На утро мы дали себе установку: идти на охоту, и мы её выполнили. Хоть нам и тяжело было, но мы встали ещё затемно, взяли лыжи и пошли. Вовка Леканцев с ружьём шёл впереди, чтобы быть ближе к дичи. Этим утром, мы увидели только белые поля, да редкие березняки. Снега было немного, можно было и без лыж идти. Шли мы гуськом, один за другим, как все по лыжне ходят. Пока шли по полю у Вовки ружьё не было заряжено, но было собрано, он ещё с вечера хвалился, что умеет быстро заряжать. Вот мы пришли в первый березняк, в котором даже воробьёв не было. Зайдя первым в березняк, Вовка решил зарядить ружьё. Я шёл за ним и был к нему ближе всех. Всего семь, или восемь метров отделяло меня от Вовки. Но, что произошло в следующие секунды, я вспоминаю сейчас каждый день. Он повернулся ко мне навстречу, и встал полу-боком. Так обычно становятся перед стрельбой. Я сам много лет охотился и так же становился к цели, будь то заяц, медведь или лось, это обычная стойка охотника. Я не могу сказать, что произошедшее позже было задумано специально, а зарядил он ружьё действительно быстро. Я не смотрел в тот момент по сторонам, не искал на ветках деревьев косачей, а следил за действиями Вовки. Но выстрела я никак не ожидал, а этот выстрел прозвучал. Заряд дроби взрыл землю прямо между моих ног, полетели снег и куски земли от дробового заряда. В тот момент я стоял, широко расставив ноги. Заряд дроби ушёл в землю, как раз между моими ногами. Мне должно было бы перебить какую-то ногу, ниже колена. Каким чудом этого не произошло, я не знаю до сих пор. Не успев раскрыть рот от возмущения, я услышал второй выстрел, от которого я почувствовал шевеление куртки в районе груди, в нескольких сантиметрах от левой руки. Я стоял, застыв на месте, и не мог ничего произнести, я был в шоке. Мой взгляд был устремлён на Вовку, а он вертел своё ружьё и оправдывался, что не поставил его на предохранитель. Мой шок прошёл быстро, я понял, что уцелел, и Вовка больше ружьё не заряжал. Значит, больше выстрела не произойдёт, и что самое страшное уже позади. Но за мной ещё двое, что с ними? Второй заряд дроби мог попасть и в них. Я оглянулся и увидел, что Лёшка и «Кузя» стоят как бетонные, с открытыми ртами и испугом в глазах. Они ведь шли по лыжне за нами, и если первый выстрел ушёл в землю между моими ногами, то второй, пролетел где-то вблизи их. Выстрел из двенадцатого калибра, это не хлопушка, а очень даже мощный заряд и звук, поверьте мне. Ещё я отметил, «Кузя» был от меня метрах в десяти, и если бы заряд попал в него, то мало бы не показалось. А вот Лёшка был далековато, метров тридцать примерно, и он бы отделался малой кровью. В этот момент я про себя отметил, что меня очередной раз спас мой ангел хранитель и спасает меня по сей день. Правда, сейчас я намного осмотрительней и берегу своего ангела, не создавая ему проблем со мной, по крайней мере, я стараюсь. Сколько раз я говорил ему спасибо за то, что меня оберегал. Мне не хватит всех моих пальцев пересчитать все случаи, когда приходилось вмешиваться моему ангелу. Мне даже стыдно перед ним, что мне так часто нужна была его помощь.

На этом наша охота и закончилась, без всякой дичи, но целые. Обратно мы шли как побитые собаки, думая каждый о своём. Я думал, как хорошо, что я живой, мало того, на мне даже крови нет, а испуг пройдёт быстро. А Вовка Леканцев, наверное, думал, что тюрьмы не будет, ведь пострадавших нет.

Вернулись мы в дом деда быстро, как говорят, по горячим следам, настроение у всех было плохое, все молчали. Лёшка молча принёс ковшик медовухи, и так же молча мы его выпили, закусили чем могли, и начали собираться домой. Дед, конечно же, ничего не подозревал, и был таким же весёлым, как и раньше. Попрощавшись с ним, мы уехали и в таком же молчании разошлись в Бердске. Дома про это я, конечно же, никому не сказал. Родителей уже давно нет, и они так и не узнали про то, что произошло в той деревне. И я про это старался не вспоминать, и никому из своих родных об этом случае не рассказывал. Но написать сейчас об этом, я думаю, стоит, хотя бы потому, чтобы тот, кто прочтёт эти строки, не допустил подобных ошибок.

Тридцать пятый цех

Учёба в училище шла своим чередом, бегали на лыжах, играли в баскетбол. Успеваемость по теории у меня была хорошая, а практика была вообще отличной. Когда отсутствовал мастер производственного обучения, старшим в группе оставляли меня, и я справлялся. В последние три или четыре месяца началась постоянная практика, сплошная работа на станке. Всю группу распределили по заводу в разные цеха, а меня оставили в училище, я продолжал выполнять разные работы. Во время этой практики я уже зарабатывал деньги, аванс и получку, и отдавал их родителям. В конце учёбы на нашу группу дали четыре путёвки в Ленинград, и одна из них досталась мне: за хорошую успеваемость и помощь преподавателям в подготовке группы к выпускным экзаменам. Экзамены я сдал очень легко, мне присвоили третий, повышенный разряд и определили меня работать в тридцать пятый, инструментальный цех, на участок пресс-форм. На этом участке, было единичное производство, редко, когда была партия деталей. А мастером у меня был Штрекалкин Иван Яковлевич, я и не подозревал, что когда-то уеду с ним на Колыму.

В тридцать пятом цеху БЭМЗа Забыло чисто и светло, стояли цветы и другие растения, мне там очень нравилось. Станок мне дали такой же, на каком я работал в училище. Очень хороший станок, я многое мог на нём делать. Зарплата была у меня хорошая, и мастер Иван Яковлевич давал мне очень сложные и дорогие заказы. Я научился выполнять работы четвёртого и пятого разрядов. Мастер участка относился ко мне очень хорошо, я не знаю почему, но даже, когда я ушёл в армию, он держал со мною связь, писал мне, и я ему отвечал.

Осенью тысяча девятьсот семьдесят первого года я надеялся, что меня заберут в армию, но не забрали. Я так и проработал токарем в тридцать пятом цехе, до весны тысяча девятьсот семьдесят второго года. В мае этого года, наконец-то, меня призвали, чему я был очень рад. Я хотел в армию. Проходя призывную комиссию ни один врач меня не забраковал. Мне назначили день, когда я должен прийти в военкомат с вещами, для отправки в войска.

На этом этапе жизни я понял, как зарабатываются деньги, что нельзя опаздывать не то, что на завод, а вообще. Во мне прижилось понятие пунктуальность, и дисциплина. Я считаю, это был мой подготовительный этап перед армией, и я его прошёл.

Долгожданная и незабываемая армия

Проводы, наверное, были как у всех: родня, друзья, соседи. Девчонки по мне не плакали, не было у меня таких. А вот мастер участка, Штре- калкин Иван Яковлевич был, и пришёл провожать. Он был добр и уважителен с родителями, они и до моих проводов его уже знали. Наверное, это хорошо, потому что мои родители ему верили больше, чем мне, он же был старше меня на четырнадцать лет. Видный, представительный, авторитетный, с высшим образованием, я думаю, он был самым почётным гостем. И ещё, я не думал, что мы с ним так крепко связаны, что продолжим после моей службы очень серьёзное путешествие, на край света-Колыму.

Ну и, как говорится, отгуляли в поле кони, откусили комары, вечер закончился, все разошлись. А утром, попрощавшись с родными, с небольшим рюкзачком, я пошёл к военкомату. Там нас построили, провели переключку, определили по группам, опять построили, отдали команду: «Направо, к автобусам шагом марш!» Привезли нас в Новосибирск, на «холодильник», так называли областной пункт сбора призывников. Раз пять нас строили, проверяли по спискам, сортировали, определяли, организовывали команды. Куда нас повезут никто не знал, но кое о чём, мы стали догадываться, так сказать, мыслить логически. Проще говоря, определять по выправке офицеров, которые нас принимали. И что-то нам подсказывало, что служба нас ждёт серьёзная. Но ни офицеры, ни сержанты не говорили, куда нас повезут. Особенно нам понравился один майор, такой весь гладкий, наглаженный, стройный, опрятный, высокий, голос как у маршала. Даже его движения отличались чёткостью от всех остальных офицеров. И, как потом выяснилось, это наш комбат Невлянинов. Ни к чему не придраться, ни к внешнему виду, ни к воинской речи. Потом нас снова посадили в автобусы и повезли в аэропорт Толмачёво. Там нас подвезли прямо к самолёту, а у самолёта нас снова построили, всего сто сорок человек. Дали команду, положить перед собой всё, даже из карманов прямо на асфальт.

Нами командовали три сержанта, у одного была корзина на колёсиках, и всё, что не положено, полетело в неё, набралась полная корзина. В конце этой процедуры мы узнали, что летим в Москву. Потом нас построили в колонну по три и повели на посадку. В полёте мы были четыре часа и большинство из нас летели первый раз. Приземлились мы в аэропорту Домодедово, там нас уже ждала целая колонна зелёных, армейских ЗИЛОВ с брезентовой крышей, а не гражданские автобусы. Опять же по команде, мы погрузились в эти машины и повезли нас в часть, в Чернышевские казармы, что находятся в Москворецком районе. Позже мы узнали, что это была бригада по охране и обороне штабов «Министерства обороны Советского Союза». Вокруг зданий бригады стояли многоэтажные дома. С территории части было хорошо видно людей, наблюдающих за действиями на плацу. Я был определён в восьмую роту второго батальона, которой командовал капитан Александрин. Невысокий, но очень проворный и матёрый офицер, с неудержимой энергией. На его груди отчётливо был виден значок, «СУ», что означало, воспитанник Суворовского военного училища. Командиром моего отделения был сержант Фаттахов, высокий, спортивного вида татарин, (в армии, этот командир заменяет маму и папу). По всем, какие только могут возникнуть вопросы, обращаться к нему.

По прибытию в расположение роты, нас опять построили, и повели в столовую, где мы в первый раз увидели армейскую «сервировку». Столы были рассчитаны на десять человек, то есть, каждое отделение садилось за отдельный стол. Садись и вставали тоже по команде. В первые дни мы не укладывались в отведённое для принятия пищи время, хотя сержанты и поторапливали нас. Мы старались съесть первое и второе, а если оставался хлеб, раскладывали его по карманам. Команда: встать, выходи строиться, звучала быстро и строго. Роту водил старшина роты, прапорщик или командир одного из взводов. Если нет старшины и офицера, их обязанности выполнял заместитель командира первого взвода, сержант или старший сержант.

После одного года службы, уже и я водил роту, оказывается, это так просто. Все понимают с первого раза и дважды не повторяешь. Вот тут и вырабатывался командирский голос, да и приятно, когда тебя с полуслова слушается полторы сотни бойцов. Понимаешь весомость своего положения, а вместе с этим и ответственность за свои действия. После завтрака начинались занятия, каждый со своей табуреткой садились в колонну по три, ровными рядами. Занятия по изучению устава гарнизонной и караульной службы, документов, удостоверяющих личность, и многое другое вели командиры взводов. Учили нас как всё делать правильно, а не как тебе хочется, или как ты думаешь. В армии устав, и этим всё сказано, если сделал что-то не так, значит, не знаешь устава.

Никогда не забуду, как нас учили быстро становиться в строй после сна. Звучит команда: «Рота подъём», построение через сорок пять секунд. Вы не представляете, что творится в это время. Это можно сравнить с муравейником, только тут происходит всё быстрее и не в полной тишине. Кто-то ударился о кровать головой, кто-то ногой, кто-то столкнулся лбами, а кто-то вообще, не свою одежду схватил, и наслушаться можно всяких слов и сочетаний. Ну и, конечно же, сержантский состав был всегда быстрее. А командир, на секундомер смотрит и подгоняет. Капитан Александрин, вообще спичку зажигал, и пока она горит, надо одеться и встать в строй. Так вот и тренируемся, пока не будет хороший результат, а это может продолжаться и два, и три часа. Даже из-за одного опаздывающего солдата могут гонять весь взвод и даже роту. Вот тут и начинается коллективное воспитание, чего и добивался командир. Все, кто успеваешь, начинают ругать того, кто не успеваешь, вплоть до матов. И предупреждают, что нарываешься на «велосипед». Это когда ты спишь, а у тебя между пальцами ног бумажки загораются и будят тебя. Поверьте, это очень действенная мера, стоит один раз посмотреть на происходящее, и отстающих как ни бывало: у них просыпается чувство стремления и быстрота. После таких тренировок было всё было сдвинуто, даже тяжёлые, двухъярусные кровати и те иногда сдвигались. Особое внимание уделялось заправке кровати: на одеяле и подушке ни одной морщинки не должно быть.

Строевая подготовка, эта тема особенная. Ещё в Новосибирске, сержанты сказали нам, ходить ребята мы вас научим так, что всю жизнь будете помнить. Выводили нас на плац поротно, повзводно и по отделениям, муштровали нас беспощадно. Скажу вам, это такое изнурительное занятие, бег на три километра кажется лёгкой прогулкой. Всё, что находится ниже пояса, болит. Как поставят в стойку, с поднятой ногой и с отмашкой, одна рука впереди перед грудью, а другая сзади, так и стоишь, пока не поступит другая команда. Наши яловые сапоги, казались тяжёлыми гириями, семь потов с нас лилось, а командир покрикивает: «Выше ногу, чётче отмашку!» Но регулярные тренировки берут своё: ноги и руки крепнут, движения становятся чётче, складывается фигура и походка. Не зря в армии говорят: не умеешь-научим, не хочешь-заставим! Я думаю, что через это должен пройти каждый мальчишка. После строевой подготовки и небольшого отдыха, начинались занятия: изучали оружие и уставы, другими словами, правила несения службы. А позже, добавились очень серьёзные документы. Нас готовили к охране и обороне штабов Министерства Обороны СССР! По окончании занятий, был ужин и прогулка по территории части, после прогулки с песнями, личное время. До отхода ко сну надо было подготовиться к завтрашнему дню: кто-то писал письма, кто-то качал мышцы на брусьях, перекладине, а кто-то занимался с гантелями. Я много уделял времени физической подготовке, а писать часто не любил. Команда «отбой» была ровно в двадцать два часа.

К концу мая во взводах осталось меньше людей, убирали слабых, хитрых и неспособных. Тогда же нам сказали, что поедем в летний палаточный лагерь, недалеко от деревни Зюзино. Однажды утром поступила команда: сдать одно, получить другое. Нас переодели, переобули, выдали старенькую повседневную форму и кирзовые сапоги, которые уже носило не одно поколение таких, как мы. Выдали рюкзаки, бушлаты, пилотки, противогазы, малые сапёрные лопаты, фляжки, химзащиту, подсумки для магазинов автомата и сам автомат. Кроме этого,

взяли свои вещи из тумбочки: мыло, зубную щетку, пасту, полотенце. Потом нас построили, проверили и вывели на плац, где уже стояли армейские ЗИЛЫ, те самые, что везли нас из аэропорта. Как говорили сержанты-это наши автобусы на все года, и других не будет.

Три часа нашу колонну вели ГАИ и ВАИ, (Воинская Автомобильная Инспекция) спереди и сзади колонны. Наконец, мы перед шлагбаумом летнего лагеря. Входя на его территорию, мы разглядывали своё новое место жительства. Выглядело оно так: ровные ряды брезентовых палаток и между ними большие берёзы. Везде чисто и аккуратно, дорожки посыпаны отсевом.

Определившись с палаткой, всё громоздкое снаряжение мы сдали в каптёрку, оставили только то, что должно быть в тумбочке и на прикроватном табурете, всё также, как в Москве. Электричества в палатках не было, всё при естественном свете, который пробивался в три небольших окошка.

Важная часть армейского быта-туалеты, которые вмещали сотню человек, были побелены известью, и в них было чисто. Со слов сержантов следует сказать, что для чистки туалетов работников хватало. Тут изгоняли лень, гонор и неряшливость с неторопливостью-хороший полигон армейской науки. Мне на этом полигоне не довелось ни разу поработать, потому, что наказывать меня, было не за что. В первые дни полевой жизни были «косильщики», которые думали, что от зарядки можно «откосить», находясь в туалете. Но они просчитались, потом и зарядку делали и туалеты чистили.

Распорядок в лагере был похож на городской, только тут мы бегали по полям и болотам, а не по чистому асфальту. Завтрак и занятия были такими же, как в Москве. Отличие было только в том, что теоретические занятия чередовались с кроссом, без всяких объявлений. А количество километров мы узнавали уже в пути. Три, пять, или даже десять, зависело от познания нами теории и поведения. Правило коллективного воспитания действовали везде одинаково. Из-за одного, гоняли весь взвод или роту. После таких пробежек, многие бойцы даже в туалете сидели с уставом в руках.

Уже через несколько дней после прибытия в лагерь, мы узнали, где находится стрельбище, и раз по десять стреляли из пистолета Макарова и автомата Калашникова. Стрелять нам понравилось, а вот про экзамен с противогазом без смеха не вспомнить, впрочем, как и без слёз. После многочисленных тренировок по одеванию противогаза, нам устроили «экзамен», проводили его в «газовой камере». Тут был смех, слёзы и сопли с кашлем, и даже слова матерные, со стороны это выглядело не очень смешно.

Заместитель командира взвода зажёл и бросил в палатку дымовую шашку. Как только из неё повалил густой дым, командир первого отделения дал команду: «Отделение за мной, в палатку, бегом марш!», а уже в палатке, прозвучала команда, «Газы». Это значило, что нам надо надеть противогаз и ждать команду «на выход». Но это перед палаткой кажется, что всё понял. Но там, в густом и едком дыму, то подсумок не открывается, то противогаз не одевается, или оделся криво. И тогда в палатке, начинается борьба за выживание. А у командиров, борьба за обучение. Те, кто хоть разок вдохнул газ, или открыл глаза, даже кричали, и начинали искать выход из палатки. У них были боли в глазах и горле, но выйти им не давали. Надо прочувствовать это, чтобы дошло через голову. Кажется, что всё, сейчас сдохнешь и начинаешь искать выход. Вот уже кто-то на коленках ищет пролаз под палаткой. Но палатка хорошо присыпана снаружи землёй, и остаётся только одно: дотерпеть и делать всё правильно! Польза от этого нехитрого сооружения была очень большая. Два других отделения смотрят на происходящее и делают выводы.

Честно скажу, больно смотреть на это, сразу берёт беспокойство, а как у меня получится, неужели так же. А сержанты ещё и ехидничают, что, «защитники Отечества», чем занимались на тренировках, или в то время у вас уши заложило? Теперь будем доводить это до совершенства. В это время, командир взвода говорит сержанту, добавь ещё одну шашечку в палатку, а то эти воины весь дым поглотали, второму отделению ничего не осталось.

У второго отделения получилось лучше, видать ребята прочувствовали опыт первых, и сделали вывод. Я был в третьем отделении, всё видел и настраивал себя на правильность действий. Беспокойство было, но и уверенность в себе, тоже была. По команде, следом за командиром отделения, мы вошли в палатку. Плотно закрыв глаза и не дыша, я надел противогаз, как учили. В этот момент, я контролировал свои действия и, убедившись, что всё сделал правильно, открыл глаза, а вот дышать какое-то время не решался. Через некоторое время я переборол страх и начал дышать. Сначала, как-то торопливо, потом дыхание выровнял, и всё встало на свои места. Слышу рядом похрюкивание, осмотрелся, всё отделение стоит спокойно, дышат все и смотрят друг на друга. Даже в противогазе было видно, что довольны, глаза весёлые. Тут я не вольно подумал, как же это просто. Хорошо, что есть глаза и уши, чтобы усвоить то, что говорят командиры. Просто надо верить их словам, ведь они нас учат. А свои личные взгляды и понятия, надо отодвинуть в сторону, а то и вообще забыть про них, они могут быть неправильными. Таким было наше первое знакомство с газовой палаткой.

На этом полевые занятия этого дня закончились, мы пришли в лагерь делать разбор проведённого мероприятия и продолжить занятия. Последующие дни были не менее напряжёнными, нас со всем снаряжением гоняли по полям, когда пять километров, а когда и десять.

Весило это снаряжение килограммов пятнадцать-семнадцать. Вроде бы и немного, но не для всех. Кому-то, это было просто непосильно, так как, бежать налегке это одно, а с таким грузом, совсем другое. К таким марш-броскам мы были совсем не готовы. Следует сказать, что наш командир роты бежал впереди. Он был без снаряжения, но почти вдвое старше нас.

На одном из десятиминутных привалов, сержанты нам сказали, что это ещё не самое трудное, как говорят, это ещё цветочки, ягодки впереди.

Оказывается, у нас на пути болото, на котором нет деревьев, и как говорит командир роты, местность прицельно простреливается противником, да ещё с применением химической атаки. Поэтому и звучит приказ от командира: «Рота, надеть противогазы, рассредоточиться, дистанция три метра, ползком, преодолеть болотистый участок!» Эта команда говорила о том, что первому и второму взводам надо сместиться влево, а четвертому и пятому, вправо, да так, чтобы между бойцами было три метра. Вот тут мы и познали, что значит в таком снаряжении преодолеть этот участок. Лучше бежать со всем снаряжением, десять раз пройти газовую камеру, прыгать с кровати, на раз, два три, чем по болоту в противогазе. Нам и так было тяжело с тяжёлой ношей за спиной, а тут ещё кочки около полуметра и обязательно вода, как без неё. Без воды было бы не полное ощущение реальности, и вот тут, ещё смешнее было смотреть на нас. Не ползли по болоту только офицеры, они контролировали происходящее. Представьте себе, сто двадцать пять бойцов и три метра между ними, это почти полкилометра!

Пока мы разворачивались, наши языки были на плечах, а ещё предстоит ползти. Командиры взводов дублировали команды ротного и подгоняли нас потому, что мы еле шевелились. Сержанты покрикивали, «отделение вперёд, за мной, бегом, вы что, как сонные мухи». Наконец, мы рассредоточились, и легли в болото. Звучит новый приказ ротного: «ползком двести метров, марш!». Вот тут мы поняли, что такое двести метров болота. В нашей голове не укладывается приказ, двести метров? Он не ошибся? Тем временем, вода уже затекала везде, и липкая грязь смазывала нас, как будто мы могли заржаветь. Автоматы мы держали в правой руке за ремень, ближе к цевью, так, чтобы вода и грязь не попали в ствол, это было обязательно.

В первые же минуты, всё что было на ремне сзади: лопатка, подсумок, котелок и фляжка с водой оказалось спереди, на пузе, и сильно мешало ползти, да ещё и вещмешок цеплялся за кочки. Вода и грязь попали на стёкла противогаза и сразу ухудшали обзор. Точнее, ни-фига не видно, только протрёшь рукой стёклышки, а они уже опять грязные и поэтому ползти, кто куда. Какая тут дистанция, уже кто-то ползёт рядом с другим бойцом. Кто-то вообще потерял ориентиры и ползёт чуть ли не в обратном направлении. Тут их поправляют командиры, и бойцы разворачиваются в нужном направлении. Командиры торопят, быстрее, но где там.

У каждого была какая-то своя проблема, то сапог спал и его надо надеть, то бушлат отстегнулся и его надо прикрепить. А кто-то автоматом в кочку упёрся, надо хотя бы грязь убрать. Были и такие, которые просто сели и отдыхали, делая вид, что чистят стёкла противогаса. Но сержанты, командиры отделений видят всё, и дают соответствующие команды. Но, какие бы команды они не давали, все уже ползли, почти ничего не слыша, слышалось только хрюканье противогаса. Автоматы уже были скользкими и выпадали из рук, да и сил уже почти не было. Сколько мы проползли, никто не понимал, как и не видели и конца этой грязи. Мы бы вообще не знали, кончится она сегодня или нет. Если бы не командиры взводов, которые не спешили нас радовать, мы бы и не знали, сколько осталось ползти, и мы ползли.

Тут послышался голос командира взвода и команда: «рядовой в первом отделении, надеть противогаз». Оказалось, что у него он сполз и упал в грязь, и он пытается его надеть, но у него это не получается. Вот и у меня пилотка с головы упала в грязь, я её рукой нащупал, одел на голову и почувствовал, как побежала жижа за воротник, но на это я не обратил внимания, надо ползти. А командир взвода подгоняет и кричит, чтобы ползли быстрее. Он кричит, а мы думаем, чёрт возьми, да лучше бы я весь день сидел в этой газовой камере, чем барахтаться в этом болоте. Я не знаю за других, но мне показалось, что мы ползли часов пять. От собственных мыслей, нас отрывали лишь команды командиров.

Вот послышался какой-то крик, командир взвода, продублировавший команду ротного, обрадовал. Команда была такой: «рота встать, впереди искусственное сооружение, окопы, сто метров бегом марш, в последнем окопе занять оборону». Тут не знаешь, радоваться или плакать. У нас и встать-то, не получается, не то, что бежать. Но, команда отдана, и взводные торопят и командиры отделений. И вот, сто двадцать пять кусков грязи, поднимаются и стараются бежать. Но бегом, это назвать никак нельзя, потому, что бежать почти никто не может, только сержанты.

Весь личный состав, еле-еле ковыляет, пытаюсь изображать бег. В сапогах чавкает, и из них выплёскивается вода, но одна мысль радует, мы уже не ползём, а бежим, хоть мокрые и грязные, но всё же лучше.

И уже там, в последнем окопе, попадая даже без команды, мелькала мысль, сколько же мы проползли. От сержантов мы узнали, что всего сто метров, и ползли мы эти сто метров полчаса, а нам показалось, полдня. С сержантами не поспоришь, они были с нами рядом и всегда впереди. Они нам отвечали не без гордости, что это болото мы может уже десять раз проползли. Хотя, если разобраться, то двое из четырёх сержантов нашего взвода, служат всего на полгода больше нас. Самым «старым» считался сержант Стремаусов из Челябинска, он отслужил уже год. Ещё лёжа в окопе, мы узнали, что обед сегодня будет выездной, а значит, полевая кухня привезёт его сюда. И через какое-то время мы услышали команду, «рота, повзводно, в колонну по три становись». Сил не было, но команда и разговор про обед, подгоняли. Кое-как построившись, мы услышали команду, «приготовиться к приему пищи».

Вот тут мы вспомнили про фляжки с водой и, что странно, мы ей вообще не пользовались, просто забыли. Сейчас вода из фляги пригодилась, чтобы скромно умыться и ополоснуть котелок. Он так сильно мешался в болоте, цепляясь за траву и землю, но в данный момент, он был нужен, как ничто другое. Пока мы готовились к обеду и не заметили, как прибыла кухня и уже готова была к раздаче пищи. Мне показалось, что не прошло и полчаса, как вся рота получила питание. После обеда, нам дали пятнадцать минут отдыха. Потом прозвучала команда «встать, в колонну по три становись», и повели нас в расположение лагеря. Как говорится, война войной, а обед получили по распорядку. Я думаю, это ещё для того, чтобы мы представляли, как происходит это всё в полевых условиях.

Шли мы обычным маршевым шагом, с песней: «не плачь девчонка, пройдут дожди, солдат вернётся, ты только жди». По приходу в расположение, нам до вечера дали время, чтобы привести все вещи в порядок. Хорошо, что погода была солнечная, и одежда наша высыхала

быстро. Стирать пришлось всё, даже нижнее бельё, грязь и туда попала. Сами вымылись под умывальниками, хорошо, что их было много и воды сколько хочешь. Пока мы шли до лагеря, грязь на вещмешках и бушлатах подсохла, и половина её просто оттерлась, а некоторые места пришлось застирать. Всё было завешано нашей одеждой: бушлаты, вещмешки, подсумки, портянки, чехлы для лопаты, сумки для противогазов, плащи химзащиты, а времени на это не так уж и много дали, всего три часа. Потом была чистка оружия, это такое мероприятие, которое занимало много времени, и ещё и проверка каждого автомата и магазинов к нему. Автомат надо было разобрать по отдельным деталям чистить так, чтобы нигде не осталось грязи и воды. После чистки, каждый боец докладывает командиру отделения, что чистку оружия закончил. После проверки командиром отделения, проверяет командир взвода, на чистоту и на правильность сборки автомата. Белой тряпочкой, он лезет в самые труднодоступные места. Не дай бог, на тряпочке обнаружится грязь, то можешь получить и внеочередной наряд. А это, тряпки, мётлы, туалеты, а если окурок найдут после твоей уборки, то ещё добавят. Мало того, так ещё и командиру отделения достанется, а тот, на тебе сполна отыграется.

Почистив, смазав и дав оружие на хранение, приводили себя и форму в порядок. Остатки дня были заняты изучением документов. Я заметил за собой, что бежать, ползти, соскакивать с кровати и кидать гирю мне было легче, хуже доставалось запоминание документов и устава.

Сегодня, после команды «отбой», никому даже и шептаться не хотелось, все заснули крепким сном. И ночь эта пролетела моментально. Следующим утром была сдача спортивных нормативов. Если не выполнил их определённое количество раз, поставят перед строем, и будешь краснеть от стыда. Нормативы, конечно же, не все выполняли, трудно давалось на перекладине, подтягивание, подъём разгибом и выход силой. Это были самые трудные упражнения. Я на эти упражнения делал основной упор, раз они самые важные, значит, их надо чаще делать. И мой труд не проходил даром, все нормы я сдал без замечаний.

В общем, полтора месяца нас гоняли беспощадно, вкладывали в нас силу, выносливость, знания, умения и понятия. И вот, уже перед завершением летнего сезона, как любил выражаться командир роты, «курортного сезона», нам устроили «прощальный» марш-бросок, на десять километров. Своего рода экзамен на прочность. Командованию надо было понять, стали мы крепче и выносливее, или остались такими же «немошными», какими пришли. Нам и самим хотелось увидеть разницу, как было, и как стало.

Утро было обычным, только команда: «рота подъём, тревога!». День был солнечный, и мы подумали, что будет жарко. И на самом деле, было жарко. Десять километров с полной выкладкой мы давно не бегали и сейчас, это как экзамен, по которому можно определить уровень подготовки бойцов. Я сам легко перенёс этот марш-бросок, ещё и другим помогал. Одному автомат помогу пронести, а другого просто берёшь под руку и помогаешь ему бежать, отставать никому нельзя. «Хоть на руки берите и тащите» - говорил взводный. В боевой обстановке этот боец-ценная находка для противника, такое допускать нельзя. Роту конечно, из-за него не погонят, а взводу легко опять могут такой бросок устроить, как говорят, для закрепления материала. Вот с хворостиной бежит командир первого отделения и, как ожиревшего гуся, не сильно лупит по вещмешку отстающего бойца. Мало того, он ещё его автомат тащит. Удивительно, но во мне чувствовался прилив сил, и я мог бежать хоть сколько. Я даже подумал, что десятка, это не так уж и много и понимал, что в этом я сильнее большинства бойцов. Командир отделения, младший сержант Фаттахов, во время бега со мной на-ты обращался, конечно же, когда мы оставались вдвоём. А мы всё бежим и бежим, поднимая клубы пыли.

Послышались слова командира взвода «прибавить хода», остаётся один километр. Все мы отдавали последние силы и настраивали себя на последний километр. Но команда ротного: «Рота, шагом», поменяла наши планы. А следующая команда, обрадовала: «Подтянуться, отдых десять минут». После этих слов вся рота упала прямо на дороге, навалившись спиной на вещмешки. Ротный в это время поспешил назад, подогнать отстающих и узнать, кто слабее.

Когда он проходил мимо нас, я заметил, что он нисколько не запыхался, шёл так легко, как будто и не бежал!

Десять минут пролетели как одна, нас снова построили, и ротный сказал, что рота с боевой задачей справилась. Кто бы знал, как нам было радостно, и мы все, без всякой команды прокричали -Ур-а-а-а! Правда, крик получился очень слабый, не отработанный. Нам дали команду «направо», и повели в расположение части.

Всё, это был наш последний марш-бросок в это лето, лето тысяча девятьсот семьдесят второго года. Сначала мы шли молча, и каждый думал о своём. Командир роты, как будто специально дал нам время, чтобы каждый обдумал ещё раз необходимость подобных мероприятий. Через некоторое время послышалась команда «запевай», и мы запели. Чувство выполненного долга переполняло нас, и песня лилась громче обычного. Голоса наши стали сильнее, и мы чувствовали себя матерыми бойцами. Песню «Студенточка, заря восточная», мы уже знали хорошо и сейчас пели её в полный голос. Думаю, нас слышно было и в деревне Зюзино, которая находилась в километре от нашего лагеря.

По пути в лагерь мы уже знали, что завтра будет строевой смотр, он и определит разницу между тем, какими мы сюда прибыли и какими стали. Кроме этого, существует традиция: по приезду и убытию пройти строевым маршем по воинскому плацу. Этот марш, как дань уважения этому месту, через которое прошли все военнослужащие нашей части. Кроме этого, нам и самим было интересно узнать эту разницу. За эти два месяца мы заметно возмужали и стали выносливее.

Завтра, на строевом смотре мы должны показать всё, чему нас научили за это время, которое называется «курс молодого бойца». Два месяца упорного труда: изучения воинских дисциплин, уставов, бег, стрельбы, строевая и физическая подготовки, политическая и специальная, которая включает в себя бесчисленное количество документов. И всё это, за два месяца, мы внутри стали другими. Строевой смотр закончился, командиры и мы сами убедились, что время, отпущенное на нас, пошло на пользу. Следующее утро было волнительным, все знали, что уже сегодня мы будем в Москве. В этот раз в машины мы грузились дружнее, не то, что два месяца назад. Уже по пути в Москву, у нас с сержантами зашёл разговор про командира роты, и он нам сказал, что наш ротный, с восьми лет военный. В то время ему было лет тридцать восемь, это значит, что в армии он уже тридцать лет. На вопрос, как это может быть, сержант ответил, что ротный окончил Ротный был не большого роста, но на удивление шустрый. Он отличался от всех остальных офицеров, казалось, для него нет ни чего невозможного. Выправка прекрасная, строевая подготовка отличная, стрелял лучше всех офицеров. Для нас это был просто эталон. А выносливость, и отсутствие усталости, покоряли нас. Мне не забыть, как после официального обращения с нами, у него часто вылетало слово «сынки». И потом, при любом построении с его участием, мы смотрели на его грудь, и старались почувствовать эти две буквы «СУ». Сколько в них значения! Эти две буквы рассказывают всем, кто встретил их глазами, о пожизненном ратном труде. О том, что этот человек, никогда не носил длинных волос, не «тусовался» на танцплощадках с девчонками, не пил пиво за углом школы. Это потому, что его первый класс был уже в военном училище. Его не драли ремнём и не таскали за уши, он не знал нашего босяцкого детства, у него было всё своё, военное. И то, что мы узнали в восемнадцать лет, он знал уже в восемь! Сейчас я могу себе представить жизнь курсантов, ведь это, сплошная команда, и ни чего больше. Встать, сесть, направо, налево, стой, подъём, отбой. Интересно, как он в семье обращается со своими детьми и женой?

В общем, глядя на таких военных как он, во мне зародилось уважение и гордость за то, что я воспитывался у таких офицеров. Мне никогда совесть не позволяла быть неряшливым, даже в его отсутствии, не говоря про то, если он стоял перед ротой. И, как я понимаю, они это видят и чувствуют, чего стоит тот, или иной воин, и на любые наши действия и слова, есть своя оценка и отношение.

Наступил день принятия присяги, дать клятву на верность Родине. К этому дню обновили весь плац, нанесли новые белые линии, и он сейчас выглядел очень строго и нарядно. Все присутствующие на плацу были в парадной форме, сам старшина роты лично осматривал каждого бойца и, если ему что-то не нравилось, форму меняли. Такой подбор формы меня натолкнул на мысль, как щепетильно к этому относится командование. Все понимали, что на тебя будут смотреть сотни людей, по тебе будут судить о твоих командирах, которые тебя одевали, и об армии в целом. После осмотра роты прапорщиком, контрольную проверку проводил сам ротный. Пять взводов, стояли как окостенелые, а командир роты делал два-три шага и останавливался, внимательно смотрел на каждого бойца.

Лично мне, в этот момент, хотелось быть похожим на него, потому что энергии в нём и чёткого понимания армейской жизни, было через край. А глаза его спрашивали, ну что сынок, готов служить Отечеству, как я? После осмотра он дал команду «смирно!», поднял правую руку к козырьку фуражки и громко произнёс: «Благодарю за службу!» Довольные тем, что к нам не придрался его пронизывающий взгляд, мы во весь голос ответили: «Служим Советскому Союзу!» К этому времени наши голоса стали уже далеко не такие, как всего два месяца назад.

После этого, ротный поблагодарил старшину роты за подготовку личного состава к дню присяги, и тот ответил: «Служу Советскому Союзу!» Мне понравились эти слова, они породили во мне желание делать всё хорошо, что мне поручено.

День присяги считается большим праздником в части, и только с завтрашнего дня мы станем полноценными воинами. На принятие присяги допускались и гражданские лица, в основном мамы. В этот день им разрешено почти всё: они посещают все помещения роты и батальона, смотрят где мы спим, где занимаемся, проверяют умывальники и каптёрки, туалеты и Ленинские комнаты и, конечно же, столовую. Сам зам. полит батальона сопровождает их, рассказывает про нашу службу и отвечает на вопросы. Это комиссия, «комитет матерей», так её и называли, и у них есть свои обязанности и права. Они помогали командованию в общении с родителями военнослужащих, успокаивали, объясняли, открывали глаза на происходящее. Наша часть была элитная, прямо в центре Москвы, и некоторые служащие были из правительственных семей, или выдающихся деятелей. Этот комитет матерей пользовался большим авторитетом у командования части. Эти матери, обычно, «служили» дольше своих сыновей. Чем больше их стаж работы в этом комитете, тем выше их авторитет и больше доверия.

Уже к десяти часам утра, мы стояли на плацу, выровнявшись по белой линии. Перед каждой ротой стоял стол, на столе лежала всего одна красная папка с гербом Советского Союза. В папке был написан текст военной присяги. Между собой мы шутили, что уже приняли присягу под диктовку сержантов, слова которой звучали так: «Я салага, бритый гусь, я торжественно клянусь, сахар масло не рубать, старикам всё отдавать!» Комбат и ещё несколько офицеров, стояли на небольшой трибуне, рядом, часовой у знамени войсковой части. Приняв доклад, комбат обратился к батальону. Сначала поздоровался, на что мы все дружно ответили тем же. Наше приветствие разлетелось по всей округе, его слышали все многоэтажки, окружающие часть. Потом он отдал приказ: «Командирам рот к принятию присяги приступить, по окончании, доложить!»

К столику, у которого стояли командир роты и зам полит, мы подходили строевым шагом. Старались идти так, как учили нас эти два месяца, и докладывали: «Рядовой Пичканов для принятия присяги прибыл!». Мне дали в левую руку папку, так как правая рука держала автомат. В папке были слова присяги и, повернувшись к строю лицом, я начинал громко произносить то, что было написано. Прочитав, я повернулся лицом к офицерам, положил папку и поставил подпись, против своей фамилии. Потом, правую руку поднял к козырьку фуражки и отдавая честь, докладывал: «Рядовой Пичканов присягу принял!». Потом звучала команда: «Встать в строй». И так, каждого бойца. К обеду всё было закончено, все пять рот приняли присягу, и ротные доложили об этом комбату. Потом командир батальона обратился к нам,

поздравил нас с этим важным событием, и дал команду: «К торжественному маршу!» После этой команды мы за две минуты перестроились в походную колонну, и услышали следующую команду: «Батальон смирно, поротно, шагом марш!». Заиграл военный оркестр, и мы пошли!

После марша мы сдали оружие и сразу на обед. Обед был праздничный, всё тоже, но было добавлено по большому яблоку каждому. На удивление, они были все одинаковые по размеру. После обеда, по расположению роты прошёл комитет матерей, и с некоторыми бойцами они побеседовали.

Через два дня, перед разводом караулов, нам выдали оружие, кому пистолеты «Макарова», а кому и автоматы «Калашникова». Прямо с развода на плацу, мы поехали в первый свой караул. Моим первым объектом для меня стал Генеральный штаб сухопутных войск СССР, очень красивое и величавое здание. Я сейчас смотрю все военные передачи, и моё место службы часто показывают по телевизору. Правда, называется он теперь, Национальный центр обороны! Я всегда буду помнить, что мне довелось осуществлять контрольно-пропускной режим главных ворот штаба!

За два года, в общей сложности, у меня получилось двести сорок караулов, это у меня, а у других ещё больше. Вот эти караулы и были моей главной военной задачей, для этого меня призвали и учили. С первых дней нас проверяли самым серьёзным способом: по поддельным пропускам и другим документам шли через пост подставные люди. Это были запланированные командованием проверки, в которых участвовали прапорщики и другие лица, которых мы не знали. Они шли через пост с какой-то ошибкой в пропуске, или удостоверении личности. Например, в пропуске вместо сплошной линии была пунктирная, или наоборот. Как сами пропуска, так и линии, могли быть другого цвета, или просто просроченный пропуск. Поверьте, это был самый эффективный способ проверки знаний каждого часового, заведомо ложный документ. И вот тут, как говорят, ты пан или пропал. Если ты обнаружил подозрительный документ, то моментально снимаешь трубку телефона и докладываешь о случившемся, и помощь быстро спешит к тебе. Вот и мне один раз пришлось задержать одного прапорщика, у него в удостоверении, почему-то, одна красная пунктирная линия заканчивалась коричневой. Такого быть не должно, чтобы, линия меняла цвет. Эта проверка прошла спустя месяц после несения караульной службы. Результат, мне присвоили звание «ефрейтор», что означает старший солдат и помощник командира отделения. Приказ зачитал сам командир роты и поздравил меня с этим событием, я ответил: «Служу Советскому Союзу!». И это событие, конечно же, подействовало на личный состав роты, все ещё раз прочувствовали ответственность за службу. Конечно, я не диверсанта задержал, а обычного прапорщика-сверхсрочника, каких много на всех объектах, но у него свои обязанности, за которые ему платят зарплату. У него куча поддельных документов, с которыми он ходил и проверял наши знания и способности.

Мне повезло, я смог разглядеть специально подделанный документ, а могло быть по-другому. Взыскание, в виде разноса перед строем роты, несколько нарядов, на самые плохие места, или арест на несколько суток, то есть, «губа». Могло быть и разжалование, если ты не рядовой, а самое главное-позор, зато, что ты не выполнил свою задачу.

Так служба шла до декабря тысяча девятьсот семьдесят второго года. Я старался изо всех сил, уставы всегда были под рукой. Развивался и физически, и морально, по вечерам не писал длинных писем на гражданку, а уделял всё время спец. подготовке. И вот, в декабре семьдесят второго года, мне дают десять суток отпуска, с выездом в место проживания. К десяти суткам отпуска, ещё пять на дорогу, и того, пятнадцать суток! Вот это да! Я перед строем опять произнёс эти трогательные слова: «Служу Советскому Союзу!» Конечно же, я был доволен, написал родителям, и они тоже обрадовались, что я скоро приеду и стали ждать меня домой. В аэропорту Домодедово, по воинскому требованию мне дали билет на самолёт Москва-Новосибирск, и я прилетел в Толмачево, откуда полгода назад, улетал на службу. На такси приехал домой в Бердск, все меня ждали и были рады моему приезду. До сих пор помню, слёзы радости

на маминых глазах. Все четырнадцать суток, что я был дома, ко мне приходили родственники, друзья и соседи, так что скучно мне не было.

Мой отпуск заканчивался за несколько дней до Нового года и, конечно же, все хотели, чтобы я остался на новый год дома. Я тоже хотел, но не мог, так как для этого нужна была веская причина. Все старались подсказать мне, как можно «заболеть». С десятков разных вариантов я отверг, а к последнему прислушался. Предложение мне было такое: напихай в нос сухого конторского клея, а когда зайдёшь в военкомат, у тебя будет клей таять, и это будет выглядеть, как простуда. Конечно, я слабо верил в такую «болезнь», но к своему стыду, попробовать решил. В военкомате было всё просто, мне сказали, приедете в свою часть и обратитесь к врачу. Всё коротко и ясно. И я понял, что ни хитрости, ни наглости у меня не хватит, обмануть давно налаженный порядок. Не помню число, когда я улетаю, но время вылета было 20.20, то есть, вечером последнего дня моего отпуска. Хорошо, что самолёт. Летел он четыре часа, но разница во времени тоже была четыре часа, и получилось, что я прибыл в Москву в то же время, в какое вылетел из Новосибирска. В аэропорту Домодедово я получил свой багаж и за два часа до окончания отпуска был в своей части. Войдя в расположение роты, я доложил дежурному о прибытии, тот отметил время прибытия, и принял у меня все проездные документы, касающиеся моего отпуска. И вот в этот момент я подумал, как хорошо, что всё так сложилось. Что военкомат Бердска подтолкнул меня к правильному решению, я не «откосил», а значит, всё строго по уставу, точно в срок. Я был благодарен тому майору в Бердске, которого я пытался обмануть, а он за свою службу и ни таких видел, нашего брата понимал, как никто другой, спасибо ему за это.

Рота уже спала, она завтра заступала в караул. Я разделся и лёг спать, а утром сослуживцы и командиры расспрашивали, как я провёл отпуск. В этот день я в караул не ходил, так как состав караула назначается за сутки до заступления в наряд, а я был тогда ещё в дороге. Но в следующий караул я уже пошёл, и он выпал нам, как раз на Новый год.

В начале апреля командование отправило меня на курсы командиров отделений, туда же, в летний лагерь, у деревни Зюзино. Пятнадцать младших сержантов, таких же, как и я, посадили в машину и привезли в сержантскую школу. Здесь мы снова повторили курс молодого бойца, пробежали снова все поля и болота, как и в прошлом году. Нам выдали новенькие планшеты, командирские сумки на ремне, как у офицеров и научили ими пользоваться. Курс обучения был рассчитан на месяц, а жили мы в тех же палатках, только сейчас нам понадобилось всего две, которые стояли поближе к столовой.

На улице стоял апрель, было ещё холодно и сыро не только ночью, но и днём, а отопления в палатках не было. Вот по этой причине, нам выдали по два матраса и три одеяла, но всё равно после команды «отбой», в кровать лезть не хотелось, так как очень долго не могли согреться. Но когда постель нагреешь своим телом, то спать нормально, а вот утром, как на морском дне. С утра все старались шустрить, чтобы согреться, да и гоняли нас так, что согревались мы очень быстро. Большое внимание уделяли физической подготовке, командир должен быть примером, говорили нам. Я занимался гирей, подтягиванием на перекладине, на брусках качали пресс и, конечно же, отжимание. Гирю в шестнадцать килограмм, на вытянутых руках поочередно, я выкидывал 126 раз, больше меня, выкидывал только ефрейтор Саламатин 144 раза. Поэтому и ротный пулемёт за ним закрепили.

На курсах младших командиров мы отрабатывали и голос, он должен быть громкий и разборчивый. На этих курсах мы вспомнили все поля и болота, по которым бегали почти год назад. Но теперь это у нас получалось хорошо. Повторили газовую палатку, марш-броски, ползание по болоту, и сами были довольны результатом, и командиры. Но и, требования к нам были уже не такими, как к новобранцам, а куда серьёзнее, но мы справились. А вспоминая газовую палатку, так вообще, смеялись, оказывается, как всё просто!

Отъезд в Москву был назначен на завтра, а сегодня вечером нас построили сообщить об этом. Командир «учебки», майор, поздравил нас с окончанием курсов и присвоении нам очередного воинского звания, младших сержантов. В этот же день, мы пришили по две оранжевые полоски на свои погоны. К первому мая нас привезли в часть, в Москву. После выгрузки из машины мне дали команду направиться в девятую роту, где командиром роты был капитан Кузнецов. Я ответил: «Есть направиться в девятую роту», и пошёл в расположение.

Девятая рота располагалась так же как восьмая, только ниже этажом, и я быстро нашёл канцелярию. Войдя в канцелярию роты, я чётко доложил сидящему за столом капитану, кто я и зачем пришёл. Я заметил, когда я начал свой доклад, капитан встал и, стоя выслушал меня. Я очень удивился этому, ведь ему не обязательно вставать, он мог и сидя всё выслушать, это не противоречило бы уставу, но он встал! И я проникся к нему таким уважением, какого хватило до самого «дембеля». Кроме этого, я увидел на его груди, точно такой же значок «СУ», как у командира восьмой роты. Это значило, что этот ротный, то же окончил Суворовское училище и тоже военный с восьми лет! Капитан перехватил мой взгляд на его грудь, ведь я в упор смотрел на его награды, правда, не всё успел распознать. После этого он улыбнулся и представился сам, я не верил себе, что такое вообще может быть. Он назвал своё имя и отчество, я был поражён, он со мной говорил, как со старослужащим. После короткого знакомства он предложил мне сесть и указал на стул напротив его стола.

Я сел на краешек стула и ждал, пока он молча смотрел в какой-то журнал. Потом он обратился ко мне, и задал несколько вопросов, касающихся моей семьи и откуда я родом. Я хотел встать и ответить, но он жестом показал, чтобы я отвечал сидя. Я ответил на все его вопросы, после чего, он меня направил в третий взвод, принять первое отделение. Я вскочил, ответил: «Есть принять первое отделение третьего взвода», правой рукой отдав ему честь. Он опять улыбнулся и добавил, доложите о прибытии старшине роты.

Выйдя из канцелярии, я отметил про себя, что капитан Кузнецов и капитан Александрин, где я прослужил почти год, оба были воспитанниками Суворовского училища. Они и по годам были схожи, а может, они и там вместе были? Но не это было для меня главным, хотя, это подтверждало профессионализм и очень большой офицерский стаж этих командиров. За такой приём и внимание ко мне, со стороны этого капитана, по пути к старшине роты, я уже дал слово, что буду стараться изо всех сил и никогда не подведу тех, кто так верит в меня. Меня сильно взволновало то, что ротный, по-отечески со мной говорит, хотя я ещё никак себя не проявил. Но я уверен, что про мои успехи в боевой и специальной подготовке, капитану Кузнецову были известны, и он про меня знает всё. Про себя я отметил, ротный принял хорошо, как примет старшина? Захожу без стука, это армия, и тут другие порядки. На стуле у небольшого столика сидит прапорщик, весь седой, но прическа красивая. Его волосы зачесаны назад, стрижка строгая, как, впрочем, и взгляд, которым он на меня посмотрел. Я вытянулся в струну, и так же чётко доложил кто я, откуда прибыл, куда назначен. Я и тут не верил своим глазам, пока я докладывал он встал, так же, как это сделал командир роты. Ну ладно ротный, подумал я, ему было лет тридцать восемь, но старшине-то, лет пятьдесят, по крайней мере, мне так показалось. На его груди я увидел орден «Отечественная война», и медаль «За взятие Берлина», которые выделялись из всех других наград. Одним этим он вызвал у меня глубокое уважение. Прапорщик в свою очередь, представился мне, и я вторично для себя отметил, ну как не уважать таких военных, а этот прапорщик, вообще в войне участвовал! Мало того, он ещё служит в армии! А наград-то у него сколько, я не смог с первого раза сосчитать. Про себя отметил, что у этого прапорщика военная история круче, чем у командиров рот. Я очень доволен и горжусь, что мне довелось послужить с такими, в прямом смысле слова, «военными» людьми, для которых честь-самое главное!

Мне кажется, в такие моменты даже и слов не надо, сам факт происходящего обязывает брать пример с таких людей. Я вторично, после ротного, дал слово и этому прапорщику,

конечно же про себя, что ни при каких обстоятельствах, не подведу его. Вот таким уважением, я проникся уже дважды за последние минуты. Пока я писал об этом, вспомнил, прапорщика звали Виктор Иванович.

Выслушав мой доклад, старшина роты отдал распоряжение находящемуся тут же, каптёрщику, показать место для моей формы. После этого он сам повёл меня в расположение взвода и показал моё место, то есть кровать, табурет и тумбочку, а сам развернулся и пошёл обратно. А я стоял и думал, вот надо было ему самому идти, послал бы дежурного по роте, или того же каптёрщика. Но нет, он сам пошёл, не взирая ни на возраст, ни на свой авторитет.

Весь личный состав роты был в карауле и прибыл часам к семи вечера. Следует сказать, эта рота была осеннего призыва, то есть, призывалась на полгода позже меня. По прибытию роты из караула, я представился командиру третьего взвода, им был старший лейтенант Трофимов. Познакомился я и с отделением, с каждым бойцом, их было семь. Потом познакомился с зам. командира взвода и с командирами других отделений.

На следующий день меня уже поставили в караул и почему-то не разводящим, как это всегда было, а помощником начальника караула. И началась опять моя караулка, и опять, охрана Генерального штаба сухопутных войск. Опять тот же караул, те же посты, только я в качестве помощника начальника караула, где начальник-офицер. Этот караул был большой, и входило в него человек двадцать, почти взвод. Получилось, что я перепрыгнул через должность разводящего. Почему так получилось, я не знаю, командованию виднее. В обязанности помощника начальника караула входило: поддерживать общий порядок в караульном помещении и прилегающей к нему территории, а так же на постах, следить за поведением караульных, принять привезённую пищу, сдать пустые термоса, проследить за чистотой посуды и внешним видом личного состава. В общем, вся хозяйственная часть до нуля часов. С нуля и до шести утра-время моего отдыха. После отдыха я выполнял обязанности начальника караула.

Прошло два месяца несения караульной службы. Наши ребята стали расслабляться, пошли замечания от проверяющих лиц, одно за другим. И командование принимает решение, отправить нашу роту в летний лагерь. Это означало, что будут нас перевоспитывать. То есть, будут добиваться от нас хорошей караулки, через ноги. Головой не хотите работать, работайте ногами. Другим словом, нас будут гонять, как собак по полям. Так, не скрывая, говорили нам сами командиры.

И вот, опять те же ЗИЛы, тот же лагерь, та же деревня Зюзино. По приезду в лагерь, нам выдали всё, что только можно было. Это надо было для того, чтобы нагрузить нас посильнее, только, песку в вещмешки не насыпали. И с утра следующего дня нас погнали, через ноги, лечить голову.

Что-то мне подсказывало, что самое сложное в этой службе, я уже прошёл. Мне не надо было уже стоять на посту и всматриваться в документы. Всё это делали мои подчинённые. Меня на должности помощника начальника караула никто не стремился проверить. Сейчас главным для меня было, чтобы не допустить к себе замечаний по службе и выполнять все нормативы. Немного позже, мне будет вообще легко, когда я буду замещать прапорщика, Лащёва Виктора Ивановича, а пока, я об этом и не догадывался. Мне и сейчас было совсем не трудно, даже интересно, чувствовать состояние каждого бойца. Я хорошо помню, как меня учили, наблюдай, разговаривай, лезь в душу, подводи солдатику к откровенному разговору, но не допусти беды. В армии часто такое случается, чем-то поможешь солдатику, а потом становишься ему лучшим другом. Вот по этой причине и был за нами строгий контроль, частые построения и проверка личного состава, это самый простой и действенный способ. А полевые бега всегда шли на пользу, и после месячного пребывания в летнем лагере «караулка» шла без замечаний, не говоря про нарушения.

К осени, 1973 года, мне присвоили звание сержанта и, конечно же, я был этому рад. В связи с этим, приказом командира роты, меня назначили заместителем командира этого же

взвода. А вот задачу мне поставили другую, я стал ходить начальником караула, в малый сержантский караул. Этот караул предназначен охранять и осуществлять пропускной режим в Главном управлении кадров министерства обороны СССР. Это был отдельный объект, в который входило три поста по три человека и разводящий (младший сержант) и я.

Так прошла вся осень, и наступила зима, а зима в Москве, может быть разной. Например, когда нас везли в караул в ночь на новый, тысяча девятьсот семьдесят четвёртый год, то шёл сильный дождь. Один раз ночью, рядом с караульным помещением произошло преступление. Какой-то гад отобрал у женщины сумочку. Она закричала, и её крик услышал наш часовой.

Его от преступника и женщины отделял высокий металлический забор, а тротуар был сразу за забором. Дорогу освещали фонари, а часовой Гуртовой находился в неосвещенной зоне и вёл себя тихо, ни преступник, ни женщина, его не видели. Они шли навстречу друг другу и, когда поравнялись, этот гад схватил сумочку женщины и вырвал из её рук. Она закричала, но преступник знал, что они тут сейчас одни и никто ей не поможет. Он отошёл от неё метров на пять и начал копать в её сумочке. Понятно, отвлёкся от всего, а женщина кричала: «Помогите, грабят!» Вот тут, мой часовой, вынимает из кобуры пистолет, быстро подбегает к забору, и направив пистолет на грабителя, и кричит во весь голос: «Стой с... ка, застрелю!». От такого неожиданного приказа из темноты, грабитель оцепенел. Хотя и за металлическим забором, но всего в трёх-четырёх метрах на него направлен пистолет. Тут у него разжимаются руки, он как по команде подбрасывает их вверх, сумочка падает на тротуар, а грабитель перепрыгивает через всю проезжую часть, которая была никак не меньше четырёх метров, и скрывается в кустах. Женщина поблагодарила часового и быстро ушла в противоположную сторону.

Но на этом дело не закончилось, через некоторое время мне и Гуртовому объявляют благодарность. Оказалось, что та женщина на следующий день пришла на объект и встретила с комендантом. Она рассказала ему о произошедшем и попросила передать свою благодарность, что было и сделано. Командир роты ни одной буквы не убрал из выражения Гуртового, слово в слово передал всем пяти взводам его приказ грабителю. Про этот случай узнали и в других ротах, все ему улыбались и хлопали по плечу.

За отличные показатели в службе, перед новым, тысяча девятьсот семьдесят четвёртым годом, мне присваивают звание старшего сержанта! А Гуртовому, присвоили звание ефрейтора. Я конечно же, был доволен, все поздравляли нас, личный состав, сержанты и офицеры. Старшина роты прапорщик Лащёв, кроме поздравления, назначил меня исполнять обязанности старшины роты в его отсутствие.

Командование мною было довольно, и командир роты не возражал против решения прапорщика. С этого времени в караулы я уже не ходил, в мои обязанности входил контроль за уборкой помещения роты, выполнение распорядка с оставшимися от караула военнослужащими. С утра зарядка, завтрак, а после завтрака конкретная уборка. Думаю, особого внимания заслуживают полы, которые натирались специальной мастикой и специальным инструментом под названием «гитара». Состоял он из большой деревянной швабры с щёткой, шириной почти метр, и гирей на ней. Это нужно было для веса, чтобы эта «гитара» плотнее прижималась к полу, тогда и результат хороший. Иногда и боец садился на швабру для веса, тогда вообще полы блестели, как у нас выражались «как-ко то вы я... ца». А пол должен был иметь цвет тёмно-коричневый, или как у нас говорили, «как тело молодой негритянки». Когда все дела были сделаны, оставшиеся от караула занимались изучением документов и устава.

И так до мая, до демобилизации.

В первых числах мая мы едем в командировку на Украину, заново бранцами. Старшим был офицер из штаба бригады майор Галицкий. В Кировограде нам сформировали команду призывников, мы её приняли, определили в расположении военного пункта сбора. До вылета в Москву оставалось ещё два дня. Я и ещё один сержант попросились в увольнение посмотреть город, хотя что там было смотреть после Москвы. Майор нас отпустил. Вот на этом хорошее

настроение и заканчивается. Пошёл сильный дождь, на улицах появились большие лужи. Люди попрятались, машины глохли в этих лужах, а наш автобус задержался на десять минут, ровно столько и составляло наше опоздание. Понимаю, что надо было приехать раньше, но, если бы не опоздал автобус, и мы бы не опоздали. Опоздание из увольнения считалось серьёзным нарушением, и мой доклад майору не убедил его. Вывод такой, он мне пообещал по приезду десять суток ареста и разжалование до сержанта. Я проклял всё, и эту поездку, и дождь вместе с майором. В часть я возвращался с плохим настроением. Во-первых, я подвёл командира роты, во-вторых прапорщика. Я был зол на себя. Но всё сложилось немного по-другому. Не зря в армии не уважают офицеров штаба, вот и в моём случае так получилось.

Я не знаю, кто принимал участие в рассмотрении моего дела, командир роты или в штабе батальона, но сажать на губу меня не стали, не разжаловали, но наказание я всё-таки понёс. Оказывается, перед демобилизацией, мне хотели присвоить звание старшины, уже и приказ был подписан. Я лишился самого высокого звания в сухопутных войсках среди срочников. Приказ о присвоении мне этого звания, был отменён. Это и было моим наказанием. Очень обидно, но это был не самый худший вариант. Было бы хуже, если бы понизили в звании до сержанта. Независимо от степени наказания, этот случай не повлиял на моё отношение к армии. Даже такой случай не оттолкнул от меня командование, так как командир роты и даже сам комбат, подполковник Невлянинов, предложили мне остаться на сверхсрочную службу! Командир батальона так и сказал, Пичканов, ведь ты же военный человек, поверь, я это вижу. Пройдёшь полугодовые курсы прапорщиков и немного послужишь старшиной роты. Квартиру тебе дадим сразу, потом окончишь курсы командира взвода и получишь звание лейтенанта. Конечно, предложение было заманчивое и мне было жаль, что я их огорчил, ответив, спасибо за то, что разглядели во мне военного человека. За то, что помогли мне раскрыть весь, а может и не весь, военный потенциал! Но я поеду домой. Мне они пожелали удачи, на этом всё и кончилось.

14 мая 1974 года я попрощался со всеми, с кем служил последнее время. Увольнение в запас-это волнующее мероприятие в армии. Строится рота, всех увольняющихся ставят перед строем, и командир роты зачитывает приказ командира части об увольнении в запас. У некоторых я даже слёзы видел, а уж как смотрят те, которым ещё служить, как они завидуют нам! Я был в их положении три раза. Некоторым бойцам присваивали звания: кому сержанта, кому ефрейтора, вот и я должен был быть в списке на присвоение звания старшины. Кто бы знал, как мне было обидно! После этого, попрощались со всеми уже неофициально. Я жалею о том, что не увидел больше нашего прапорщика, Виктора Ивановича. Но я помню и уважаю его до сих пор, хотя его уже давно нет в живых. Потом мы вышли на плац, присоединились к другим таким же увольняющимся, и дежурный офицер батальона проводил нас до ворот. Были такие, которые кричали, чрезмерно показывая свою радость. Я шёл спокойно, радость конечно была, но была и горечь расставания. Кончалась размеренная, привычная жизнь, и уже пролетали мысли, а что дальше?

Мы вышли в широко раскрытые ворота на улицу Москвы. Ворота за нами сразу закрыли и от этого мне стало ещё грустнее. В моей голове даже промелькнула мысль, не вернуться ли? Эта мысль улетела так же быстро, как и появилась. Всё, сказал я себе, самый поучительный этап в жизни закончился и от этих ворот начался другой. Воинское требование на получение билета в аэропорту Домодедово было у меня на руках, и уже на следующий день я был дома в Бердске, где жили мои родители.

Радость переполняла наш дом, приходили родственники, соседи, друзья, я всех был рад видеть. Первое время я даже забыл про службу и меня беспокоила мысль, что делать дальше? Потом я позвонил бывшему своему мастеру Штрекалкину Ивану Яковлевичу. Он так и работал на БЭМЗе, в том же тридцать пятом цехе. Он пригласил меня к нему на участок токарем, сказал, что посодействует. Я написал заявление на трудоустройство на прежнее место работы, на участок прессформ. Но так как завод был военный, мне надо было подождать две-три недели,

пока моя анкета ходит по инстанциям, в том числе и в Москву. Но устроиться на завод мне было не суждено, так как мастер Штрекалкин решил уехать на заработки. А чтобы ехать ни одному, он предложил и мне поехать с ним. Сначала он мне сказал, поедет на Дальний Восток, в Находку. Мне тогда было без разницы, куда ехать и согласие я дал сразу, даже не спрашивая родителей. Сейчас мне стыдно, что я был таким безжалостным к ним, для них это решение было, как снег на голову. Мама плакала, отец и я утешали её, как могли. Наконец, она успокоилась, ведь выбора-то всё равно не было. Но поездка на Дальний Восток не состоялась. В те времена Находка и Магадан были закрытые города и без вызова из этого города, туда было не попасть. У Ивана Яковлевича оказался знакомый в Магадане, он прислал вызов, и мы и окончательно выбрали Магадан.

Магадан

Вызов на нас пришёл во второй половине июля, и билеты на самолёт мы взяли на двадцать третье число. Тогда на Магадан летали ТУ-114, четырёхмоторные винтовые самолёты. До Якутска местность была однообразна. Но после Якутска, мы были прикованы к иллюминаторам и не могли оторвать глаз от той красоты, которая была под нами. С обеих сторон самолёта были видны сопки, да извилистые речки. Хоть и была вторая половина лета, но местами в распадках, лежал не растаявший снег. В разливах больших рек виднелись наледи, которые не успели растаять даже к концу июля.

Позже мы узнали, что иногда эти наледи за лето не успевают растаять, не хватает тёплого времени. Уже ближе к Магадану были видны и дороги, которые петляли так же, как и реки. В тот момент я и представить себе не мог, что мне придётся проехать по Колыме двадцать лет! Через некоторое время мы увидели море, противоположных берегов которого, совсем не было видно. Находящиеся рядом пассажиры нам сказали, что это Охотское море!

Самолёт приземлился в аэропорту посёлка Сокол, от которого до города Магадана всего пятьдесят километров. И тут я могу сказать, что в этом Соколе, уже с семьёй, мне придётся прожить ещё тринадцать с половиной лет.

Выйдя из самолёта, мы сели в автобус и приехали в Магадан. Не далеко от автовокзала был сквер, мы сели на лавочку и думали, что же нам делать дальше? Задумавшись о дальнейших действиях, мы не заметили, как к нам подходит пожилой мужчина, садится рядом и спрашивает: «Похоже, вы, ребята, с «материка»? (Там так называют центральные районы страны). Да, ответили мы. Тогда он спрашивает, куда мы собрались ехать? Иван Яковлевич ответил, что точно ещё не решили, наверное, поедem на прииск в одном из районов области. Тогда он начал нам рассказывать про жизнь на этих приисках, и вообще, про золото. Оказалось, что на приисках жить совсем не просто, как и работать. На всех без исключения приисках и артелях, процветают картёжные игры, и заработав что-то, можно легко всё потерять. Кроме этого, в таких местах полно людей южных национальностей, и вообще, жуликов разных мастей, которые сами не работают, но таких как вы, видят сразу. Они и в карты у вас выиграют, и под статью уголовного кодекса подведут, вынудив вас на кражи. И ещё он сказал, что старатели, это люди, которые лето живут без семьи, а зиму без денег. Позже мы часто слышали эти слова. Сам он оказался водителем-дальнобойщиком, объездил всю Колыму, поэтому и знает всё. В конце разговора он сказал нам, если комаров не боитесь, езжайте в Центральный леспромхоз. Там и зарплата хорошая, и жильё дают, и люди намного лучше. Он много раз был на всех участках этого леспромхоза, советовал и нам поехать туда. Немного подумав, мы согласились с его советом. Приняв такое решение, мы встали, чтобы пойти на автовокзал, но в последний момент он остановил нас. Запомните навсегда, сказал он, если вдруг вы найдёте слиток золота, что на Колыме не исключено, то зажмурьтесь и забросьте его так далеко, чтобы потом не найти. Этим самым вы избавите себя от больших проблем, а точнее, от тюрьмы! Мы поблагодарили его за эти советы и пошли на автовокзал, куда ещё совсем недавно приехали.

Было уже восемь часов вечера, когда мы встали в очередь за билетами и потихоньку говорили, обсуждая это решение. И вдруг, впереди стоящий мужчина с седыми волосами, оборачивается к нам и говорит: «Ребята, я правильно понимаю вас, что вы хотите поехать в Центральный леспромхоз?» Иван Яковлевич повернулся к нему и сказал: «Да, вы правильно поняли». Тогда мужчина говорит: «Я начальник производственного отдела этого леспромхоза и могу помочь вам с устройством на работу». Мы очень обрадовались такому повороту событий, и всю дорогу были рядом с этим человеком. Ехали мы часов семь, всё это время через окна автобуса мы видели нескончаемые гряды сопок, маленьких и больших. «Так вот ты какая, Колыма!» - говорил я себе всю дорогу. Преодолев двести семьдесят километров и несколько перевалов,

мы приехали в посёлок Усть-Омчуг Тенькинского района, где находился леспромхоз. Там мы сказали кто нас сюда направил, и нас поселили в гостинице.

Утром мы пришли в контору ЦЛПХ, так сокращенно называли центральный леспромхоз, для устройства на работу. Нас пригласили прямо к директору, Епифанову Василию Васильевичу. Он лично знакомился с каждым новым работником и распределял, кого куда направить и по какой специальности. У леспромхоза было несколько участков и рабочие требовались везде. Вот и нас он хотел направить на разные участки, но Иван Яковлевич ему сказал, что поручился за меня перед моими родителями и поэтому попросил направить нас на любой участок, но только вместе. Иван Яковлевич видел разное начальство и сам был начальником, поэтому так категорично это сказал директору, и тот понял, что по-другому никак. Директор немного подумал и принял Ивана Яковлевича лесорубом второго разряда, а меня, грузчиком леса на автокран. Он отправил нас на летний участок под названием Халаткан и уже через два часа, на автокране МАЗ, мы ехали к месту работы. Водитель-крановщик, с которым мы ехали, был старый колымчанин, дядя Коля Колёскин, он знал все участки леспромхоза.

Халаткан

Наконец-то мы были приняты на работу и пока до неё ехали, было время осмотреть новые районы далёкого края и в который раз сказать: «ЗДРАВСТВУЙ, КОЛЫМА»! За последние сутки мы уже не раз слышали выражение, «солнечный Магадан». И на самом деле, в этот день на небе не было ни одного облачка.

От районного центра с названием Усть-Омчуг, где находился леспромхоз, дорога была широкая и ровная, хоть и пыльная. Проехав километров десять или двенадцать, дядя Коля сказал, что перед нами последняя столовая до самого Халаткана. Нам надо пообедать, так как ехать ещё около ста километров. Это был 169 километр центральной трассы, которая шла из Магадана через Усть-Омчуг. Мы заехали на стоянку у столовой, там уже стояло несколько машин и пошли обедать. Перед нами было старенькое одноэтажное здание. Пристройка столовой была из нестроганных досок и подгнившими ступенями. Войдя в столовую, мы увидели не совсем чистое помещение, с дощатыми столами без скатертей. Крановщик нас предупредил: «Будьте внимательны!» Мы сначала не поняли, о чём он говорит, но, когда дело дошло до расчёта за взятую еду, мы поняли, о чём шла речь.

Мы взяли первое, второе, хлеба по три кусочка, чай и подходим рассчитывать. Стоит большая тётка, в грязно-белом халатеи таким же грязным фартуком, только ещё с разводами и с папиросой во рту. Перед ней лежат счёты, касс тогда не было. Один её глаз прищурен, наверное, ей дым мешает. В том дыму, который стоял вокруг неё, надо было противогаз одевать, а у неё ещё один глаз во всю смотрит. Мне казалось, что она видит меня насквозь, и что она уже пересчитала все деньги в моих карманах. Она лихо делала одну затяжку за другой, как будто это была последняя папироса в её жизни. Одним глазом она смотрела на меня, как удав на лягушку, которую всё равно сожрёт и лихо щёлкала костяшками счетов. Мои глаза не успевали следить за её действиями. Она ни разу не передвинула одну, две или даже три костяшки, у неё летали по семь или восемь штук сразу. А какой стук шёл от этих действий, он был как щелчок бича у бывалого пастуха. И ещё, она эти костяшки, гоняла обеими руками, правой рукой влево, а левой рукой вправо, да ещё и с размаху. Такими резкими «перекидами», невозможно точно отсчитать костяшки, и она откидывала столько, сколько зацепил палец. После нескольких таких движений, она грубым мужским голосом, прокомментировала: «Борщ двадцать пять копеек, а у вас ещё и со сметаной, ещё две копейки». Я понимал, что борщ со сметаной обойдётся мне в двадцать семь копеек. Но она считала по-своему, и у неё получилось уже тридцать пять! Картошка толчёная, двенадцать копеек, это уже сорок восемь. Котлета двадцать пять, это уже девяносто пять, чай три копейки, это рубль десять, и три хлеба по копейке», один рубль восемнадцать копеек! Она буквально на всё бессовестно накидывала сколько-то копеек, даже не глядя на меня. Но и это ещё не всё, она продолжает считать и комментировать: «Перец на столе бесплатно, но денег всё равно прибавила, сказав, это рубль двадцать». Потом вопрос мне: «Спички брали? И сама же отвечает, не брали, тем хуже для вас!» После сильного щелчка костяшками счёт, не дрогнувшим голосом говорит мне: «Итого, рубль двадцать восемь!» Опять глубокая затяжка папиросы и выхлоп в мою сторону. Мне даже пришлось зажмуриться. Когда я открыл глаза, на меня смотрел бурящий насквозь, взгляд одного глаза, без стыда и совести. А перед собой вижу уже протянутую руку за расчётом. Другая рука крепким мужским кулаком упиралась вверх такого же крепкого тазобедренного участка тела. Я сделал робкую попытку возразить на бессовестно приплюсованные пятьдесят копеек и попросил её пересчитать. Я надеялся, что она насчитает меньше без разных, из воздуха взятых наценок. Но, ещё не закончив говорить, я услышал в свой адрес следующее: «От того, что я тебе пересчитаю меньше не станет». И смотрит на меня, не моргнув одним глазом, так как второй, опять в дыму. И я сдался, а крановщик наш стоит позади Ивана Яковлевича и смеётся, но так, чтобы

не привлечь её взгляд к себе. Иван Яковлевич всё видел и слышал. Казалось бы, он старше и за ответом в карман не лезет, но спорить с ней не стал. Она ему считала точно так же, как и мне, как под копирку. Он также, как и я, отдал ей столько, сколько она насчитала. Она была невозмутима, дожевав одну папиросу, прикурила другую и принялась считать крановщику. В то время я уже отошёл от места «обдирки» и про себя ещё возмущался, но так, чтобы она не услышала. Если бы до её ушей долетело моё возмущение, она пришла бы и к столу, добивать меня своей наглостью.

Мы сели за один столик и в полголоса продолжали возмущаться. По мере насыщения, стали понемногу забывать про это и даже стало смешно, как у неё всё это получается. Я думаю, что она за нами наблюдала, а может и нет, но всю нашу психологию она знала лучше нас. Уже потом, когда мы вышли на улицу, дядя Коля сказал нам, что в этой столовой работают бывшие «зэчки», то есть освободившиеся из женского лагеря. Горе тому, независимо от пола, кто посмеет им перечить. Я позже видел подобное в угольном разрезе Тал-Юряха, это угольный карьер за Сусуманом. Там фактуровщицам не понравился презент водителя и что потом с ним было? Но об этом позже. Пообедав, мы сели в МАЗ и поехали дальше, а вскоре свернули с основной трассы. Нам надо было ехать по другой дороге, вдоль речек по узкому распадку, ещё около девяноста километров туда, где гуще лес. Мы ещё немного поговорили про обслуживание в столовой и вот тут дядя Коля нам сказал, что он ни один раз спорил с этими поварами, но понял, что только портит себе настроение. Потом добавил, что ему душевное равновесие дороже, чем двадцать или тридцать копеек. Он сказал, что спорить с ними бесполезно, они могут так обхамить, что над тобой вся очередь будет смеяться.

После обсуждения поварих мы переключились на природу, которая была вокруг нас. А вокруг сгущались сопки, дорога виляла, и мы бессчётное количество раз пересекали извилистую речку. Когда мы ехали из Магадана в Усть-Омчуг, видели речки и сопки и перевалы с прижимами и серпантинами. Но там была трасса, широкая и ровная дорога с мостами и в некоторых местах даже с ограждениями. Но таких лесных дорог мы ещё не видели, поэтому тема столовой ушла на второй план. Наш МАЗ хорошо преодолевал эту сильно пересечённую местность, ухабины, броды и подъёмы. Я раньше никогда не ездил на МАЗЕ, и сейчас он мне очень понравился. У него кабина со спальником и мотор сильный. Я не мог и предположить, что моя личная машина, которую я куплю через восемнадцать лет, там же на Колыме, будет тоже МАЗ, только седельный тягач.

Втроем в его кабине, было совсем не тесно, я даже подумал, что ещё человека три могло войти. Считаю, что мне повезло, когда я впервые увидел эту машину. Там было так: какая первая машина пошла, на той и едешь, да и выбора у нас не было. По такой дороге на любой машине скорость почти одинакова, двадцать-тридцать километров в час, а то и меньше. Но всё же мы ехали, как говорят, лучше плохо ехать, чем хорошо идти.

Часа через два-три перед нами появилось очень красивое место. Тут дорога пересекалась небольшой речкой, которая через сто или двести метров впадала в большую реку. Крановщик сказал нам, что там течёт река Бахапча, а выше по течению в неё впадает речка Халаткан.

Нам предстояло переехать маленькую речку, сделать крутой правый поворот и преодолеть крутой подъём, метров сто длиной. Про этот подъём дядя Коля сказал, весной и осенью это место очень опасное. Ни один раз на этом подъёме гружёные КИРОВЦЫ вставали, не могли выйти. На МАЗЕ-автокране, мы легко вышли в этот подъём и покатались дальше, почти по равнинной дороге. Не могу не сказать чуть подробней про это место. Через несколько лет мне придётся вспомнить этот разговор, вместе с подъёмом и в который раз испытать судьбу. Чтобы миновать этот коварный подъём, я решил объехать его по реке. Это у меня получилось, но с большим риском для жизни.

Часа через три с половиной, после выезда с центральной базы, мы приехали в таёжный участок, с названием Халаткан. Пред нами открылся совсем другой вид, это мы заметили ещё

за несколько километров, так как дорога шла по довольно высокой местности. Сверху было всё очень хорошо видно: и речку Халаткан и палатки, в которых жили рабочие. Это были не просто палатки, акомбинированные домики. Стены у этих домиков были двойные из досок, между ними засыпаны опилки, а крыша из брезента. Одни домики были поменьше, в них жили семейные рабочие.

Другие домики большие, человек на десять, в них жили холостяки, и таких палаток было больше.

В посёлке была столовая, магазин, заправочная станция, баня, пилорама и маленькая контора. Гараж для ремонта техники выглядел, как большой амбар, тоже утеплённый опилками и с брезентовой крышей. В общем, всё было предусмотрено и, как потом мы узнали, эти палатки уже много раз переезжали с одного места на другое. Дядя Коля подъехал к небольшому домику, который назывался конторой. Здесь мы прождали начальника около получаса, пока он пришёл. Начальником участка был крупный пожилой мужчина с седыми волосами, круглым лицом и добрыми глазами. Его звали Ладис Александр Александрович, или просто Сан Саныч. Он пригласил всех нас к себе в кабинет, без ковров и флагов, а стол был из простых строганных досок. Сначала он дал задание крановщику, потом решил вопрос с другими рабочими и только потом начал беседу с нами. Он конечно же знал, что мы приняты и едем к месту работы, так как заявку на рабочих давал он. Также, как и директор он спросил нас, откуда мы, и кем работали до этого. Мы ответили на все его вопросы, и он говорит нам: «Жить вы будете вместе, в одной палатке, а работать отдельно». Я был назначен грузчиком на автокран ЗИЛ, где крановщиком был Качан Николай. (Качан это фамилия). Ивана Яковлевича Сан Саныч определил в комсомольско-молодежную бригаду лесорубом. Это была самая большая бригада на участке и самая передовая. Яковлевич в этой бригаде будет обрубать сучки на сваленных деревьях. Потом Сан Саныч вызвал коменданта участка, им была женщина, распорядился выдать нам всё необходимое и показать место жительства. Перед уходом, мне начальник сказал: «Как устроитесь, сразу на работу к тому крановщику, с которым вы приехали».

После этого распределения, мы пошли с комендантом на склад и получили спец. одежду. Мне выдали комбинезон, сапоги и верхонки, а Яковлевичу, все то же, и ещё топор. Всё под расписку. Потом нам показали палатку, а место выбирай сам, из свободных. Бригада Ивана Яковлевича была в лесу, поэтому он остался в палатке, а я переоделся и пошёл на работу. У крана меня уже ждали и как только я пришёл, мы сели в МАЗ и поехали грузить машины, которые ждали нас. Пока ехали к пилораме, которая находилась прямо в посёлке, я познакомился со вторым грузчиком, его звали Виктор Панченко. Он на погрузке леса работал уже полгода и знал, как это делается.

Доски, брусья, пластины, я всё это первый раз видел и никогда не занимался погрузкой. Крановщик дядя Коля вкратце рассказал мне, что я должен делать и как. Мне вручили длинный багор, чтобы держать и разворачивать пачки с грузом. Напарник Витя, так как он уже считался бывалым, должен был цеплять эти пачки сначала подхватом, а потом стропами. В общем, дело несложное, но без сноровки и навыков мне было не просто. Мне подсказывали, как и что надо делать, особенно тогда, когда пачки были не совсем ровные. Чтобы они легли ровно надо было понимать, в какую сторону развернуть пачку. Честно скажу, мне долго не всё было понятно, как повернуть пачку, чтобы она легла ровно. Ещё мне сказали, что моя зарплата зависит от того, сколько мы погрузим кубов. Поэтому, все спешили и старались погрузить как можно больше, не смотря на погоду, время суток и кусающих комаров. Мало того, ещё и не шли на ужин, пока стояли машины, грузили, грузили и грузили. А машинки всё подходили и подходили, и уже под самое закрытие столовой крановщик сказал: «Пойдём те поужинаем, а то столовая закроется». Оставив кран у штабелей, мы пошли на ужин. После ужина подошли ещё машины, но их надо было грузить лесом и нас отправили в лес. Наступила темнота и наш МАЗ шёл уже со светом. Мы ехали впереди, а за нами штук пять машин, вот тут я и увидел,

что такое тайга. Мы пересекали речки и петляли по извилистой лесной дороге. Мне иногда казалось, что по такой дороге не пройдем ни мы, ни лесовозы. Но я недооценивал нашу технику, она проходила все эти сложные места, мало того, по этим дорогам ещё и КИРОВЦЫ с полуприцепами ходили, они возили лес на поселковую пилораму. Но сегодня мне с ними не довелось встретиться, они уже день отработали, и последний КИРОВЕЦ выгружался, когда мы поехали в лес. Не знаю, сколько мы ехали, но помню, что по пути дядя Коля на развилках выходил и поправлял стрелку с надписью «погрузка леса». А другую дорогу перекрывал палкой, чтобы легче было нас найти, ведь машины и ночью будут приходить.

Вот мы приехали на площадку, где лежал лес, это место называют-биржа. Это небольшая поляна, где был складирован лес по ассортименту. Это значит, по размеру диаметра бревна. В одном штабеле тонкий лес, в другом строительный лес, в следующем штабеле самый толстый-пиловочник. Его в основном возили КИРОВЦЫ на пилораму посёлка. За несколько часов мы загрузили все пришедшие с нами машины, их было пять. Кран-МАЗ поднимал любые по весу пачки, поэтому погрузка шла быстро. Пока мы грузили лес, нас безжалостно жрали комары и отмахнуться от них не всегда удавалось. У меня обе руки были заняты, держу багор и чуть только отпустишь одну руку, пачка сразу начинает разворачиваться. И я решил, пусть сволочи, жрут, а дядя Коля мне сказал: «Вот приедем на прошлогоднюю биржу, мошка ещё не так жрать будет». И я это прочувствовал.

К часу ночи мы загрузили ещё три подошедших машины, потом снялись и поехали в посёлок отдыхать до утра. Но я не знал, что тут был свой порядок, когда бы ты ни вернулся с ночной работы, утром должен быть снова на работе. Это касалось всех, кроме лесорубов и рабочих пилорамы. Лесорубы работали всё время с утра и приезжали уже вечером, а пилорама работала всегда в две смены. Электричеством весь посёлок снабжала дизельная электростанция, состоящая из нескольких дизелей ЯМЗ-238, которые крутили большие генераторы. Когда мы приехали в посёлок, свет уже отключили, было тихо и темно. Свою палатку я нашёл с помощью напарника, хорошо, что и он жил там же. Мы с Витей пришли в палатку и тихо, стараясь не разбудить спящих, чем-то перекусили и легли спать.

На работу поднялись все кроме одного, напарник Витя сказал: «Пусть спит, он старый и болеет». Мы с Витей и Иваном Яковлевичем пришли в столовую, позавтракали и пошли все по своим рабочим местам. За завтраком Яковлевич меня спросил: «Ну как отработал?» Я ответил: «Нормально, погрузили восемнадцать машин». Он похвалил меня и сказал, чтобы так дальше и продолжал. Так мы проработали ещё три дня, и в один из этих дней, у нас чуть было не перевернулся кран.

Наш МАЗ стоял задом к штабелям с пластиной. (Пластина, это бревно, обрезанное с двух сторон). С нами рядом встал на погрузку ЗИЛ-164 с полуприцепом. Эти машины брали груза меньше, и Дядя Коля решил, что можно погрузить эту машину за один подъём. Почему он не учёл, что прицеп машины стоял дальше от крана, чем положено, я не знаю. Когда пачка была уже достаточно высоко и прошла заднюю правую опору крана, он возьми, да и повалился на бок. Груз перетянул, и пачка упала на прицеп, который перевернулся, как игрушка. Кран, опираясь на боковые опоры, навалился на бок. Под краном в это время можно было ходить. У дяди Коли видать выдержка и нервы крепкие, он как сидел в своем «скворечнике» за рычагами, так и остался сидеть, только рычаги перевёл в положение, «опускать груз». Это и спасло кран от опрокидывания. Дядя Коля ослабил троса, удерживающие стрелу, и МАЗ встал как положено. Потом мы освобождали прицеп, отгоняли машинку, перекладывали упавшую пачку и всё начинали снова. Из-за этого, мы потеряли целый час времени. За время моей работы такое происходило первый раз. Я смотрел на крановщика и не видел в его глазах ни страха, ни испуга, ни паники. После, он сказал нам, такое часто бывает: и опоры ломаются, и подкладки уходят в болото, и троса рвутся, всякое было. Но за всю мою работу в леспромхозе я не видел, чтобы кран так высоко от земли отрывался.

После трёх дней работы дядя Коля уехал на центральную базу леспромхоза. Когда он уехал, я пришёл на работу на другой кран, как я уже говорил, к Качану Николаю. Это был молодой белорусский парень, года на два старше меня, и тоже после армии. Как он потом рассказал, в армии грузил и разгружал ракеты, и мы это оценили. Коля отличался от всех мужчин тем, что шевелюра у него была как у женщин, большая и мелкими барашками. Был ещё один член нашего «экипажа», мой новый напарник, Саня Дударев, высокий худощавый парень, он был из Донецка и уже год работал с Колей Качаном

Познакомившись с новым экипажем, мы сели в кабину ЗИЛа и поехали грузить пиловочником КИРОВЦЫ. Пиловочник-это стволы деревьев, из которых получается много пиломатериала. Тракторы «КИРОВЕЦ» были здесь седельными тягачами с полуприцепами, на которых и возили лес.

Его заготавливали вверху по Халаткану и внизу по Бахапче. Объясню происхождение таких необычных названий. Вся Колыма относится к северо-востоку страны, в этих местах проживает много коренных национальностей, от них и происходили названия населённых пунктов и рек.

Когда я начал работать с другими людьми, я вспомнил старого крановщика дядю Колю грузчика Виктора Панченко. Я понял, какими разными могут быть люди. Работая с дядей Колей Колёскиным, на меня никто не кричал, а в экипаже Качана я наслушался всего. Со мной не церемонились и слова не выбирали. Если не ровно легла пачка, то её поднимали и перекладывали. Я понимаю, что на новый подъём тратилось время, но разве трудно сказать во время укладки пачки, что её надо слегка толкнуть, как подсказывал дядя Коля. Я пытался объяснить, что работаю всего три дня, но мои слова до новых напарников не доходили. В такие моменты я был зол на себя за то, что не всё понимаю, а на них, за «учёбу» матерками. Я же только из армии и не привык терпеть подобное отношение. Иногда мне хотелось бросить багор им под ноги и уйти пешком в посёлок. Но проглотив эти горькие пилюли, сдерживал себя и продолжал работать.

Мы грузили лес сутками, и свои КИРОВЦЫ и машины, которые приходили со всей Колымы и даже из Якутии. Я не мог понять и то, почему мы грузим транспорт не только без обеда, но даже без кружки чая, который можно было сварить без проблем. У нас не было с собой ни чайника, ни кусочка хлеба и чистой воды. Мы работали голодными, пока кто-то не поделится с нами своими запасами. Я часто слышал от крановщика Коли такие слова: «Ты не на курорт приехал, а деньги зарабатывать, вот и работай, не скули». Позже, не обращая внимания на своих напарников, я начал брать в столовой кое-что из еды с собой. Кто бы видел, с какой гордостью Коля и Саня отворачивались, когда я предлагал им немного перекусить. Не пойму, что это, геройство или тупость? Через два месяца они оба жаловались на боли в желудке.

Один раз мы работали двое суток в лесу, на левой стороне реки Бахапча. Пока работали, шёл дождь, мой запас еды кончился. Мы ещё ждали транспорт, но не дождались и поехали домой, но в этой самой Бахапче наш кран встал. Сначала наш ЗИЛ начал троить, потом чихать, а потом вообще сдох. От дождя вода поднялась больше, чем на полметра и почти достала до сидений. Если бы это произошло, то нам пришлось бы перебираться на крановую установку. Но ведь Колыма не Сочи, там холодно ночами, да ещё и в реке. Тут Коля Качан вспоминает, что под сиденьем вместе с ключами, валяется банка сгущённого молока и спрашивает, кто сгущёнку будет? Саня Дударев сразу отказался, как будто ему предложили слабительное, Коля тоже отказался. Такое лакомство я не пробовал всю армию и сразу согласился. Открыв банку, я выпил половину и запил водой, которую набрал между своих сапог. Потом глотнул ещё, но до конца не допил, противно стало. Через некоторое время мне понадобилось выйти из кабины, для этого мне потребовалось потревожить дремлющих напарников. Выбравшись на крановую установку, я смотрел на воду, которая шумела вокруг и всё больше и больше подмывала наш кран. Обратившись в кабину мне не хотелось, и я сел на место крановщика. Оказалось, не зря, я

первый увидел подходящий уже к реке КИРОВЕЦ. Выскочив из кабины крановщика, я начал стучать кулаком по кабине, где спали Коля и Саня. Я кричал им, что пришёл КИРОВЕЦ. Пока они выбирались из кабины, зад прицепа уже был близко. Коля перебрался на капот, чтобы зацепить трос. Его петлю надо было одеть на буксировочный клык ЗИЛа. Один конец троса уже был зацеплен за фаркоп прицепа, а другой конец троса Коля в воде зацепил за крюк машины. Вода в кабине крана тем временем поднялась ещё сантиметров на двадцать, так как КИРОВЕЦ и его прицеп, перегородили речку и создали ей дополнительное препятствие. Вода поднялась до такого уровня, что сиденья сейчас были полностью залиты, и мои напарники, если бы сели, то намочили свои задницы. Так как двигатель не работал, то и делать в кабине было нечего, КИРОВЕЦ потащил нас из реки. Коля с Саней стояли на подножках кабины по колено в воде, а я, так и ехал на крановой установке. Женя Полозов, водитель трактора, нам сказал: «Вам ребята повезло, что ночью дождь кончился, а то бы река разлилась ещё сильнее, и сидели бы вы сейчас на стреле, а чтобы зацепить кран, пришлось бы кому-то промокнуть».

Изо всех щелей кабины стекала вода, и Коля приступил к удалению воды из цилиндров и картера двигателя. Мы с Саней осматривали другие места машины, куда могла попасть вода. Три часа мы воду сливали, продували топливные трубки и карбюратор воздухом от КИРОВЦА и мыли фильтры. К нашему удивлению, в баке с бензином воды оказалось мало, через сливную пробку сошло всего литров пять. По завершении этой работы Коля сказал: «Пробуем заводить» и повернул ключ зажигания. Пока свечи были вывернуты, стартер ещё немного крутил, а как свечи ввернули, то энергии аккумулятора не хватило. Заводили автокран с буксира, хорошо, что КИРОВЕЦ был рядом. Пока грелся двигатель, Женя Полозов угостил нас бутербродами с горячим чаем и рассказал, как он понял, что нам нужна помощь. Это было моё первое участие в такой взаимовыручке. Несколько лет спустя, уже работая на КИРОВЦЕ, я тоже помогал всем, кто нуждался в моей помощи.

После чая мы поехали по ближним отработанным биржам искать пиловочник для КИРОВЦА, не ехать же ему в посёлок пустым. Грузили мы его с четырёх установок и насобирали на полную загрузку. Правда, для этого пришлось издалека подтаскивать по два-три бревна. Вот тут я и узнал, что такое «гак». Так называется устройство с крюком и блоками, по которым двигается трос. Оно казался таким тяжёлым, мне пришлось его и толкать, и тянуть, чтобы зацепить груз. Время было уже около двенадцати часов дня, когда мы загрузили КИРОВЕЦ и, сказав ещё раз спасибо этому водителю, поехали в посёлок. Благополучно добравшись до гаража, мы принялись делать полную ревизию автокрану.

Пока мы работали, от выпитой сгущёнки у меня урчало в животе и подступала тошнота. Я уже сто раз пожалел, что съел её, и это ещё хорошо, что я в кусты не бегал, как-то обошлось. После того случая, на сгущёнку я смотреть не мог два года.

Подготовку крана к работе мы закончили часам к восьми вечера и поехали грузить машины с верховьев Халаткана. Про сон и отдых мы только мечтали.

Как только я немного освоился, сев в кабину ЗИЛа, пел песни. Я пел всё что знал и меня никто не останавливал. Ни крановщик Коля, ни второй грузчик Саня ни разу не сказали, заткнись, надоел, а наоборот, говорили пой Серёжа. Отработав в лесу ещё сутки, уже в наступившей темноте, мы сходили в столовую и пришли в палатку. Я думал, что сейчас лягу спать, ноне тут-то было. Мне спать не дали, говорят ты самый молодой, вот и вари сосиски, а сами играют в карты. Мне положили целый пакет сосисок, показали кастрюлю и сказали: «Действуй!» Кастрюля была почти ведёрная. Если честно, я сам давно не ел сосисок, хоть и поужинали мы, но пару штук я бы съел. Я в карты не играл, эту привычку из себя выбросил ещё в пятнадцать лет, когда понял, что мне в карты не везёт, а играть чтобы проигрывать, я не буду. За варившимися сосисками я следил строго, а когда я понял, что они сварились, объявил: «Сосиски готовы, их уже полкастрюли». Но никто не среагировал на мои слова, так все были увлечены игрой. Немного позже, чей-то голос произнёс: «Вари их, пока полная кастрюля

не будет». Тут конечно, все захохотали, но игру отложили и принялись за еду. Я забрал свои заработанные две сосиски, сел на кровать и с большим наслаждением съел их. Какими вкусными они мне показались, особенно после той сгущёнки. После сосисок все пили чай, очень крепкий и почти без сахара. Ятоже попил чаю и хотел ложиться спать, но и тут я ошибся, мне опять нашли работу.

Старый эк, дядя Коля, который болели не ходил на работу, вдруг замёрз и предложил мне затопить печь. Он вместе со всеми играл в карты и ржал не хуже других, а тут ему вдруг стало холодно. Погода на улице стояла сырая и в нетопленной палатке было прохладно. Тут я вспомнил, что одежда наша была влажной и к утру может не высохнуть. Я вышел на улицу, но у своей палатки не увидел дров. Я их видел у других палаток, но взять их не мог. Я пришёл в свою палатку и говорю: «Топить нечем, дров нет». И все тот же дядя Коля, худой и больной, сказал мне: «Серёга, ты в тайге замёрзнешь». Но я ему ответил, что я не замёрзну, у меня свои дрова будут, а воровать от чужих палаток я не буду. Тут все как по команде бросили игру и уставились на меня. Я молча смотрел на них, а они все на меня. Наконец, Иван Яковлевич сказал, что я прав. Почему у всех палаток есть дрова, а у нашей нет и добавил, что мы же ещё не всё знаем, так как работаем всего три дня. И тут Саня Дударев, мой напарник, молча вышел из палатки и через две минуты принёс большую охапку дров, положил и сказал: «Топа Серёжа», и я затопил. Потом я лёг спать и быстро уснул, не обращая внимания на картёжников.

Утро наступило быстро, я бы сказал, очень быстро. Мы встали в восемь часов, так как рабочий день начинался в девять. Нам спешить было некуда, наш кран стоял рядом с палаткой. По пути в столовую я спросил у напарника Сани, кто этот дядя Коля, что так лихо мной командовал вчерашним вечером. В ответ я услышал то, о чём и не думал услышать. Оказывается, наш зам. директора леспромхоза, Пехтерев Николай Павлович, сам бывший «зек», отсидел около четырнадцати лет, в общей сложности. В связи со своим положением помогал некоторым освобождёвшимся, устраивал их на работу. Надо сказать, они его боялись и вели себя тихо. Они знали, что Николай Павлович с ними сам, без судей и прокуроров разберётся.

И вот этот «дядя» Коля, матёрый жулик, чуть не помер в тюрьме. Просто, кожа да кости, но командовать ему хотелось. Хорошо, что я сутками работал и его почти не видел. А потом, месяца через два, его вообще не стало. Но кроме этого дяди Колив посёлке были ещё такие же, из «бывших». Например, крановщик Анатолий Родионович Азолин, он тоже за мародерство отсидел четырнадцать лет. Его жена, Галина Никаноровна, работала мастером пилорамы, спокойная добродушная женщина. А Родионович, как я его звал потом, вообще был везде заводилой, шустрый и тоже сильно худой, но прыти ему было не занимать. На кране он работал как молодой, просто спец! КИРОВЦЫ он иногда грузил за два подъёма, а это ведь больше двадцати кубов. Когда в очередной раз наш кран сломался, меня направили к Родионовичу, он почему-то работал с одним грузчиком. Вот тогда я и увидел, как работает Азолин, мне казалось, что Коля Качан самый опытный, а оказалось нет. Азолин и в тюрьме работал на кране. Работал он тоже сутками и почти всегда занимал первые места по отгрузке. А за первое место, платили по сорок процентов премии. Некоторые говорили, что он жадный, я тоже сначала так считал, пока не поговорил с ним, вернее он со мной на тему, как зарабатывать деньги. И вот, что он мне сказал. У него было много облигаций и, если эти облигации за месяц не выиграли пять тысяч рублей, то он считает, что его обокрали. То есть, кроме зарплаты, у него было не менее пяти тысяч рублей от выигранных облигаций. Пока он работал на автокране зарплата у него была около тысячи рублей. Думаю, что он зарабатывал больше всех.

Позже я понял, чем отличался Азолин от других мужиков, привезёт нас на рыбалку или охоту и со словами: «Идите добывайте, нечего тут сидеть», отправит всех от машины. Сам рванёт полстакана водки и варит что-нибудь поесть, просто так не сидел. Могу смело сказать, что меня он уважал, я не лез к нему в душу с разными расспросами, и он ценил это. Про его жену, Галину Никаноровну, тоже говорили, что она жадная. Однажды мой друг Витя Панин

сказал: «Она за рубль спрыгнет с трубы котельной». А труба котельной на Яне, высотой метров двадцать, если не больше. Вот и представьте, полная пожилая женщина лезет на эту трубу, чтобы за один рубль спрыгнуть с неё! А может это и не жадность была, а бережливость?

Дня три я работал с Родионовичем, а Витя, который жил с нами в одной палатке, у него был единственным грузчиком. С первого дня я заметил, что Азолин никогда не кричал, даже если я не так держу пачку. Он спокойно говорил, чтобы я потянул, или оттолкнул пачку, но криков и матерков я от него не слышал. Если бы мне предложили работать с Азолиным, я согласился бы без раздумий, но я был приписан к другому крану.

Один разна погрузке леса мне придавило правую ногу, как она выдержала упавшее на неё бревно, не знаю. В ту ночь мы грузили пиловочник на полуприцеп КИРОВЦА, подвели стропа под пачку, но длины их не хватало. Я держал руками стропы за петли, упершись правой ногой в лежащее наверху бревно. Крановщик потихоньку натягивал стропы, пачка с лесом шевелилась и собиралась в кучку, уплотнялась. Тут верхнее бревно и падает мне на ногу. Я сразу заорал, как резаный, ведь бревно давит. Оно килограмм двести точно весило. Саня с Колей быстро подскочили с ломиком и приподняли это бревно, чтобы я мог вытащить свою ногу. С неделю я хромал, но работал, не обращая на это внимания. Коля и Саня так и звали меня «придавленный», а как перестал хромать, перестали и дразнить.

Шёл уже август месяц, и в речке Халаткан хорошо клевал хариус. И мужчины, и женщины рыбачили спиннингами на самодельные мушки и налавливали чуть ли не по ведру. Правда, когда была чистая вода.

Рыбацкий азарт

Возвращаясь вечером с работы, мы увидели на речке много рыбаков. У самого слияния Халаткана и Бахапчи стоял «автобус», так у нас называли ЗИЛ-157 (трёхосный автомобиль повышенной проходимости с тёплой будкой и печкой). Рыбаки со спиннингами расположились по обоим берегам реки. Кроме машины стоял бульдозер, и бульдозерист Тарасенков Владимир, по прозвищу «ПАХАРЬ», тоже рыбачил. Он проезжал мимо и увидел, что люди ловят рыбу. В те времена в каждой кабине были спиннинг и ружьё, и ему тоже захотелось наловить на «жарёху». Сегодня нам спешить было некуда, и мы решили посмотреть, как они рыбачат. Нами самим хотелось порыбачить, но у нас не было никаких снастей, вот мы и решили, хоть посмотрим, а может, кто-то и даст немного рыбы.

Вечер был тёплый. Речка в этом месте не очень широкая и рыбаки спиннингами забрасывали крючки чуть ли не на противоположный берег. А те в свою очередь, кидали к этой стороне и часто бывало, что их снасти пересекались и путались. Но рыбаки народ упорный, распутывали и снова бросали снасть в реку. Бывало, что и рыба отрывала эти крючки. Вот это и произошло у нашего «пахаря». Оторвались сразу два крючка, хорошо, что поплавков остался. Он порылся в своей сумочке, но запасных мушек не нашёл. Похоже, что он спрашивал у соседних рыбаков эти мушки, но, или у них не было запасных, или берегли их для себя. Тогда он решил сделать их прямо тут. Рыбалка была в полном разгаре, все ловят рыбу, а он нет. Оказавшись в таком положении, он начал действовать. Где взять материал для мушек Владимир знал, отвернувшись от рыбаков приспустив штаны, сел прямо на холодные камни. Порывшись опять в своей сумочке и не найдя в ней ни ножниц, ни ножика, берёт в руку камень и начинает отбивать с самого шерстяного места материал для мушек! Увидев это, мы даже привстали, нас удивила находчивость бульдозериста. Он не обращал ни на кого внимания, ему хотелось скорее отделить пучок волосиков, связать мушки и начать рыбачить. Все рыбаки были заняты рыбалкой и им было не до него. Похоже, что Владимир не всегда попадал, куда хотел и кричал от боли. Наконец, он встал, надел штаны и принялся вязать мушки. Через десять минут он забросил свою снасть в воду. Нам было видно, каким радостным он был.

Это вообще необъяснимое ощущение, содрогание спиннинга и не отступающая мысль, сколько штук зацепится и сколько вытащу. Не зря же, сидел голым задом на холодных камнях, да ещё и травмы мог получить. Но все эти неудобства уже уходят на второй план. Вот уже он тянет зацепившуюся на его новую снасть рыбу, и тут у него появляется чувство победы над сложившейся ситуацией. Я тогда ещё не знал основного правила рыбаков: надо обязательно иметь с собой и крючки, леску, и ножницы.

Самыми уловистыми считались рыжие мушки, чем рыжее, тем лучше. И наш герой, иначе его и не назвать, не смотря на потерянное время, килограмма три-четыре наловил. Мы уехали раньше, а рыбаки покинули речку уже по темноте, ведь до посёлка всего два километра. В этот день мы ужинали в столовой, зато следующим вечером нас угостили свежим уловом, и мы устроили ужин у себя в палатке. Тогда я первый раз попробовал жареного хариуса, вкуснее рыбы я ещё не ел. Иногда хариуса ели прямо сырым, рыба ещё трепещется, но её уже чистят, подсаливают и съедают с хлебом. А мороженую строганину с более крупной рыбы мы ели с не меньшим аппетитом.

Колымская осень

Потом наступила осень, в тех краях и летом заморозки бывают, а осенью и подавно.

Вода вдоль речек начала замерзать и этот лёд там называют «забереги». Днём было теплее, комары и мошка не давали покоя, особенно, когда мы грузили старый лес. Нам давали отпугивающее средство, под названием «дэта». Этого средства не жалели, но и толку от него было мало, кожу жгло, а мошку плохо отпугивало. И вот, как только тронешь прошлогодний лес, то мошка поднималась просто тучами и горе тому, у кого руки заняты. В моих руках почти всегда был багор, чтобы держать пачку леса или раздвигать стропы. В это время она меня жрала беспощадно, ни накомарники, ни «дэта» не помогали. Она ползает по одежде и заползает везде, куда только может. Накомарники были сшиты из крупной сетки, и мошка пролазила сквозь неё. А потом пошёл гнус, он ещё мельче и легко проникал к телу. Мы часто снимали накомарник, так как мошка и гнус набивались под него, а с накомарником их не смахнешь. Так продолжается пока не похолодает, и обычно к утру даже лёгкий морозец заставляет всех насекомых попрятаться.

После первой же зарплаты я понял, что моя работа стоит того. Совсем без надбавок, которые зарабатываются годами, я получил около четырёхсот рублей! Это я, со своим вторым разрядом, а крановщики, у которых все надбавки и разряд самый высокий, получали под тысячу рублей и больше. Магаданская область входит в те районы, в которых действовали надбавки за прожитые годы и районный коэффициент, который составлял 1,7.

Это значило, что на ваш оклад начислят ещё семьдесят процентов. Через каждые полгода добавлялось по одной надбавке, и так до шести. Седьмая и восьмая надбавки добавлялись после года работы, и получалось, что все восемь надбавок будут через пять лет. Я считаю, это был хороший стимул для того, чтобы люди работали дольше. С получением надбавок было меньше текучки на предприятиях, повышалась квалификация и опыт работающих. Повышалась и дисциплина, так как за серьёзные провинности могли лишиться всех надбавок.

При устройстве на работу в конторе леспромхоза нам завели сберегательные книжки и какую-то часть зарплаты переводили туда, а какую-то выдавали наличными в посёлке. С первой же зарплаты я отправил часть денег родителям и потом каждый месяц отправлял. Родители конечно же были рады, что я хорошо зарабатывал и говорили мне, чтобы я оставлял деньги для себя. Но я отправлял, до определённого времени. Этим определённым временем стала подготовка к моей свадьбе.

Мороз с каждым днём усиливался, забереги в некоторых местах были такими, что наш ЗИЛ преодолевал их и не с первого раза. Нас часто вытаскивали тракторами из речки, как на погрузку, так и обратно. С наступлением холодов комаров с мошкой не стало, выпал снег, а мороз был десять-пятнадцать градусов. Когда все были на работе, печи в палатках топил истопник, чтобы к приходу рабочих не было холодно. Все уже ждали переезда на Яну, которая была основным участком, а работа там не кончалась ни зимой, ни летом. Надо сказать, что на Яне летом не было таких возможностей для передвижения транспорта из-за болотистых мест и более крупных рек.

Мы так и продолжали работать, правда, объёмы отгрузки леса уменьшились, как и наша зарплата. С наступлением октября, началась пора строительства мостов на Яну. За лето паводки размыли всё, даже следов не осталось от тех мостов, которые строили в прошлом году. Если где-то и сохранился «ряж», так называли сруб моста из брёвен, то он мог быть так замытый в песок, что проще новый сделать. От Усть-Омчуга, где находился наш леспромхоз, до Яны было сто тридцать километров. А дороги, по которой можно было хоть как-то ехать со стороны Усть-Омчуга, было всего около тридцати километров. В таких местах бульдозеры начинали готовить зимник уже в сентябре и проходили, расчищая дорогу, до не замёрзших болот. Пока

болота не замёрзнут, там ничего не сделать. Весь Янский перевал, пятьдесят километров, было сплошное бездорожье, которое пересекалось мелкими проточками и речушками, стекающими с возвышенностей.

Всё труднее и труднее было добираться до делянок с лесом, особенно вниз по Бахапче. Хотя воды в реке стало меньше, но ледяные забереги были очень серьёзным препятствием для ЗИЛов. Без КИРОВЦА или бульдозера нам было не проехать через реку. В это время всякое случалось, машины застревали и даже переворачивались, рассыпая лес, но погрузку не прекращали. Отгружая пиломатериал с пилорамы, мы увидели КИРОВЕЦ, на платформе которого стоял другой КИРОВЕЦ, он был весь помятый и без кабины. Когда мы ехали на автокране МАЗ, я рассказывал про коварный подъём, где небольшая речка впадала в Бахапчу. В этот подъём КИРОВЕЦ не вышел и упал под обрыв. Хорошо, что водитель Николай Рокоман успел выпрыгнуть из кабины. Позже, когда я уже работал на КИРОВЦЕ и был направлен на Халаткан за щитами палаток, в этот подъём я не стал подниматься. Я не забыл, что было раньше.

Уже с середины октября машины в лес не ходили, и нашей задачей было не оставить ни одной доски в штабелях пилорамы. К этому времени мосты в болотистых местах сделали, и КИРОВЦЫ перевозили бульдозеры и трелёвочные трактора на Яну.

Наконец, директором леспромхоза дана команда на отправку людей с Халаткана. Наверное, как и везде, едут первыми женщины с детьми и самые пожилые. Тут всё решает начальник, Сан Саныч, он определяет, кто поедет первым, назначает машину и время отправки. Но не всегда это мероприятие проходило гладко, так как у каждой хозяйки есть какие-то вещи, у кого меньше, а у кого больше. Тут часто возникали споры, машины-то не безразмерные, а ехать первыми хочется всем. Начальнику участка приходилось и кричать на женщин и уговаривать. Я из рассказов Смольникова Николая Антоновича, давно работающего бригадиром на пилораме, знаю, что некоторые хозяйки даже живность возили. Кто везёт кур, а кто и свиней и на летник и обратно на зимник. Нисколько не вру, вот и представьте: одной хозяйке не дадут отдельную машину, а с её свиньями ехать никто не хочет, как тут быть? И Сан Санычу всё это приходилось улаживать. Во время отгрузки с пилорамы нам было видно, как идёт битва за места в первой машине. Это было не только видно, но и слышно. Но Сан Саныч знал своё дело и все с ним считались. Мало того, что он начальник, так он были старше всех по возрасту. Машина с людьми уходила обычно рано утром потому, что часа три уходило на дорогу до Усть-Омчуга. Там надо было заехать в леспромхоз, получить денег и пробежаться по магазинам. Из районного центра уезжали под вечер, а впереди ещё сто тридцать километров по тайге.

От Усть-Омчуга ехали веселее, потому что женщины покупали в магазинах не только продукты, но и спиртное к празднику. Так было всегда, только вышли на Янскую трассу оставили машину и отмечали переезд, после часового «праздника», пели песни и забывались все обиды. Большинство северных женщин вино не признавали, пили водку, не отставая от мужчин. Приезжали на Яну уже ночью. Следующим утром машина опять уходила на летник за другими людьми итак, пока не вывезут всех. С женщинами проблем во время переезда было намного меньше, но когда едут холостяки-лесорубы, то всё происходит иначе. По прибытии в районный центр, они первым делом закупают спиртное и совсем не торопятся к машине. Чтобы всех их собрать, приходилось тратить много времени. Иногда даже оставляли тех, кто опаздывал, ведь их можно и не дожидаться. Выехав из райцентра, традиция не менялась и на первой же стоянке начинался праздник. Переезд на зимние квартиры отмечали до тех пор, пока не дойдут до кондиции, ведь мужики брали не по две или три бутылочки, а рюкзаками. Таких остановок до Яны было несколько, а приехав в посёлок, лесорубы продолжали гуляние, которое переходило в праздник -7 ноября.

В то время, когда на Яне уже готовились к празднику, мы четверо оставались ещё на Халаткане и сутками топили печь, ожидая машину. Я, Витя Панченко и один из лесорубов уезжали последними. На зиму в посёлке Халаткан оставался мужчина, по фамилии Редькин.

Он был назначен сторожем уже не в первый раз. Говорили, что он охотник, будет охотиться на соболей и присматривать за посёлком, чтобы его не разграбили. Ведь там оставались и пилюрама, и дизельная станция, и много ещё другого имущества, которое понадобится следующей весной.

Мы с нетерпением ждали, когда за нами пришлют машину. Наконец, машина пришла, водителем был Коля Рокоман на ЗИЛ-157. Это значило, что ехать нам в тесноте, кабинка у этой машины совсем маленькая. Можно взять два пассажира, но не три же. Но делать нечего, залезли мы втроём в эту кабинку, сели. Тут Коля и говорит: «Как я буду скорости включать, вы, ребята, расселись как дома на диване, двигайтесь». И мы попробовали «двинуться», но от этого места больше не стало. У пассажирской дверки, мы сидели уже в два этажа. Мы ещё не поехали, а я уже начинал стонать от неудобства, мне некуда было определить свою голову. Это ещё не всё, я грудью касался своих коленей, так как крыша кабины была очень низкая. Ноги мои, почти что касались педалей, и я старался поджимать их, чтобы не мешать водителю. Я уже думал залезть в кузов, но ведь на улице за двадцать градусов мороза, и ни тулупа, ни соломы не было. Тут Коля сказал: «Поехали, дорогой утрясётесь». Проехали мы немного, у меня замёрзла спина, потому, что я сидел на коленях, а спиной касался стекла двери. Выход тёплого воздуха из печки был перекрыт нами же, а всю тёплую одежду мы сняли и отправили в кузов. Одеть её сейчас было уже не реально, надо было греть, а мы спешили. Нам оставалось только поменяться местами и ехать дальше до той столовой, где нас обсчитывали. За эти девяносто километров мы менялись раз пять. После обеда в столовой мы чувствовали себя лучше, да и дорога тут была хорошая. Этот участок в одиннадцать километров мы проехали быстро, и вот он, наш районный центр, посёлок Усть-Омчуг.

Водитель Коля привёз нас прямо к магазину и сказал, на все дела у нас полчаса, ещё в леспромхоз заехать надо забрать запчасти. Мы почти уложились в это время, но в кабину после магазина не входим, ведь всё, что мы набрали, надо было держать в тепле. На улице мороз и вино, которое мы купили, в кузове замёрзнет. Решили, что доедем до леспромхоза, а там что-нибудь, придумаем. На складе леспромхоза машину загрузили запчастями для техники и оборудования, и мы выдвинулись на Яну, сто тридцать километров. На складе во время погрузки Коля выпросил для нас кусок войлока, чтобы закрыть стекло дверки, от которого мёрзла спина. А ехать пришлось точно так же, меняясь при остановке. Во время такой пересадки мы, не одеваясь, прямо на улице выпивали по стакану вина и быстро прыгали в кабину. Рюкзаки с вином мы положили в кузове, кроме одного, как бы тесно нам не было. При следующей остановке его убрали в кузов, а другой брали в кабину, так и меняли их, чтобы вино не замёрзло.

Так мы проехали километров девяносто с лишним, как сказал Коля. Мы были, как селёдка в бочке, а стёкла в машине были затянуты льдом, только перед водителем небольшое пятно и не замерзло. Витя Панченко так и сидел рядом с водителем, и рычаг скоростей у него был между ног. Коленками он упирался в торпедку кабины, и какое-то время мы стойко боролись с таким положением. Но ведь не зря говорят, что «нет молодца, сильнее винца», так и получилось. Витя и Коля перестали контролировать происходящее. Витя расслабился и коленом прижал рычаг подкачки шин, а Коля не доглядел. Ну и, на Старой Яне, у нас стреляет среднее колесо на правой стороне машины. Мы опять вылезли на мороз, походили вокруг, посмотрели, запаска была в кузове, но она заложена запчастями. В другом случае, мы бы её достали и поменяли. Но тут мы решили не возиться с этим колесом, ведь груза-то мало. Машина и на пяти колёсах идёт, вот и пусть идёт до Яны, ещё сорок пять километров. Мы опять поменяли рюкзаки, не забыли выпить по стаканчику и поехали дальше, терпеливо перенося все неудобства этой поездки. В посёлок мы приехали, когда была уже глубокая ночь. Я даже не знал, куда мне идти, в какой барак. Все бараки были одинаковые, и для холостяков, и для семейных. Общежитие для холостяков стояло в центре посёлка. Но если бы не Витя, я долго бы искал его, ведь бараки были все одинаковые. Он сказал: «Пойдём со мной, я знаю, куда тебе надо». И мы

пришли с ним туда, где жили крановщик Коля Качан, Саня Дударев и мой компаньон Иван Яковлевич. Войдя в общежитие, мы конечно же всех разбудили, а так как завтра выходной день и у нас полные рюкзаки колбасы и спиртного, начался и наш праздник.

После Халаткана общежитие нам казалось раем, тепло, топить не надо вообще, батареи горячие, вода в кране горячая. Иван Яковлевич уже узнал, где тут поселковый клуб и даже кино успел посмотреть. Правда, тогда кино было черно-белое, но и это уже была «цивилизация». После того, как мы получили порцию блаженства в тёплом общежитии, мы пошли в столовую. Мы хорошо пообедали, никто нас не обсчитывал, и еда была вкусной. Мы с Иваном Яковлевичем были довольны, что в Магадане встретили того дальнбойщика и поверили ему. Мы ни один раз вспоминали его добрыми словами и не представляли себе другой жизни. Я отметил для себя, что получил за это время хорошие уроки для дальнейшей жизни.

Жизнь в посёлке кипела, на улице давно лежал снег и его надо было убирать от входа в общежитие. Я часто убирал снег, мне это нравилось. Работы пока не было, все отдыхали и ждали праздник Седьмое ноября. Конечно, с флагами на парад мы не ходили, спали сколько хотели, гуляли по посёлку, ходили в клуб, смотрели кино.

Как я стал семейным

Окна нашего общежития смотрели прямо на магазин. Хорошо просматривалась дорога, ведущая к магазину, и вот, я в этом окне, увидел её! В аккуратных валенках, в курточке, перетянутой пояском, которая выдавалась как спецодежда, на голове шерстяной платок. Я смотрел в окно и, не отрывая от неё глаз, спросил, кто это идёт? Мне сказали, что это Татьяна с метеостанции и, между прочим, холостячка. Я накинул шапку и как был в лёгком свитере и тапочках, рванул в магазин. Но побежал я не за покупками, хотя ничего не купить я не мог. Мне хотелось посмотреть, на эту Татьяну. Я зашёл в магазин, а сам искал место, откуда можно было разглядеть её. И я разглядел, да так, что уже весной мы подали заявление в ЗАГС посёлка Усть-Омчуг, так как у нас на Яне такого учреждения не было. Хотя в шутку говорили, что наш начальник Сан Саныч и сам расписать может. Расписать-то распишет, сказал я, но документа не даст. С этого дня покой мой кончился, и я постоянно думал только о ней. Должен сказать, что немаловажную роль в этом деле сыграла уборщица общежития, по фамилии Клисовская. Когда она приходила к нам делать уборку, то всегда о чём-то разговаривала с каждым. Меня она как-то заметила и часто хвалила за то, что я был не ленивым. Я помогал ей в уборке помещения и убирал снег на улице, чтобы ей меньше было работы. Когда я был свободен от работы, то часто что-то варил, то на завтрак, то на ужин. Бывало так, что, работая в ночь, я почти всю неделю днём был в общаге и она «изучала» меня. Я, в свою очередь, спрашивал её о Тане и как мне показалось, она поняла, в чём тут дело. Она охотно шла со мной на любые разговоры, и, как я думаю, передавала это ей. Она думаю и сыграла роль «свахи», об этом я узнал позже. Потом, уже Таня рассказывала мне, что эта Клисовская, ей все уши «прожужжала» про меня, всё хвалила и рекомендовала присмотреться. И Таня присматривалась, но не спеша. В магазине, который был рядом с нашей общагой, работала подсобницей Ковалева Лидия Ивановна, небольшого роста, но мощная женщина. Как-то в магазине она затопила печку, но наколотых дров было мало. Я видел, как она вышла с топором рубить дрова, которые всегда были перед входом. Я уже до этого случая помогал ей колоть дрова, вот и сейчас, увидев её с топором, вышел помочь разрубить сколько-то чурок, за что она поблагодарила меня. От неё я узнал, что она живёт там же, на метеостанции, которая не относилась к леспромхозу. Это была отдельная организация, и называлась она «Магаданская гидрометеорологическая станция». Это был такой же барак, в каком жили мы, там у них находилось оборудование, и жили все их сотрудники. Я к этой женщине обращался строго по имени и отчеству и конечно же, не мог не спросить про Таню. Она мне многое проясняла, оказалось, что она Тане как мать, помогает и оберегает. Впоследствии, я тоже оказался под её крылом, она была всегда добродушна и приветлива со мной. Оказалось, что и она советовала Тане присмотреться ко мне, и вот эти две авторитетные женщины и повлияли на мою судьбу.

Не могу не рассказать один случай, когда Лидия Ивановна рубила дрова и загнала топор в чурку так, что не могла его вытащить. Вокруг никого не было, а мне стало интересно, что она будет делать с топором и чуркой. Но получилось всё просто и быстро, она приподняла юбку вместе с халатом, взялась обеими руками за топор и подняла эту чурку над своей головой на вытянутые руки. Потом она так шарахнула по другой чурке, что они обе развалились на несколько частей. Как топор выдержал, я не знаю.

Прошли все праздники, уже давно на Яну начали ходить машины, мы их грузили и в лесу, и со склада на пилораме. Пиломатериала было очень много, а штабеля были такими высокими, что очень удобно было грузить. Чуть приподняли пачку и тут же на машину, получалось очень быстро.

Росли и мои накопления, я хоть и отправлял сколько-то денег домой, но и получал наличными. Основная часть зарплаты шла на книжку, ведь я себе ничего не покупал, обходился тем,

что было. Здесь, на Яне, мест погрузки леса было больше, чем на Халаткане и нас направляли то вверх по реке, то вниз. Бывало отправляли вообще в сторону и мне интересно было смотреть эти места: то узкие распадки, то широкие и замёрзшие плёсы реки. На седьмом километре был прижим (дорога по склону сопки), по которому первое время даже страшновато было ехать. Эти места были намного красивее, чем на летнике. Даже по хорошей зимней дороге надо час времени, чтобы добраться до погрузки. Наледей пока не было, но местами вода выступала на дорогу практически на всех направлениях. Это было всегда с наступлением морозов.

Приближался Новый год, и я ждал от него чего-то большего. За это время я с Таней почти не виделся, но с двумя тётями я разговаривал часто. Когда работал в ночную смену, я встречался с ними почти каждый день. Работая в дневную смену, я их не видел всю неделю, а так хотелось что-то услышать про Таню.

И Новый год наступил. Все гуляли, веселились и приходили в клуб на танцы. В тот вечер я спел песню Льва Лещенко «Под стук колёс ко мне приходят сны, а мне всегда чего-то не хватает, зимою лета, осенью весны». Мне даже приз дали приз- игрушку, и я её отдал фактуровице Кате Зембатовой, она со мной потанцевала. До этого времени Тани не было, но потом она появилась, пришла с Лидией Ивановной. Тут я подумал, что надо с ней «познакомиться» и пригласить на танец. В один подходящий момент я решился. Подошёл к ней и пригласил её потанцевать. Немного подумав, она согласилась потанцевать со мной. Она была стройная, немного ниже меня ростом, и я видел её красивые волосы, которые большими кудряшками лежали на плечах, я даже запах их запомнил. Танец мы с ней оттанцевали, я вежливо поблагодарил её и отошёл, а потом корил себя. Говорил себе, дурак, надо было руку поцеловать, почему забыл? Но мне и от этого было радостно, ведь я держал её в своих руках и был рядом с ней. Про свою Таню я уже кое-что знал, оказалось, что она год назад с другой Татьяной приехали на метеостанцию. Жили они вдвоём в одной комнате, пока первая Татьяна не вышла замуж за лесоруба, и моя Таня осталась одна. Но её там все любили, уважали и никто не обижал. Так она и жила, пока не приехал я.

Тем временем, праздник продолжался и после танца с ней, я можно сказать, был на седьмом небе. Во время танца я касался её своим ремнём с большой бляхой и наделал ей затяжек на костюме. На Тани был красивый брючный костюм, и вот этой самой бляхой я ей немного испортил его. Но она меня за это даже не отругала, а сделала вид, что ничего не произошло. Кто бы знал, как я винил себя в случившемся и готов был купить ей всё новое. В тот вечер я был просто очарован ею и не спускал с неё глаз, понимая, что такого со мной никогда не было. Я сделал для себя вывод, что я влюбился в Таню! Меня уже больше ничего не интересовало, я думал только о ней. В тот вечер я ещё и предполагать не мог, что в ней поселился интерес ко мне. Я раньше говорил, что у меня были два «осведомителя», уборщица Клисовская и подсобница в магазине Лидия Ивановна. И надо сказать, они почему-то мне улыбались, а я ничего не подозревал. Вот так, с мыслями о ней я продолжал работать, пел везде и в кабине при переездах, и когда завожу пачку. Мысли о Тани не покидали меня ни на работе, ни во время сна. Я снова и снова вспоминал, как танцевал с ней, что она была рядом и даже касалась меня. Ну как тут уснешь сразу!

Почти два месяца меня мучила неизвестность, что будет дальше, всё это время я не находил себе места. Только двадцать третьего февраля выяснилось, что её голову одолевали те же мысли, что делать, она то же думала обо мне. На день защитника Отечества меня пригласили к Лидии Ивановне, где уже была Таня. В этот день мы и приняли очень серьёзное решение, готовимся к свадьбе!

Терять время мы не стали и решили, что в начале марта поедем подавать заявление в ЗАГС посёлка Усть-Омчуг. Праздник День Защитника Отечества и международный женский день восьмое марта, мы праздновали уже вместе, а заявление в ЗАГС подали ещё в первых числах марта. Для этого нам надо было туда приехать лично, что мы и сделали. После подачи

заявления, нам надо было заказать для Тани свадебное платье, фату, купить туфли, ну и, может ещё что-то. Мне купили кримпленовый костюм, белую рубашку, галстук и тоже туфли. Кроме этого, заказали и обручальные кольца. Сделав все дела, на попутке, мы вернулись домой на Яну. После всех моих юношеских и армейских приключений, это для меня было высочайшей наградой судьбы, моя жизнь в корне поменялась и так стремительно, что я и не ожидал. Общезнание мне уже не нужно было, я жил у Тани, в небольшой квартире метеостанции. Там была кухня, она же прихожая, и маленькая комнатка со шкафом и односпальной кроватью. Вот так «скороспело», на Яне получилась ещё одна семья.

Сначала мы думали взять отпуск и свадьбу сыграть на материке, то есть в Бердске, у меня дома. Но люди в посёлке, а особенно холостяки, хотели праздника. И Ваня Верхотуров, что работал на КИРОВЦЕ, мне сказал: «Серёга, делай свадьбу тут, мы соберём тебе денег, и вы что-нибудь себе купите». Я про это сказал Тане, и мы решили, что надо свадьбу делать тут. Иначе и не получилось бы, заявление-то мы подали в Усть-Омчуге, значит и регистрация тоже там. Единственное, что мне не нравилось, это то, что наши родители не могли быть на нашей свадьбе, они же в Сибири!

В первых числах апреля, мы начали собираться, готовиться к поездке в ЗАГС. Кроме этого, нам надо было выкупить кольца, купить шампанское и нанять фотографа. Чтобы всё успеть сделать, второго апреля тысяча девятьсот семьдесят пятого года, мы приехали в Усть-Омчуг. Поселились в гостинице леспромхоза, а третьего числа пошли выполнять намеченные дела и решить вопрос с транспортом. Нам после регистрации надо было на чём-то приехать на Яну, не на лесовозе же ехать! Зайдя в кабинет директора леспромхоза, я представился и сказал ему про нашу регистрацию на завтра и попросил помочь с транспортом. К моему удивлению, он уже знал про нас и пообещал помочь. Я поблагодарил его, и мы поехали в посёлок по своим делам. Решив к обеду все необходимые вопросы, мы решили пообедать в «Чихаре», так называлась столовая. Пообедав, мы присели на заваленку столовой отдохнуть, но поторопились к подходящему автобусу, забыв Танину сумочку. Хорошо, что все деньги были у меня, а все документы, которые нужны будут завтра, в сумочке. Приехав в гостиницу леспромхоза, мы не обнаружили с собой сумочки. Почему-то, мы не могли вспомнить, где её оставили. По этому поводу мы не ругались, но некоторое напряжение было. Настроение у нас было ужасным до самого утра. Утром в гостинице нас спрашивают: «А это не ваша сумочка?». Мы глянули на неё и конечно же узнали. Оказалось, что мы забыли её на заваленке столовой, а по документам, которые были в сумочке, было понятно, кто мы и что нам предстоит завтра. Сумочку передали в леспромхоз, забрав из неё небольшую сумму денег, но документы были в сохранности. Утром, четвёртого апреля, мы прибыли в ЗАГС районного центра Усть-Омчуг. Волнительное для нас мероприятие прошло хорошо. Таня была в красивом свадебном платье с фатой, а я в синем кримпленовом костюме. Наш брак был зарегистрирован как положено, при свидетелях, мы расписались в свидетельстве о браке, обменялись кольцами, выпили шампанское и сфотографировались. Нам все пожелали счастливой жизни, и мы вышли из зала бракосочетаний. В подсобной комнате Таня переоделась, чтобы поберечь наряд, и мы вышли на улицу, уже как муж и жена! Выходя из ЗАГСА, мы увидели новенький ГАЗ-69, на котором даже разноцветные шарики были привязаны. Водитель Гена мне сказал, что его прислали для нас и спросил: «Куда едем?». В магазин, сказал я водителю, и мы пять человек сели в машину. В ГАЗ-69 ещё пахло заводской краской, а жёсткие сиденья были расположены вдоль бортов машины. Гена рассказал нам, что по просьбе нашего директора Епифанова машину выделил директор прииска Курчатовский. В магазине мы купили всё, что было необходимо для свадебного стола и выехали на Яну.

Хотя и была хорошая погода, но на таёжной дороге может случиться всякое. Наш ГАЗ-69 шёл ходко, хоть и загружен был хорошо. Гена старался ехать аккуратно, но всё равно нас качало и потряхивало. Мы пятеро сидели на задних сиденьях, а Лидию Ивановну посадили вперёд.

Она была самая пожилая и ей там было удобнее. Мы с Таней, Борис Подгорный, свидетели Витя и Света, сидели и держали груз, который находился между нами. Тут стояли два ящика водки, два ящика вина и другие продукты. Большое беспокойство нам доставляли торты, которых было шесть штук, они сдвигались, и мы постоянно поправляли их, чтобы они не помялись. Приходилось их даже на руки брать. Но это было не просто, держать торты и равновесие. Эти шесть тортов были самым ценным грузом, да ещё и опасным. Как мы ни старались, всё равно жирные пятна на одежде появились.

Почти весь путь мы проехали без проблем и ещё в светлое время приехали к последнему переезду через реку Яна, в трёх километрах от посёлка. Тут была наледь и глубокие колеи после лесовозов. Мы вышли и определили, что глубокой колеи преодолеть надо было метров двести. Посоветовавшись с нами, водитель Гена принял решение, где ехать. Не проехали мы и двадцать метров, как наш ГАЗ повис на мостах, колёса крутятся, а машина стоит. Мы вышли и попробовали толкнуть, но тут же поскользнулись и намочили ноги. Тут я сказал: «Идите в машину, а я побежал в посёлок за тягачом». Я не обращал внимания на мокрые ноги, на голове у меня была шапочка, а про рукавицы и куртку, я даже и не вспомнил.

Я бежал вдоль ледяных колеи и думал только об одном, чтобы не упасть, ведь кругом лёд и, если я упаду, мало не покажется. После наледи я побежал быстрее, сам холода не чувствовал, а вот ноги мёрзли. Расстояние до посёлка сокращалось, вот уже и окраина. Я бежал и думал, где искать тягача, кого просить. Я пробежал уже половину посёлка, и никакой транспорт мне не попадался на глаза. Тогда я побежал прямо в гараж, где и увидел КИРОВЕЦ. Кто-то мне сказал, только что ушёл Иван Верхотуров. Я побежал к нему в общежитие и застал его дома. "Выручай Ваня", сказал ему и вкратце рассказал, что мне надо. Иван оделся, и мы пошли в гараж за трактором. За всё это время я не чувствовал холода, а вот мои ноги были ледяными. Хорошо, что двигатель трактора ещё не остыл и, после включения печки, пошёл тёплый воздух. Сняв мёрзлые туфли, я начал отогревать ноги ещё не совсем тёплым воздухом. Пока мы с Иваном ехали, я размышлял вслух, что бы я делал, если бы он не приехал раньше. В посёлке я не видел ни одного механизма, кроме трелёвочного трактора на пилораме. Если бы не Иван, то мне пришлось бы бежать за этим трелёвочником. Но сегодня мне повезло, и я был очень рад этому.

КИРОВЕЦ вытащил нашу машину и поехал в гараж. Я сел в машину, а Гена, обогнав трактор, быстро поехал в посёлок. Нас он подвёз прямо к крыльцу нашей квартиры, где я выгрузил всё, что купили для праздника и мы попрощались со всеми до завтра. За эти дни мы сильно устали, но радостное настроение было нам, как подарок. Осмотрев меня, Таня сказала, что я вымазал костюм и брюки в мазуте, а когда я снял его, то понял, что это от троса. Кроме этого, на брюках были пятна от торта и, долго не раздумывая, Таня постирала костюм. Утром посмотрели, а костюм и гладить не надо, он был как новый.

Сегодня была пятница, и весь этот день был суматошный. Свадьбу нам разрешили отпраздновать в поселковом клубе, там уже с утра начали сооружать столы. Обрезные доски привезли на тракторе, и к обеду столы были готовы, даже скатерти нашлись. Надо сказать, что у нас было много помощников. Плотники столы поставили в клубе, музыканты сцену организовали, и даже свой оркестр получился. Оказалось, наш водитель Гена играл на ударнике, вот так совпало! В столовой повара приготовили еду, а свободные от дел люди накрыли столы.

Всеми процессами и приготовлениями командовала Лидия Ивановна. Она организовала целую бригаду по сервировке столов, мы даже и не знали, откуда это всё бралось. Так как наш посёлок стоял на нерестовой реке, была разная рыба и красная икра. В общем, совместными стараниями получился хороший стол. Конечно же, за организацию всего этого, особой похвалы заслуживала Лидия Ивановна Ковалева. Несмотря на то, что своих детей было четверо, она и для Тани была как мать, делала для неё всё, что могла. А могла она много, так как жила она на Яне давно, её все знали и уважали, а отсюда и результат.

Свадьба получилась очень хорошая, приходили даже те, кого я не знал. А какой хороший оркестр получился: были гитары, ударник и аккордеон. Водитель Гена играл на ударнике просто мастерски. От двух гитар и аккордеона хорошего звука конечно бы не было. Одним словом, получилось весело, люди говорили, что такого праздника на Яне ещё не было. Так или иначе, свадьбу мы отыграли и на другой день в субботу, ещё продолжали догуливать. В воскресенье с утра, наводили порядок в клубе, так как вечером люди должны были уже смотреть фильмы. Гена со свидетельницей уехали в Усть-Омчуг, им в понедельник надо было быть на работе. А у нас началась семейная жизнь, появлялись новые обязанности и заботы, но работа была на первом плане.

Я сейчас не скажу точно, но каким-то образом в последние дни апреля, мне удалось получить в районном центре охотничий билет. В то же время я купил двуствольное ружье «ИЖ-58» двенадцатого калибра и сотни две патронов с разной дробью и пулями. Я уже давно хотел заняться охотой, у меня эта тяга осталась с детства. Мне не забыть, как я в пятнадцать лет с одностволкой бродил по оврагам Гумёнки в Новосибирской области. А тут на Колыме и зверья разного много, и пернатой дичи. Таня в этом со мной не спорила, так как знала, что охотники всегда дичь добывали. У той же Лидии Ивановны муж, дядя Коля, и лося добывал, и соболей ловил. Зайцы с рябчиками и куропатками, тоже в суп шли. Как у нас на Яне говорили, волка ноги кормят, вот и я становился начинающим волком.

Была уже середина апреля, и опять пришла пора большинству рабочих переезжать на Халаткан. Надо было торопиться, так к концу апреля с Яны уже не выехать, дорога растает.

В связи с тем, что я был женат, а моя жена работала на метеостанции, меня оставили на Яне. Приказом директора леспромхоза меня перевели рабочим на пилораму, так я поменял профессию. Работы я не боялся, мне любая работа была по плечу, пилорама, так пилорама. Мне даже понравилось, так как работали строго по часам. В первые же дни я сделал шкаф для одежды и посуды, доски-то вот, бери, никто не запрещал. К слову сказать, тут у всех была мебель из досок. Некоторые жили в таких условиях не одно десятилетие. За конец апреля и начало мая я сделал почти всё, что нам надо было из мебели. Потом прошёл праздник 1 Мая, и на реке начали появляться первые плёсы, а с этим и первая перелётная дичь. Медведи начали просыпаться, и глухари слетались на токовища. Вот и потянулись охотники в тайгу, а девятого мая и я пошёл на свою первую охоту.

Моя первая охота

Ещё утром девятого мая я никуда не собирался и во время обеда, как всегда у Лидии Ивановны, мы отметили этот значимый для всех день. От дяди Коли, её мужа, я узнал, что Соболев Толик и Горев Валера ушли на охоту, вниз по Яне на восемнадцатый километр. Там у старого гаража была построена из досок засыпная избушка, я знал это место и решил пойти к ним. Всё снаряжение у меня было готово, я оделся, взял всё, что было необходимо и часа в три дня я ушёл. Пройти мне надо было восемнадцать километров, дорогу я знал и в своих силах был уверен. Я думал, что часа за четыре дойду и дошёл, но не за четыре, а за десять! Силы-то есть, а опыта ходить по тайге, выбирать самые лёгкие маршруты, ещё не было. Первый этап моего пути до слияния рек, Яны правой и Яны левой: два километра я прошёл быстро, перешёл левую Яну и пошёл по растаявшей зимней дороге. Так как все майские дни стояли тёплые, дорога хорошо прогрелась и протаяла сантиметров на двадцать, а местами и больше.

Мои сапоги тонули в этой грязи, но я шёл, не останавливаясь на отдых. Я знал, что на седьмом километре мне надо будет пройти прижим, это дорога, пробитая по склону сопки, а внизу текла река. На нём были осыпи из камней и деревьев, но я его прошёл быстро и даже немного отдохнул, так как по каменистой дороге идти легче. Проходя прижим, я заметил, что начинает темнеть, а мне идти ещё больше десяти километров. Я прибавил ходи пошёл той дорогой, по которой ещё недавно ездил на автокране. И опять мои сапоги проваливались глубоко в грязь, даже не всегда с первого раза я мог вытянуть их из липкой земли. Иногда, даже помогал руками вытаскивать сапоги.

Темнело всё быстрее и, пройдя ещё километра три, я оказался в полной темноте. До этого места я нёс ружьё за спиной, но тут я взял его в руки так, что готов был выстрелить в любой момент. Я знал о том, что медведи уже проснулись и могли шарахаться, где угодно. Питания для них ещё не было: ни рыбы, ни ягоды, кроме прошлогодней. Меня не покидала мысль о том, что я мог стать для них лёгкой добычей и поэтому, выйдя из посёлка, зарядил своё ружьё

До четырнадцатого километра дорога шла тальниками и мелкими проточками, и я за это время немного отдохнул. В этих местах не было той грязи, лес был не такой густой и не так было темно. Когда я подошёл к тому месту, где дорога опять уходила в лес, стало опять темно, темнее не бывает, а мне надо пройти ещё четыре километра.

Перед последним, но самым трудным участком, я присел на поваленное дерево. Сижу, думаю, сам с собой разговариваю и не просто разговариваю, а ругаю себя за то, что вышел так поздно. Я мог бы пойти по реке, но в темноте я просто боялся провалиться под лёд. По реке я ещё не ходил ни разу и не знал, где можно идти, а где нет, опыта не было совсем. Пока я отдыхал, почувствовал боли в ногах, икры и колени начинали напоминать о перегрузке. Но другого варианта у меня не было, и я шагнул в ночной лес.

Уже часа три, как подмораживало, поверхность дорожной грязи покрылась мёрзлой коркой и идти стало ещё тяжелее. Корочка мёрзлой земли немного держала, но под нагрузкой проваливалась. Шел я зигзагами, натываясь на ещё не растаявшие снежные валы. Эти валы образовались во время чистки дороги проходящими бульдозерами. Почувствую правой ногой эту бровку, поворачиваю немного левее, а упрусь левой ногой, беру правее. Часто попадал в грязь, запинаясь за ветки и корни. Чтобы не упасть пластом, упирался левой рукой, а правая рука, крепко держала готовое к стрельбе ружьё. Я поздно подумал, что надо было пока светло, взять палку в левую руку, а сейчас, её даже не разглядеть. На левой руке у меня была одета тонкая рукавица, она была вся в грязи и вытирать мне её было нечем. На правую руку я рукавицу не надевал, так как я не чувствовал бы спусковой крючок. Обе мои руки мёрзли, но на это я не обращал внимания. Я шёл очень осторожно, моей задачей было обязательно прийти,

а времени у меня было много. В тот момент мне было всё равно, приду я в десять часов или в два ночи, главное, дойти.

Я шёл и прислушивался, сделаю шагов пять-семь, остановлюсь, прислушаюсь, потом еще пять семь шагов и снова встану. Если бы услышал сильный шорох, то стрелял бы на этот звук. Хотя потом, разбирая этот поход, я ни один раз задумывался о том, если бы медведь захотел меня сожрать, то он бы сожрал. Я легко бы стал его добычей.

Ноги мои болели, я понимал, что завтра будет ещё хуже, но мне надо было дойти. Сколько я так шёл не знаю и об усталости не думал. Почему-то я вспомнил похожий случай, который произошёл со мной в четырнадцать лет, когда пришлось тащить через овраги своего напарника. Сейчас я понимал, что мне легче, никого не тащу и все силы на себя. Пока моя голова была занята то прошлым, то настоящим, почти рядом с собой услышал звук, похожий на ломающиеся ветки и хлопанье сильных крыльев. Я понял, что спугнул какую-то крупную птицу, скорее всего глухаря. Мне тогда было всё равно, кто полетел, главное, никто не бежал на меня. Я даже подумал, наверное, эта птица глухая, раз не слышала чавканья грязи от моих сапог. Меня должно было быть слышно метров за двести, не меньше. От такой неожиданности у меня чуть было сердце в пятки не ушло, и как я сдержался и не выстрелил, до сих пор не знаю. Я стоял и слушал, где ещё зашумит, но было тихо. Убедившись, что мне ничего не угрожает, я снова сделал несколько шагов.

У меня, в который раз, возникало желание сойти с дороги и пойти лесом. Но я снова отказался от этой затеи, потому, что я бы на каждом шагу наткнулся на деревья и сучья, что было бы опасней для меня. Вспоминая тот случай, за всю оставшуюся жизнь темнее ночей я не видел. Получается, для первого испытания мне господь Бог послал такую ночь, чтобы этот поход запомнил на всю жизнь. Уже в это время я понимал, что перед любым делом надо всё хорошо продумать, ведь не все преграды можно преодолеть за счёт силы.

Раньше я говорил, что всегда в трудные моменты пел, не стесняясь никого. И в этом походе мне очень хотелось подбодрить себя песней, даже вспоминались армейские мелодии. Но сейчас я петь себе не позволял, мне надо было быть уверенным в том, что на меня никто не охотится. А ещё я верил в то, что слышал от своего деда, что самый страшный зверь на земле-человек. Медведь, если он не обижен этим человеком, обойдёт тебя стороной, и ты об этом даже не узнаешь. От напряжения я весь промок от пота, и любой зверь меня чуял за километр, это я знал и был осторожен.

Я иногда вспоминал Таню и думал, хорошо, что она не знает про мой поход. На этом, все мои раздумья прерываются, я услышал два ружейных выстрела недалеко от себя. Они прозвучали там, куда я шёл. По расстоянию, примерно в полукилометре, а может и меньше. Я знал, что туда ушли Толик и Валера и что старый гараж где-то рядом. Но почему они стреляют, ведь они должны сейчас отдыхать в избушке? Эти выстрелы беспокоили меня, я опасался за тот момент, когда буду подходить к ним. Наверняка они услышат мои шаги, а что я решил прийти к ним, они не знали. По замерзшим колеям машин я определил поворот к гаражу, это была развилка дорог, направление которых я знал хорошо. Тут и стоял старый гараж, в конце которого была избушка. После прозвучавших выстрелов я стал ещё осторожней, прислушиваясь к тишине. Ружьё я сейчас держал двумя руками и готов был стрелять.

Когда я подходил ближе избушке, громким голосом крикнул: «Валера и Толя это пришёл я, Сергей!» Тут я услышал скрип открывающейся двери, их удивлению не было предела, ведь они не знали, что я пойду к ним. С первой же минуты ко мне было много всяких вопросов, ав свою очередь спросил их: «Зачем вы стреляли?» И они сказали, что медведь им покоя не даёт, прогоняют его уже второй раз. Они в шутку меня спрашивают: «Ты там не видел его?» Я ответил, что даже если бы и захотел, то в такой темноте его не увидеть. Я понял, что им хочется поговорить со мной, узнать, как я решился на такой путь. Я взял свой охотничий нож и стал соскабливать с одежды грязь. Валера понял, что мне нужен свет и разжёг костёр, который

почти совсем потух. Он пояснил, что медведь наглый попался, даже при горящем костре близко подходит. Я подошёл поближе к костру и увидел, что вся моя левая сторона одежды грязная. Тут они меня спрашивают: «Ты почему такой грязный?» и получили ответ, которого не ждали: «Я шёл зимником». Толик, сидевший на корточках у костра встал, и в свою очередь спрашивает меня: «Как зимником, а почему не по льду?» На этот вопрос я так прямо и сказал: «Я никогда не ходил по замёрзшей реке, не знаю где русло и, если честно, побоялся провалиться». Тут Валера посмотрел на часы и сказал: «Сейчас час ночи, ты шёл больше десяти часов! Ну, ты парень и даёшь!» А Толик говорит мне: «Мы шли четыре часа и не напрягались». Я ответил, что в следующий раз буду умнее.

Пока мы разговаривали, я отчистил большую грязь, а маленькая сама отстанет, когда высохнет. Но сейчас меня беспокоила совсем другая тема: за всё это время я даже глотка воды не сделал, сильно устал и хотел есть. Костёр уже разгорелся, и я достал из рюкзака тушёнку и хлеб. Валера сходил в избушку, принёс сковородку и чайник, сковородку подал мне, а чайник поставил на огонь. Разговор продолжался. Им было интересно, как я решился пойти один. Они почти в один голос ответили, что никогда не пошли бы зимником. Милое дело по льду, как по асфальту, да ещё и в светлое время.

Тушёнка моя согрелась, и я принялся есть. Пока я ел, они всё спрашивали и спрашивали, и когда я ответил на все их вопросы, Валера сказал: «Я тоже ходил зимниками, но не в такую распутицу и не такой тёмной ночью». Сегодня вообще тьма, какой я не видел, и тут Толик пошутил: «Это Серёге на первую охоту, чтобы научился думать, выходить раньше или не ходить вовсе». Но Валера ему возразил: «А как ты угадаешь, какая ночь будет? Я один раз убил лося уже в сумерках, от избушки двадцать с лишним километров и что делать? До второй избушки семь километров, а пока разобрал лося совсем стемнело, тогда я тоже пришёл к избушке ночью. Но та ночь была звёздная и идти было легко». Тут и Толик согласился, что в нашем деле всякое бывает.

Отдыхать в избушку мы пошли уже после двух часов ночи. Вставая, я почувствовал, что ноги мои болят и в поясице ломит. Утром, подумал я, будет ещё хуже, но тут же прогнал эти мысли. Это будет утром, а сейчас быстрее в тёплую избушку. Ребята отвели мне место поближе к печке, где я повесил свою одежду, чтобы она просохла. Потом мы ещё сколько-то поговорили, и я услышал, что они уже спят. Наверное, я уснул только к утру, боли во всём теле не давали мне спать.

Встали мы ещё до рассвета, при первых же движениях я почувствовал боль в спине и ногах и мне совсем не хотелось, чтобы ребята узнали про моё состояние. Быстро оделись, разожгли костёр, согрели чайник, перекусили и пошли к реке. Я шёл не отставая, хотя это давалось мне не просто. Каждое движение-боль, но я делал вид, что всё в порядке. Утренний морозец чувствовался и даже не везде ломался лёд под сапогами. Валера сказал: «Идём вниз по течению до двадцать второго километра, левым берегом». Эти места «ягодные», там могут быть медведи, вдоль реки и тальники хорошие, их лоси любят, а выше на «террасах» есть корм для оленей. Из этого разговора я понял, что мы охотимся не на уток и рябчиков, а строго на зверя. Инструктаж давался в основном для меня, чтобы мне не захотелось пальнуть в стайку чирков или рябчиков, и этим выстрелом спугнуть основную дичь. Получив подробный инструктаж от Валеры, мы пошли левым берегом реки осматривая «звериные» места. Дойдя до двадцать второго километра перешли на другую сторону реки и на не большом костре согрели чай. После не продолжительного отдыха мы пошли осматривать большой ягодник в устье распадка «Медвежий». Мне в редколесье попадались рябчики, но я шёл вперёд, укрощая в себе желание, выстрелить по ним. Так мы дошли до большого ягодника и никакого зверя не видели. Мои ноги болели не на шутку, но при ребятах я не подавал признаков боли и даже улыбался. А когда я шёл один, то давал волю словам, ругал себя за вчерашний необдуманный поход.

Домой мы шли вдоль реки по льду, я понимал, что вчера мог так же легко идти, как идём сегодня, и это добавляло мне опыта. В районе прижима была высокая наледь, и река со стремительным течением и шумом уходила под лёд, а какой он там толщины, мы точно не знали. Но я смело шёл за ребятами, так как они знали, где можно идти, а где нет, они уже имели большой опыт, и я учился у них. Ближе к посёлку моё тело болело всё сильнее, от боли я сжимал зубы, а когда я встречался взглядом с кем-то из ребят, улыбался, как будто всё в полном порядке, и что хоть сейчас могу развернуться и пойти обратно.

Попрощавшись с ними в посёлке, я с облегчением вздохнул, что они так и не заметили, как я ходил весь этот день, преодолевая боль в ногах и пояснице. Если ребята они не поняли, как болело моё тело, то Таня дома быстро поймёт, что со мной что-то не так. Ещё на подходе к дому, я решил, не буду говорить ей о том, как сильно болят мои ноги, скажу, что устал.

К двери нашей квартиры я подошёл уже в сумерках. На пороге перед входом снял рюкзак, сапоги и верхнюю одежду, чтобы не тащить грязь в помещение. Пока я копошился на пороге, открывается дверь и я слышу радостный голос Тани: «Наконец-то ты пришёл, наверное, устал?» Таня с улыбкой посмотрела на меня и сказала: «Я приготовлю воду, чтобы ты ополоснулся, а потом будем ужинать». Поужинав, Таня спросила, как я дошёл туда и как встретился с Толиком и Валерой. На что я ответил: «Дошёл нормально, только времени потратил больше, чем хотелось бы». За эту охоту мы убили время и ноги. Она рассмеялась, но больше спрашивать меня не стала, а я думал про себя, если бы ты, Танечка, знала, как болят у меня ноги. Так получилось, что в этот праздник мы отдыхали целых три дня, в том числе и завтрашний. Я надеялся, что за день мой организм отдохнёт.

Наступило следующее утро, и я пошёл на пилораму. С первых же шагов я почувствовал ту же самую боль, что была раньше. Но работу никто не отменял. Толик Соболев спросил меня, ну как, ноги не болят? Нисколько, не задумываясь соврал я, так, чуть-чуть с непривычки. В посёлке их с Валерой считали хорошими ходоками, и не с каждым они пошли бы на охоту. Получается, я сдал экзамен на выносливость и если захочу, то в следующий раз могу опять пойти с ними, уверен, они меня возьмут. Мои ноги болели ещё неделю, даже к следующему выходному боль не прошла. Но на следующей неделе, в субботу, мы опять пошли на охоту. Так я втянулся в это промысловое дело и начал приносить домой рябчиков и уток.

Моя новая работа — пилорама

Работа на пилораме—это беготня с хорошей нагрузкой для всего организма. Тут не только ноги, но и руки должны быть крепкими, потому что лиственница-самое тяжёлое дерево. Работать надо быстро и слаженно, план не выполнить нельзя. За смену надо распилить больше сорока кубов леса и сложить весь пиломатериал в штабеля. В сменах было по восемь-девять человек, а иногда всего пять. В первую раму шёл самый крупный лес, и вес бревна был больше полтонны. Выходившие из такого бревна доски, мы называли «гробовыми», они были широкими и тяжёлыми. С первой рамы пластины перекидывались на вторую, а после неё уже выходил обрезной брус и обрезная доска. Весь полученный материал укладывался на вагонетку и по рельсам вывозился на склад. Там он складывался в штабеля, которые достигали четыре метра в высоту и пятьдесят метров в длину! Таких штабелей с каждой стороны могло быть по восемь и больше. В общем, работа на пилораме считалась очень тяжёлой. Ходили даже шутки, если у мужика руки ниже колен, значит, это работник пилорамы. Рукава курток и рубаш были перешиты по нескольку раз. Так же и с коленями, заплатки на заплатках. Одну пару рукавиц выдавали на неделю, но за два дня они быстро рвались и их тоже зашивали. Так получилось, что в одном звене со мной работал Виктор Панин, крепкий парень из Тулы. Мы с ним так сработались, что понимали друг друга без слов. У нас никогда не было такого, что один взялся за доску, а второй за пластину, работа шла синхронно. Позже, мы и охотились с ним и отмечали праздники. После работы стропальщиком, на пилораме я проработал два с половиной года. За это время бригадир Смольников ни один раз предлагал мне вступить в Коммунистическую партию. Он считал, что я обязательно должен быть в её рядах. Не знаю почему, но я отказался и не поддавался на его уговоры и наконец, он от меня отстал.

Я уже знал всех охотников в посёлке и, если кому-то посчастливилось убить оленя или лося, меня тоже угощали мясом. Оленину Таня не могла есть, так как она пахнет мхом. Тем временем я присматривался, как эти охотники добывали зверя. Какие места любят олени, какие лоси. Но больше всего меня интересовала охота на медведя, так как его следы часто видели около посёлка. Я боялся за Таню, так как ей в ночную смену приходилось ходить на метеоплощадку, которая находилась на краю посёлка. Позже я увидел, как ставятся петли на медведя, и сам начал их ставить.

С каждым днём мужики всё чаще говорили про рыбалку и уже готовили спиннинги. Я тоже приобрёл себе спиннинг и снасть, как у всех. Любители рыбалки уже бродили вдоль реки и пробовали рыбачить. Я к таким не относился, мне больше по душе была охота. С ребятами из своей смены я почти каждый вечер ходил на охоту, и километров десять за вечер мы проходили. Выходной день был обязательным для охоты с ночёвкой в лесу.

На пилораме я познакомился с Михаилом Сновидовым, он считался коренным жителем. Мы с Михаилом уходили в разные стороны от Яны, в один выходной вверх по реке, в другой вниз и ночевали в ближних избушках.

Раз его вспомнил, не могу не рассказать одну историю, как они с другом, ещё в Северо-Эвенске, шли со школы и им встретился медведь. Михаил говорит: «Я помню точно, что к дереву подбежал первым, так как быстрее бегал, и залазить на это дерево начал первым. Но, когда залез, то увидел, что друг уже сидит на этом дереве выше. Получается, что Михаил не заметил, как он его перегнал и быстрее залез с другой стороны дерева. Вот и подумай, что лучше, быстрее бегать или быстрее лазить по деревьям! Я эту его историю никогда не забуду, может он и соврал, но поверьте, соврал мастерски! И где бы он ни рассказывал это, даже самые сдержанные и те улыбались. Миша тоже знал места, где есть избушки, как правильно переходить реку и, что самое главное, повадки зверей. Он даже мог летящих гусей приманить, без всяких манков. На Яне он жил уже три года, и я у него многому научился. Один раз мыс Мишей

оказались на восемнадцатом километре у той же избушки, в которой я ночевал в первую свою охоту.

Глухарь

Был хороший солнечный день, мы шли от реки к избушке, и я увидел, что у развилки дорог на дереве сидит глухарь. Мы с Мишей замерли, вообще не шевелились, нам не хотелось остаться без добычи. До глухаря было далековато, метров семьдесят, но из гладкоствольного ружья стрелять дробью не было смысла, она не долетит до него. Миша стоял за мной, у него за плечами была мелкокалиберная винтовка, он её взял у кого-то поохотится. Из неё можно было убить оленя, больше чем за двести метров. Тут Миша говорит мне: «Не снимай своё ружьё, а бери мелкашку, но не поворачивайся». Я отвёл назад руку, и Миша прямо вложил мне винтовку. Не отрывая глаз от этого глухаря, я готовился к выстрелу. Глухарь в это время вёл себя настороженно и мог улететь. Мы ждали, когда он успокоится, потом я прицелился и выстрелил. Я видел, что попал в него и даже слышал, потому что он трепыхнул крыльями, и Миша сказал: «Попал!» Но птица стоит на суку, не улетает и не падает. Я вновь прицелился и выстрелил второй раз и опять то же самое, он только повернулся другим боком. Тогда я стреляю третий рази опять попадание. Даже слышно, как пуля прошивает его, а резкое движение крыльями подтверждает попадание. Я выстрелил ещё два раза, но глухарь стоит. Тогда я отдал винтовку Мише, снял ружьё, вложил два патрона с крупной дробью и выстрелил. Вот этого ему оказывается и не хватало, его просто надо было столкнуть. Он уже был мёртвым и держался за счёт оцепенения, а ружейный выстрел столкнул его с сучка, и он упал на траву. Мы подобрали упавшего глухаря и вернулись к избушке, чтобы на старом кострище сварить чай. Пока закипала вода, мы разглядывали глухаря. Это был мой первый добытый глухарь, до этого крупнее дичи я не добывал. После чая мы приняли решение идти домой, так как до посёлка было ещё восемнадцать километров, а это ещё четыре часа ходьбы. На дворе был уже конец мая, дороги и лес хорошо подсохли, поэтому сейчас идти было намного легче. Шли мы хорошо и уже к восьми часам вечера подходили к посёлку. Другой дичи мы не добыли, и я предложил Мише завтра вместе приготовить этого глухаря и пригласить жён. Как мы и договорились, собрались на улице, недалеко от Мишиного барака. В этот день нам повезло, погода была солнечная и тёплая. Глухаря взялся готовить сам Михаил, у него был большой опыт приготовления. Как оказалось, к этому глухарю понадобилось ещё сливочное масло и даже свиное сало, так как у этого «петуха» очень сухое мясо, совсем без жира. Глухариное мясо получилось сочное и вкусное, и нашим жёнам оно очень понравилось.

В начале июня начал ловиться мелкий хариус. Даже некоторым женщинам не терпелось поймать свежей и вкусной рыбки. Но поселковые ребятишки всех опередили: на простые удочки по мелким протокам уже давно ловили мальков кеты и кижуча. Такая протока у нас была прямо за баней, на окраине посёлка, и детворе там было раздолье. Никакими коврижками их было не заманить домой, и рада была та мама, у которой есть такой добытчик. Ещё отец ничего не поймал, а сын уже накормил семью свежей рыбкой. И ни один рыбнадзор не мог запретить им рыбачить. После долгой зимы для них это было самой высокой наградой, и они готовы были сидеть на берегу протоки сутками. Взрослые рыбаки терпеливо бросали снасти на широких плёсах, но больше десятка хариусов за вечер не ловили. Это хариус был по величине даже меньше, чем мальки кеты. Через неделю вода очистилась, и хариус начал браться хорошо. Когда пошёл такой клёв, пацаны уже не ловили мальков по протокам, а тоже были на реке. От крайних домов посёлка до рыбалки надо было пройти всего метров двести-триста. Но иногда, увлечённые ловом мужики, не спеша шли вдоль реки и рыбачили. А заметив, что начинает темнеть, понимали, что оказались уже далеко от посёлка. Это происходило потому, что каждый хочет поймать хариусов больших размером, а они любят глубокие ямы. Вот и бродят мужики по реке, не считая километры.

Что такое соль?

Я вспомнил рассказ Владимира Переведенцева, как они с Витей Паниным сходили на рыбалку. Вечером они ушли вниз по Яне, рыбачили, не пропуская ни одной ямы и ни одного плёса. Погода была тёплая, комаров на реке немного, рыбачить одно удовольствие. Уже в сумерках они дошли до восемнадцатого километра, к той самой избушке, где я ни один раз ночевал. Чтобы не испортилась рыба, поместили её в проточную воду до утра. Натопили печь в избушке и легли отдыхать. Утром забрали рыбу и, не спеша пошли в сторону дома. Новый день был очень тёплый, и они начали переживать за пойманную вчера рыбу. Хариус-рыба нежная и портится очень быстро. Специальной тары у них не было, и они решили её слегка подсолить и поместить в полиэтиленовые пакеты. Вова нашёл у себя два пакета и, посолив рыбу, убрал её в рюкзак. У Вити Панина был всего один пакет, а рыбы у него было поймано больше. Он посолил рыбу, но в пакет она вся не вошла. Оставшихся хариусов он положил в рюкзак без пакета.

Идут, рыбачат, не пропуская ни одного плёса и ямы. Поймавшуюся рыбу складывают в рюкзак. У прижима, на седьмом километре, Владимир замечает, что Витя отстал. Когда он присмотрелся, то увидел, что Витя сидит в воде. Вовка не понял, зачем Витя, сел в воду, она же холодная, всего три, или четыре градуса тепла. Наконец, Витя встал и потихоньку пошёл, но, пройдя двести метров, снова сел в воду. Вовка просто обалдел от его действий: Витя сидит задницей в воде, молчит и смотрит на него. Через какое-то время Витька встаёт и быстро идёт в сторону посёлка, не обращая на него никакого внимания. И тут Вовка заметил, что низ рюкзака у Вити побелел от соли, и не только рюкзак, но и штаны. Вот тут Вовка понял, что происходит. Ему стало жалко Витю, но помочь тому он ничем не мог. Пока шли до посёлка, Витя сидел в реку ещё раз шесть. Из-за этого им пришлось идти не по дороге, а протоками, так как спастись от соли, можно было только сев в воду. Вовка, глядя на это хохотал так, что от смеха текли слёзы и сводило скулы, и в такие моменты ещё и советы давал: «Задница-то выдержит, ты береги другое место, оно важнее». Когда мы прошли последнюю протоку и до дома оставалось около ста метров, Витя сорвался на бег, и, не оглядываясь, без слов побежал домой. Вовка шёл следом за ним и не мог сдержать смех, махнул ему рукой, но тому уже было не до прощания. Вовка и дома продолжал смеяться над Витей.

На следующий день перед работой, играя в домино, Володя начал рассказывать мужикам про вчерашнюю рыбалку. Витя Панин сидел тут же, играл, не придавая значения Вовкиному рассказу. Он понимал, что всё равно все узнают про этот случай, и лишь иногда, в чем-то поправлял Вовку. А тот всё расхотелся, и его рассказ становился всё ярче и выразительнее. В смене было человек восемь-девять, все они улыбались и внимательно слушали. Когда Вовка сказал, как Витя мучился от соли, то игроки бросили домино и принялись хохотать. Витя сидел и тоже улыбался, глядя в окно. А когда Вовка напомнил Вите про более ценное хозяйство, проявив о нём заботу, все просто попадали со смеху. Некоторые даже спрашивали Витю: «Ну что, просолилось хозяйство? Тогда пора в коптилку!» Вся смена изнемогала от смеха и вошедшая Галина Никаноровна, мастер пилорамы, не могла понять, что происходит с мужиками и кое-как выпроводила их на работу. А потом, когда узнала, над чем мы смеялись, сама не сдержала смеха. Когда я дома рассказывал Тане про этот случай, она тоже смеялась.

Даже на второй день утром, встретившись на работе, мы смотрели на Витю с жалостью. Некоторые ребята в шутку, советовали ему провериться у врача на переохлаждение главного достоинства. Но он уже улыбался и на наши «приколы» отвечал без обиды. Я всю жизнь помню Вовкин рассказ, и, вспоминая его, не могу сдержаться от улыбки.

Витя был хорошим парнем, и мы с ним много раз ходили на охоту и рыбалку и зимой, и летом. Ночевали в избушках и у костра. Два года работали в одной смене и на одной раме. Между нами всегда было какое-то соревнование. По причине того, что я был токарем, Витя

дал мне кличку «точило», а я ему кличку «зубило». Кроме его меня так никто не называл. Так же и с ним, «зубилом» его мог называть только я! Обид у нас никаких не было.

Как я спасал невод

С наступлением июля подходила на нерест красная рыба, и с этого времени начиналась настоящая рыбалка. Первой в реку шла горбуша, вслед за ней мальма и голец. Если горбуша шла на нерест, то мальма и голец на «жировку», питаться икрой горбуши. Всё население ждало этого потому, что эту рыбу заготавливали на зиму. Солили, вялили, коптили и делали консервы. Мужики готовили более серьёзные снасти, бредни и мордушки. У меня появился хороший невод, мне его подарил Николай Конилов, начальник метеостанции, он уезжал в Магадан и оставил мне его. Он был мелкочейный, три метра высотой и тридцать длиной, очень ценная вещь. Им можно ловить любую рыбу, от мелкого хариуса до кижуча. Мужики знали этот невод и были довольны, что Николай оставил его мне, а не увёз с собой.

Как-то разу ехали мы на ЗИЛ-131 порыбачить вниз по Яне и никак не могли выбрать место, где завести невод. И вот, на шестнадцатом километре, нам понравилось одно место, старые рыбаки сказали, что место хорошее и рыба тут должна быть. Нас было человек двенадцать, и невод мы растянули быстро. Два человека одели рыбацкие костюмы и, взяв один конец верёвки, начали переправляться на противоположный берег. Там их ждали ещё два человека, которые помогли им тянуть невод. Второй конец верёвки с большой палкой вели по этой стороне. Течение сразу подхватило нашу снасть и потащило. Нам надо было провести его метров двести, до ближайшего плёса. Сначала всё шло хорошо, но через каких-то двадцать или тридцать метров наш невод зацепился за что-то, на самой стремнине реки. «Всё, посадили невод», ругаясь, сказали знатоки рыбалки. Наш невод полностью ушёл под воду, остались только верёвки. Все собрались, думаем, что делать. Кто-то сказал, давайте попробуем потянуть машиной, другого выхода ведь всё равно нет и смотрят на меня. Я подумал и сказал: «Давайте легонько потянем, посмотрим, пойдёт или нет». Мы подогнали ЗИЛа, зацепили верёвку и понемногу начали тянуть. Тут мы услышали треск рвущейся нитки, я дал команду остановиться и отцепил верёвку. Все смотрели на меня, и я сказал: «Тянуть машиной больше не будем». Все двенадцать человек не понимали, что делать дальше.

Я стоял и думал, было тихо и никто не давал никаких советов. Потом я сказал, что полезу отцеплять. Тут все начали говорить, что это опасно, невод тяжёлый, течение, глубина метра два с половиной и вода холодная. Я знал, что невод тяжёлый, он сухой весил около пятидесяти килограммов, а тут его ещё и течение тянет. В общем, много чего я выслушал, и когда все затихли, я сказал: «Налейте мне полстакана водки и не мешайте». Мне сразу начали советовать привязаться на всякий случай, если что, то мы тебя потянем. И тут я пошутил, машиной? Все рассмеялись, но сделали, как я сказал. Я понимал, что дело не простое и мысленно составлял план, как мне попасть к тому месту, где зацепился невод. Сейчас невода не было видно вообще, торчали только два конца верёвки. До того места, где был зацеп, было около четырёх — пяти метров. Я не знал, что меня ждёт на дне, просто коряга или большой камень. Но я должен снять невод, главное правильно расположиться в момент снятия. Но если я не удержусь, то меня просто унесёт течением, а ещё хуже, если сам попаду в свою же сеть. Ведь в ней можно и запутаться. Я решил, что буду добираться до зацепа по нижнему фалу невода, то есть, по дну. Когда я всё это обдумал, ребятам сказал, чтобы они растопили печку в будке машины. Тут же, один человек пошёл этим заниматься, а я разделся до плавок и пошёл к воде. Я знал, что будет холодно, но успокаивал себя тем, когда зайду в воду, тело начнёт привыкать. Пока я настраивался, полстакана водки опустились куда надо, я почувствовал тепло внутри. Напевая про себя: «Прощайте скалистые горы, на подвиг отчизна зовёт», шагнул в воду.

Да, сказал я себе, заходя в воду, холодновата, но выбора нет. Я взялся за верёвку и начал подтягиваться к нижнему фалу, который уходил на дно реки. Мне было ещё по пояс, а меня начало сильно тянуть течением. Тут я сделал хороший вдох и погрузился в стремнину реки.

Мне было холодно, но мои мысли были о другом. Я понимал, что воздуха я больше не хлебну, а это значило, что надо двигаться быстрее. Меня течением начало прижимать к неводу, тогда я решил, иду по неводу, как по верёвочной лестнице, пальцами рук и ног цепляясь за ячейки. Так я подтягивался к зацепу. Хорошо, что ячейка сетки была такая, что я легко цеплялся за неё руками и ногами, правда, большие пальцы ног иногда застревали и с трудом выходили из ячеек. В этот момент я вообще забыл про холод и понимал, что надо быстрее добраться до дна. Тут я вспомнил своё детство, Паутовское озеро, в котором с открытыми глазами я искал окно, чтобы выбраться из-под лабзы. Здесь вода чистая, по сравнению с той, и я быстро увидел корягу, за которую зацепился невод. Но как мне снять невод с этой коряги, ведь течение его натянуло очень сильно.

Моя голова работала, как компьютер, быстро перебирая варианты, которые мне подходят. Я понял, что мне надо принять положение-сидя. Наверное, это всегда так, в критические моменты решительные мысли созревали быстро. Подбираясь к утопленной коряге, мне было трудно бороться с течением воды, она меня толкала прямо на невод. Уже лёжа на спине и нащупав корягу, я упёрся в неё ногами. Потом я наклонился вперёд, пытаюсь руками дотянуться до нижнего фала невода. Сидя на дне реки, мне предстояло потянуть низ невода на себя и сбросить его с коряги. Так я и сделал, правда, тянуть пришлось так, как будто я поднимаю полтонны, по крайней мере, мне так показалось. Мои силы были на исходе и, кто бы знал, как мне хотелось наверх, где теплее и можно дышать.

У меня всё получилось, я сбросил невод с коряги и меня вслед за ним понесло течением. Из воды я выскочил как пробка, большими порциями втягивая в себя воздух. Берег был близко, и я поплыл к нему. Метров десять или больше, меня тащило течением, за это время я уже почти полностью отдышался. Ребята понимали, куда принесёт меня течение, вовремя подхватили под руки и помогли выбраться из воды. Когда они помогли мне выбраться наверх, тут же дали почти полный стакан водки и накрыли одеялом. Потом помогли мне забраться в будку машины, где было тепло, и я начал согреваться. Мужики так и суетились вокруг меня, каждый хотел чем-то помочь и говорили, что переживали. Они спрашивали: «Как ты так долго смог там быть и как снимал невод с коряги?» Столько было вопросов, что я не знал на чей отвечать. Потом я спросил их: «Невод не зацепился снова?» И мне сказали, что всё нормально, ребята выводят его на берег, и рыбалка не отменяется.

Мне нравилось, что ребята так заботливо относятся ко мне. Уже через десять минут я начал одеваться, а ребятам сказал: «Идите к неводу, я сейчас приду к вам». Когда я пришёл на место, где вывели невод, то увидел полтора десятка разных рыбин и большую дыру в нижней части невода. Но ребята мне сказали: «Не переживай, мы эту дыру устраним. Сейчас соединим её ниткой, чтобы можно было рыбачить, а дома восстановим, как было». Тут то-то сказал: «Хорошо, что не стали тянуть машиной, порвали бы всё». В этот день я был центром внимания, ребята сказали мне: «Серёга, сиди в тепле, мы сами всё сделаем». Но мне было интересно, как идёт рыбалка и что там ловится. Через полчаса я полностью согрелся и смотрел, как ребята рыбачат. Я видел, как им было радостно, хотя рыбы было и немного. Наступали сумерки и нам пора было возвращаться домой. Ребята растянули на косе невод, почистили его от палок и веток, аккуратно скрутили и принесли в машину. Подъезжая к посёлку, мужики мне сказали: «Твоя задача завтра развернуть невод, чтобы он просох, а мы его восстановим». Уже в посёлке мы поделили рыбу и начали расходиться по домам. Уходя, каждый подавал мне какой-то знак внимания, кто пожал руку, кто хлопнул по плечу, а кто, просто глядя в глаза. Мне и без слов было понятно, что плану уважения к себе я повысил. Жена про этот случай не знает, даже спустя сорок четыре года. Я ей тогда про это ничего не сказал.

Колымская рыбалка

Особенно в посёлке любили тройную, или даже четверную уху, это значит, что столько видов рыбы находится в одной кастрюле. Мелкую рыбу клали целиком, а у крупной отрезали самые жирные места, плавники, брюшки и головы. В уху обязательно добавляли икру мальмы, гольца и хариуса, подобной ухи я ещё не ел. Но бывалые рыбаки сказали, что к осени уха будет ещё вкуснее. Я сначала не понимал почему, но мне объяснили, что к осени хариус, мальма и голец будут жирнее. Эта рыба идёт в пресную воду «жировать» следом за красной рыбой, которая мечет икру. Хариус и голец ей питаются и становятся жирнее, я сам убедился в этом.

В посёлке продолжалось самое интересное время: как только кончался рабочий день, все спешили на реку. Даже ели на ходу и разбредались по Яне, кто вверх, кто вниз. Ребятишки рыбачили у посёлка, у них были свои артели. Мужики хотели поймать рыбу крупнее, поэтому и ходили по всей реке, и не только ходили, а ездили на машинах и КИРОВЦЕ. Привязывали на прицепе вдоль стоек две доски вместо бортов и уезжали далеко от посёлка. Начальство нам ездить на рыбалку не запрещало, главное, чтобы было не меньше десяти-пятнадцати человек.

Почти у каждого мужчины в посёлке было ружьё и на рыбалку его обязательно брали, потому что без него опасно. Медведи тоже выходят «рыбачить» и, бывало, гоняли рыбаков. А с ружьём спокойней, выстрелишь, он и убежит. В азарте рыбаки иногда уходили от машины или КИРОВЦА на несколько километров и возвращались уже в темноте. Почти на каждой рыбалке кто-то зайца застрелит или по уткам пальнут. До полуночи сидели у костра, варили добытое мясо или уху и запивали бражкой. Этот напиток делали почти все. В середине лета, на Колыме, наступают белые ночи, такие же, как в Питере. В это время темнело всего на два или три часа, да и то не совсем.

В середине июля пошла на нерест горбуша. Это была уже большая рыба, но её пока было мало. Уже через неделю, этой рыбы было много, и все жители старались запастись ей на зиму. Как-то раз мы рыбачили у «Красной сопки». Этот плёс был в двух километрах от посёлка вверх по левой Яне. Все, кто не на работе, целыми днями там рыбачили, неводом вытаскивая горбушу. Рядом с нами стояла машина и всю выловленную рыбу, мы грузили в неё. В конце дня мы ехали в посёлок и раздавали эту рыбу, кому сколько надо. Жители посёлка уже перестали брать горбушу, они оставляли место для кеты и кижуча.

А над посёлком стоял дым от коптилок, которые были у каждой семьи. Можно смело сказать, что почти каждый день был рыбным. Кроме хариуса и горбуши в реке ловили мальму и гольца. Эта рыба тоже красная, но она считалась хищником, так как питалась икрой горбуши, кеты и кижуча. Я живу в Новосибирской области с 1998 года и никогда не видел в магазинах подобной рыбы. Мне кажется, что со вкусом копчёного гольца не сравнится никакая другая рыба. Представьте, какая уха получалась из всех этих рыб.

После горбуши на нерест шли кета и кижуч, этой рыбы старались заготовить больше. Её солили бочками, чтобы потом есть солёной или коптить. Как это было вкусно! И вот оказалось, что самым дефицитом на посёлке, стали деревянные бочки. Да, именно бочки потому, что рыбы много, а правильно посолить её, можно только в бочках.

Однажды, бригадир пилорамы Смольников Николай Антонович, рассказал нам, как в магазин Яны зимой привозили бочковое вино и солёную красную икру. (в нашем посёлке Яна был «сухой» закон, в рабочие дни спиртное не продавали). У тех людей, которые оставались на Яне, было заготовлено по несколько трёхлитровых банок икры и покупать её вместе с вином им не было надобности. Но у всех работавших на Халаткане, включая холостяков, икры не было. Это был хитрый замысел продавца, чтобы пополнить свои карманы. В магазине сразу выстраивались большие очереди за вином и стояли не с банками и бидончиками, а с вёдрами. Как известно, в основном вёдра были не более двенадцати литров, это если совсем полное. Но

у продавца было своё понятие, за налитые двенадцать литров он брал денег, как за пятнадцать! А если ты будешь спорить с ним, то вино тебе не продаст. Мало того, с этим вином каждый должен был купить килограмм икры. Если ты отказываешься от икры, то значит, ты отказываешься и от вина, но и это ещё не всё. Если будешь искать правду, то свои же ребята, в очередь не пустят и даже побить могут. С таким произволом, как продажа вина и икры, новый начальник участка Ладис Александр Александрович быстро разобрался, поменяли самого продавца. С тех пор, работать в магазине стала Александра Фёдоровна, бывшая заключённая, но при ней такой торговли не было. Наступила осень, рыбалка заканчивалась, все запаслись рыбкой на всю зиму. В сентябре начинался сбор брусники, которой было всегда много. Запасы делали на всю зиму, ягоду замораживали и зимой из неё варили морс и пекли пироги.

Так прошло наше первое лето и начало осени 1975 года. Работа совмещалась с заготовками на зиму. Рыбы я заготовил много, и брусники мы с Таней набрали достаточно. Кроме этого, мы сажали огурцы и помидоры в теплице, которую нам оставили люди, уехавшие в отпуск.

Мой распадок — Магдыкит

С наступлением холодов старые охотники готовились к зимней охоте на соболя. Тут у каждого охотника был свой распадок и избушка, где можно было переночевать зимой. Охотники «любители», так их называли, были обычными рабочими, но ещё и добывали пушнину. В конце зимнего сезона приезжал из районного центра заготовитель, скупщик этой пушнины. Он привозил хорошие вещи, патроны, капканы, ковры, которыми и рассчитывался с охотниками. Вот и я «загорелся» зимней охотой и купил в райцентре разные капканы, топор, пилу и лыжи. Но где мне охотиться, определиться не мог, все ближние распадки были разобраны и, ближе, чем за двадцать километров, мне места не было. Самым ближним, свободным местом для охоты, был распадок «Магдыкит». Находился он в двадцати километрах вверх по левой Яне, по дороге в Усть-Омчуг. Далековато, но зато своё место. За все годы охоты в нём, я не видел ни одного чужого следа, кроме, звериных. Я не терял зря времени летом, старался как можно больше узнать про охоту на соболя. При каждом удобном случае пытался узнать у старых охотников, как его ловят. Стремился познать все тонкости, но это было не просто, никто этих секретов не выдавал. Я понимал, что до мелочей мне никто не расскажет, как и что надо делать. Как я ни старался разговорить бывалого охотника, всё было безрезультатно. Даже при всём уважении ко мне, которое я успел заслужить, давали понять, познавай это ремесло сам. А я был из тех людей, которые не любят лезть в душу, когда тебя там не хотят видеть. Я отстал от всех и надеялся только на себя, на свою сообразительность.

Пришло время, когда я приготовился к этой охоте полностью, как я считал. Привязал к капканам поводки из тонкого тросика, проварил их в разных травах и хвое стланика. Сшил специальные перчатки для того, чтобы брать эти капканы только ими. Перчатки и капканы я прятал по дороге домой, не заносил их даже в посёлок, чтобы они не пахли ничем, кроме леса. Сделал крепежи на лыжи, какие были у всех охотников, приготовил топор, ножовку, большой нож, железную банку, в которой варили чай во время охоты, даже маскировочный халат сшил из белого материала. Казалось бы, всё предусмотрели ждал с нетерпением, когда же я смогу пройти по первому снегу в «своем» распадке. В конце октября стояли морозы до двадцати градусов, и наши автобусы перевозили людей с Халаткана. К празднику, 7 ноября, с летника-всех привезли. Три дня люди праздновали, обживались, отдыхали, а уже к первому рабочему дню пришли машины за пиломатериалом. Я с нетерпением ждал машины и первый выходной день, чтобы поехать в свой распадок. И этот день наступил.

Зимняя охота

Чтобы мне добраться до своего распадка, надо было проехать двадцать километров по дороге на попутной машине. Ещё с вечера я договорился с водителем лесовоза, что он довезёт меня до распадка. Было ещё темно, когда мы с тем водителем выехали из посёлка. Дорога была ещё не накатанная, но ни перемётов, ни наледей не было. За полтора часа мы приехали на двадцатый километр, я поблагодарил водителя, забрал свои вещи, и он уехал. Перебравшись через снежную бровку дороги, я встал на лыжи и пошёл в сторону своего распадка. Не прошёл я и двести метров, как оказался перед не замёрзшим руслом левой Яны. Метра четыре на середине реки льда не было, но было стремительное течение воды. Я посмотрел в обе стороны и не увидел места, где бы река была замёрзшая полностью. Перейти реку без болотных сапог было невозможно. Я немного постоял и принял решение делать переправу. Взяв топор и пилу, я пошёл искать высокие деревья, чтобы из них сделать переправу. Две подходящих лиственницы я нашёл быстро и принялся пилить. Мёрзлое дерево плохо поддавалось, я даже вспотел, но два дерева свалил. Обрубив сучки и вершинку, притащил их к реке и начал наводить переправу. Уложив поперёк реки два дерева, я понял, что мне потребуется ещё несколько деревьев. Не жалея сил, я пилил деревья, обрубал сучки и вершинки. За три часа я смог приготовить ещё шесть стволов. Но сколько их может потребоваться ещё, я знать не мог. Я понимал и то, что, когда я пойду по своему мосту, кромка льда может не выдержать, и я поплыву со всем своим снаряжением и мостом. Я представил мост из десятка деревьев и начал мыслить вслух, говоря себе: «Делай, Сергей Петрович, хорошую переправу, если не будет сильных морозов, то река не замёрзнет, и ты не переправишься в свой распадок». С таким настроением я и продолжал работать до самого вечера, чтобы в следующий выходной быстро перейти реку. На продольные стволы деревьев я укладывал поперечные прокладки и прибивал их гвоздями. Получалась довольно крепкая конструкция, но гвоздей было мало, и поперечные прокладки клал без гвоздей. Поверх их вновь укладывал новые стволы деревьев, увеличивая высоту своего моста. Так у меня получился мост в три наката, правда, сегодня идти по нему я не рискнул. Вся моя надежда была на мороз, который скрепит моё сооружение, так как брызги от течения воды попадали на конструкцию. Я был почти уверен, что моя переправа за неделю скрепится льдом. Окончив работу, я спросил себя: «Ну как, поохотился?» Моя одежда была мокрая от пота, и я понимал, что пора собираться домой, а во время ходьбы я не замёрзну.

Начинало темнеть, когда я вышел на дорогу, ведущую в посёлок. Попутных машин не было, и я пошёл в сторону дома. Пройдя пятнадцать километров, я услышал звук стоек лесовоза, их было слышно раньше работающего двигателя. Тенькинский ЗИЛ шёл на Яну, водитель остановился и подвёз меня до посёлка.

С большим нетерпением я ждал следующий выходной и, так же как в прошлый раз, приехал к своему распадку. Пока я шёл к реке, думал про свой мост, мне очень хотелось, чтобы он выдержал меня. Ещё на расстоянии ста метров я увидел, что моя конструкция вся во льду, и понял, что легко переправлюсь на противоположный берег. Кроме обледеневших деревьев, сверху конструкции был снег, и, не снимая лыж, я перешёл реку. Моё настроение было приподнято, так как я не зря потратил на мост весь прошлый выходной день.

Как только я перешёл реку, сразу подумал, куда же пойти, капканы у меня были, а вот приманки нет. Я стал внимательно смотреть, где можно раздобыть рябчика или куропатку. Я постоял немного, прислушался и пошёл к зарослям тальников, где было очень много разных следов. Пройдя метров двести, я увидел ручей, но во многих местах он был ещё не замёрзшим. Ручей был глубоким, где два метра глубиной, а где и больше. Я шёл вдоль этого ручья и не скрывал своего присутствия. Мне надо было обнаружить какую-то дичь, чтобы потом на неё и поохотиться. Среди множества разных следов я видел и соболиные. Так я прошёл километра

три, решил развести костерок, сварить чаю, перекусить, а заодно и отдохнуть. Хорошо, что сухостоя тут было много, выбирай любой. Костерок я разжёл быстро, натопил снега и сварил чай, пока я обедал, думал, куда пойти дальше и где добыть приманку?

Немного отдохнув, я опять пошёл по тальникам и через двадцать минут ходьбы увидел след соболя. В этот момент я подумал, почему я раньше не заготовил приманку. Хожу по тальникам уже три часа и ни одной куропатки не добыл. Все куропатки улетали от меня, я их даже и не видел, только слышал хлопанье крыльев. Где-то в стороне я услышал крик куропача и шум крыльев. От досады и усталости я снова отругал себя. За полгода жизни в тайге я уже знал, что охота-это как в лотерее, нет гарантии в успехе. Я походил ещё часа полтора и, заметив, что начинает темнеть, повернул назад. Обрато я шёл быстрее и уже не обращал внимания на улетающих птиц, так как было темно.

Часы показывали седьмой час вечера, когда я вышел на дорогу. Выбрав участок, где хорошо просматривалась дорога, я начал готовить костерок, чтобы сварить чай и перекусить. Мне никто не помешал, машины не было и может не быть вообще. Она появится, когда я буду подходить к посёлку, посмеялся я сам над собой. Попив чаю, я размеренным армейским шагом пошёл в сторону посёлка. Под этот шаг у меня в голове сложилась мелодия, и я что-то в полголоса запел.

Усталости я не чувствовал, так как сегодня прошёл совсем немного. Дорогой я себя спрашивал: «Почему не заготовил приманки? Ведь можно же было на неделе походить за посёлком и добыть хоть одну куропатку». Сначала надо было добыть приманку, а потом идти искать следы соболей. Следующий раз, умнее будешь, ехидничал я над собой.

Дорога была ровная и уже накатанная. Я снова и снова думал, вот надо было мне за этими птицами охотиться за двадцать километров от посёлка. Но эту мысль я сразу отогнал, ведь мне надо было и с распадком знакомиться, хорошо его знать.

Погода сегодня была хорошая, а ровная дорога улучшила моё настроение. А то, что пройду двадцать километров, ну и что, хуже мне от этого не будет. Так, весело и легко, я шёл три часа, и ни одна попутка меня так и не догнала. Наконец, я увидел огоньки посёлка, это придало мне энергии, и через двадцать минут я был уже дома.

Работая во вторую смену на пилораме, я почти каждый день ходил на охоту и к выходному дню у меня было несколько добытых птиц. Первое время я их берёл только для охоты, хотя и хотелось запечь или зажарить.

В следующий выходной мне не повезло с погодой, была метель, но я всё равно решил ехать в свой распадок. Таким же способом, на попутке, я добрался до своего Магдыкита. Когда мы выезжали из посёлка, водитель лесовоза мне сказал, что он не уверен, доедем ли мы до моего распадка. В такую метель перед тринадцатым километром сильно переметает дорогу, возможно, что мы не сможем пробиться через перемёты. Но нам повезло, хоть и с пробуксовкой, но мы проехали самые переметаемые участки. Двадцать километров мы ехали почти час. Когда на двадцатом километре я выхожу из кабины, водитель пожелал мне удачи и добавил, чтобы я был осторожен. Я поблагодарил его и пожелал ему благополучно доехать до дома.

Машина ушла, а я, надев лыжи, направился к реке, к своему мосту. На месте перекинутых мною деревьев был хороший снежный перемёт. Поднявшись на противоположный берег, я огляделся и подумал, что хорошо бы на этом месте поставить избушку и обязательно, окном на дорогу. Это позволяло бы наблюдать за дорогой, которая просматривалась отсюда километра на два или три вперёд. Заметив свет фар идущей на Яну машины, можно было успеть добежать до дороги, остановить машину и благополучно доехать до посёлка. И решил, что к следующей зиме я избушку построю и привезу её на это место, а эту зиму, как-нибудь обойдусь. С этой мыслью я и пошёл в распадок, а ветер, почти моментально заметал следы.

Мне хотелось найти следы соболя, но сейчас, в такую метель, никаких следов вообще не было. В ближних тальниках я спугнул два или три табунка куропаток. Стрелять я даже и

не собирался, потому что в мешке у меня была приманка. Продираясь сквозь тальниковые заросли, я подумал, как быстро тут всё замедляет, даже не видно следов улетевших куропаток. Почему-то мне казалось, что в лесу должно быть тише. Через километр или полтора, я пересёк ручей, который был сильно заметён снегом.

До лиственного леса мне оставалось метров двести, и я прошёл их быстро, а когда входил в лес, остановился и посмотрел туда, откуда пришёл. Своей лыжни я не увидел, её уже замело снегом, да и сами тальники уже плохо просматривались. Метель делала своё дело. Стоя на этом месте, я и не предполагал, что года через три я попаду в ещё более худшее положение.

Войдя в лес, я увидел старый след соболя и решил поставить капкан, так уж мне хотелось это сделать. Почти месяц прошёл, а я ещё ни одного капкана не поставил. Подобрал подходящее место, я начал «строить», так называемую избушку, где будет стоять капкан и куда должен был прийти зверёк на запах приманки. У большого дерева я лыжей насыпал горку снега и притоптал его. Потом заготовил восемь колышков, вбил их и присыпал снегом снаружи. Сверху накрыл ветками стланика, чтобы не замело снегом мою ловушку. Отрезав ножом кусочек мяса от куропатки и наколол его на палочку, поместил в получившийся домик. Только после этого, начал устанавливать капкан. К тросику, который был одним концом привязан к капкану, привязал метровую палку, её называли «потасок». Взвёл и поставил капкан на снег, потом, как учили, накрыл капкан белой салфеткой и слегка присыпал снегом. Я всё сделал так, как слышал от «бывалых» охотников. Сделав топором на дереве затёску для ориентира, я собрал своё имущество и пошёл дальше. На постройку первого капкана у меня ушло полтора часа. Метров через пятьсот я поставил второй капкан. А пройдя ещё с километр, поставил третий капкан. Устанавливая капканы, я видел, что метель не утихала и подумал, может вся работа зря, заметёт снегом мои ловушки. Совсем, не имея опыта, я упорно надеялся на удачу. После установки третьего капкана я пообедал и пошёл обратно. Начинало быстро темнеть, и я спешил к дороге, потому что лыжню быстро замело. Выйдя на дорогу, я пошёл в сторону дома.

Шёл я легко и бодро, про попутку даже и не думал. В такую метель машин может и не быть, но я уже знал, что в десять часов вечера буду дома.

До тринадцатого километра дорога шла лесом и перемётов совсем не было. Я шёл с хорошим настроением и мне хотелось, чтобы эта неделя пролетела быстрее, ведь теперь мне есть, что проверять! Проходя тринадцатый километр, я увидел старую избушку и решил её осмотреть. В моей голове мелькнула мысль, можно ли в ней переночевать? От дороги до избушки было метров двадцать, и, не раздумывая, прямо без лыж дошёл до неё. Войдя в избушку, я зажёл спичку и увидел на небольшом столике остаток свечи. От зажжённой свечи стало светло, и я разглядел всё, что мне надо было. Маленькое окошко было без стекла, а лежанка в норме. Печка была, как и во всех избушках, из бочки. Сюда надо будет принести кусок полиэтиленовой плёнки, гвоздики и запастись дрова. А если бросить что-то на лежанку, то будет вообще хорошо. Ночь можно легко тут провести, а утром иди в свой Магдыкит. Осматривая новое для меня жильё, я и не мог подумать, что в этой самой избушке, на меня будет охотиться медведь. Это произойдёт следующей осенью.

Осмотрев избушку, я решил прямо сейчас заготовить дрова. Пока я работаю, может и попутка пойдёт на Яну, её свет я смогу увидеть далеко. С такими мыслями я пошёл готовить дрова. В следующий выходной можно будет с вечера прийти в избушку, а рано утром пойти в свой распадок.

Метель всё продолжалась, но в этом месте ветер был немного тише, защищал лес. В тёмное время не просто было найти сухие дрова, но две сухих лиственницы я всё же нашёл. Спилив деревца ножовкой, я притащил их к избушке и принялся распиливать на чурки. После этого, я взял несколько чурок, зашёл в избушку и посмотрел на часы, они показывали десятый час вечера. Идти до посёлка мне оставалось ещё тринадцать километров, а это два часа ходьбы. На этом я решил оставить заготовку дров на следующий раз, растопить печку мне этих

дров уже хватит. Сложив инструмент в рюкзак, я вспомнил про оставшуюся котлету и хлеб. Пока я работал, про еду и не вспоминал. Затушив свечу в избушке, я вышел на улицу и пошёл в сторону посёлка, жуя на ходу холодную котлету с хлебом. Как я и предполагал, дорога от тринадцатого километра была переметена, да так, что вряд ли пробились бы какая-то машина. Домой я пришёл к часу ночи, к тому времени Таня уже начала беспокоиться.

Рабочая неделя в первую смену пролетела быстро, а в субботу мы работали на один час меньше. Сходя в баню, я начал собираться на охоту. Таня смотрела на меня и говорила: «Ну куда ты после бани и, на ночь глядя, на улице мороз двадцать восемь, а к утру будет за тридцать», но я упорно собирался. Я знал, что возможно, мне придётся идти до тринадцатого километра пешком. По дороге с пилорамы я видел, что все машины были загружены и могли уже уйти. Но эти тринадцать километров меня не пугали. Даже то, что в избушке не было ни матраса, ни одеяла с подушкой, меня не беспокоило. Я нашёл в сарае кусок старого войлока, который послужит мне матрасом, а проём окна я решил закрыть картоном от старой коробки. Войлок с картоном я скрутил в рулон и связал верёвкой, чтобы поместить за спину. Я считал, что сегодня этим обойдусь, не на курорт иду. Пока я собирал свои вещи, Таня собрала мне продукты, и часов в восемь вечера я вышел из дома. Как я и думал машины, которые стояли у диспетчерской, ушли и, нисколько не раздумывая, я пошёл на выход из посёлка.

Я набрал темп, запел строевую песню и уверенно пошёл в темноту. Мороза я не чувствовал, мне было всё равно сколько градусов ниже нуля. Уже через два часа я подходил к избушке, а пока шёл, думал про завтрашний день и наступающую ночь. Придя в избушку, я зажёл свечку и растопил печь. Картоном от коробки закрыл проём окна, положил войлок на лежанку, прикинув, как мне на нём будет мягко и удобно. Только после этого пошёл пилить дрова и носить их в избушку. Напиленные чурки я укладывал под лежанку и столик. Я был уверен, что сухих дров до утра мне хватит, но, чтобы дрова горели дольше, надо запастись и сырых. На улице было тихо, морозно и светло, так как небо было всё в звёздах. С сырыми дровами было проще, они были рядом с избушкой. В этот момент мне вспомнилась первая охота, когда было так темно, что я не видел своих рук. Сегодня было очень светло, избушка рядом, работай в удовольствие.

Свалив пару деревьев, я подумал, что на эту ночь мне их хватит и даже останутся. Возможно, что и в следующий раз придётся идти на ночь и у меня уже будут дрова. Я взял сырые дрова и вошёл в избушку, там было уже тепло, часы показывали полночь, а дров уже точно хватало до утра. Но я решил, что ещё часок можно поработать, чтобы к следующей охоте запас дров оставался. Сложив дрова в поленницу у стены, я зашёл в избушку, теперь можно и отдыхать. В ней было тепло, я разделся и решил подкрепиться.

Банку со снегом я поставил прямо в печку, и растаял он быстро. Тушёнка согрелась тоже быстро, я поужинал и почувствовал, что мне хочется спать. Перед сном я положил в печь сухих и сырых дров, чтобы горели дольше и не было слишком жарко. Уже ложась на лежанку, я вспомнил слова старого эка дяди Коли: «Ты замёрзнешь в тайге!» В этот момент у меня вырвались слова, которым даже я сам удивился: «Вам меня не заморозить!» Все сегодняшние дела было легко преодолеть, и я взял себе за правило: «Мне всё по плечу, если я захочу!»

Это была моя первая ночь, проведённая в тайге зимой. Проспал я часа четыре, проснувшись от прохлады, подбросил в печку дров и подумал, хорошо, что положил сырых дров, а то бы снова растапливал печь. Потом, лёжа на деревянной кровати из круглых палок, я подумал, а может уже пора идти, ведь часы показывали около пяти утра. Было ещё темно, до распада всего полтора часа ходьбы, а в темноте мне там делать нечего. Остатки утра я уже не спали думал, каким будет предстоящий день.

В семь часов я уже был на ногах, подкрепился на дорожку, сказал избушке спасибо и вышел на улицу. Снег хрустел под ногами, стоял лёгкий туман, а при выдохе образовывался пар. Это говорило о том, что мороз больше тридцати градусов, но меня это не беспокоило. Так

же бодро, как и вечером, я пошёл по дороге к своему распадку. Нос и щёки пощипывало и мне пришлось закрыть их шарфом, сразу стало комфортнее.

Через полтора часа я был у своей переправы ив потайном месте взял спрятанные вещи. Уже светало, когда я перешёл реку и направился

к первому капкану. Чем я ближе я подходил к нему, тем сильнее билось моё сердце, мне очень хотелось, чтобы поймался хоть один соболь. Но первый же капкан разочаровал меня, он был пустой. Присмотревшись, я увидел, что приманки нет, значит, её кто-то стащил, а капкан не сработал. Я маленькой палочкой надавил на то место, где стоял капкан, но он не срабатывал. Замёрз, подумал я, и не ошибся. Только после удара палкой капкан медленно сработал, а за это время зверёк легко бы успел убежать. Кто бы знал, как меня это разозлило, я ругал сам себя за то, что неправильно что-то сделал, но что? Я ведь предполагал, что метель может замести капканы, а наметённый снег замёрзнет. Мне не следовало ставить капканы в такую погоду. Я должен был предвидеть последствия метели. Получается, что весь прошлый выходной я потратил впустую. Единственной пользой было то, что я обжил избушку, которая служила мне надёжным ночлегом. Отругав себя в двадцатый раз, я решил не расстраиваться, а приложить все усилия и продолжить охоту. Постараться заново поставить все старые и добавить новые капканы.

Я поставил все три капкана, замаскировав их так, как мне рассказывали бывалые охотники и поменял приманку. Время не было ещё и двенадцати дня, и я решил пойти дальше в распадок. Там я поставил ещё три капкана, а вернуться к дороге решил по другой стороне распадка. Мне было интересно, какое зверьё там обитало. Моей радости не было предела, я увидел следы лосей и, похоже, совсем свежие, кроме этого, один след был крупнее, а второй меньше. Я понял, что лосей было два: бык и тёлка. Лоси уходили от меня, потому что я шёл, не предполагая увидеть их. Мне и в голову не приходило, что они могут быть тут. Так как было морозно, снег скрипел под моими лыжами и меня было слышно далеко. Я немного постоял, подумал и решил пройти по этим следам. Мне было интересно, куда же они пошли. Через двести метров я увидел терраску, но следы уходили в другую сторону. Я решил подняться на неё и прошёл низом, вдоль этой возвышенности. Всё это время мне не хотелось ни пить, ни есть, я не ощущал мороза и только лёгкий скрип снега, предательски выдавал моё присутствие. Я даже заметил за собой, что перестал думать про капканы и соболей. Для меня открылась новая тема и, как мне казалось, более полезная, ведь добыть лося тут считалось почётом.

Получилось так, что я обошёл место, где от меня уходили лоси. Я направился к тальникам, которые местами были такие густые, что невозможно было не сломать маленькие веточки, и об этом я пожалел второй раз. Лоси опять услышали меня и успели уйти в другое место. Теперь я не только видел их следы, но и увидел, как они уходили. Я был рад, что, хотя бы посмотрел на них и теперь имел представление, какие сильные и величавые эти животные. А они уходили и, останавливаясь смотрели на меня. Тут я почувствовал голод и теперь мне ничто не помешает развести костёр и сварить чай. К чаю мне Таня сделала пироги с мясом и у меня пролетела мысль, вот взял на охоту мясо и теперь неудача, надо было брать рыбу. Тут я вспомнил шутку охотников: «Раз упустил добычу, насобирай хоть следов на холодец».

Я выбрал подходящее место и начал разжигать костёр. В это время мне пришла в голову такая мысль, почему дым от костра идёт в ту сторону, куда ушли лоси? И тут я понял свою ошибку: обойти-то я их обошёл, но всё время был с наветренной стороны, и они меня слышали. Во второй раз за день я ругал себя, что опять сделал неправильно и теперь суп будет без мяса. Ещё я подумал, что ветер вообще может кружить, внизу дует в одну сторону, а на возвышенности в другую. Вот и облизывай пустую ложку, Сергей Петрович, ехидничал я сам над собой. Пока грелся мой чай, я думал, что не зря пошёл сегодня в эту часть распадка и охотиться тут можно. А ещё я подумал, хорошо бы заиметь хороший карабин, так как он в пять раз стреляет дальше гладкоствольного ружья.

Да, опять осечка, там с капканами, тут с лосями. Я, конечно, знал, что стрелять лося без лицензии нельзя, но я знал и то, что на выстрел из гладкоствольного ружья они меня не подпустят. Мой чай сварился, согрелись и пироги, которые я наколот на сырую ветку тальника. Шёл уже четвёртый час и светлого времени оставалось ещё полтора часа. Подкрепившись чаем с хрустящими пирожками, я пошёл обратно на террасу. Когда я шёл за лосями, видел свежий след соболя и решил там поставить капкан.

Закончив с капканом, я пошёл в сторону своей переправы, выбирая короткий путь, но и тут я увидел следы соболя. Уже темнело, когда я ставил пятый капкан. Закончив с этим капканом, я спешно пошёл к переправе, спрямляя путь, где только можно.

Перейдя реку, я опять оставил в тайнике свои вещи, вышел на дорогу и размеренным шагом пошёл в сторону дома. Напевая какую-то песню, я поймал себя на мысли, что попутная машина мне сейчас не нужна, так как я решил опять заготовить дров. Дойдя до избушки, я растопил печку и поставил банку со снегом, чтобы сварить чай. Пока я доставал пилу, топор и готовил бутерброд, вода закипела, наскоро перекусив, я пошёл готовить дрова. После двух часов работы я был уверен, что на следующую охоту дров мне хватит и можно идти домой. Уходя, я оглядел избушку, задул свечку и вышел на улицу.

Поздний вечер встретил меня морозом и звёздным небом, но я с чувством выполненного задания пошёл в сторону дома. Тем же размеренным шагом я пошёл домой, опять что-то напевая. За весь этот день я ни разу не подумал о том, что был мороз за тридцать градусов.

Так я прошёл с час, пока у обочины в метре от меня, с сумасшедшим криком взлетел куропад. Так резко и неожиданно, что я даже вскрикнул отшатнувшись назад. Улетая, он как резанный орал на всю тайгу. Мне никогда не забыть, как эти птицы могут напугать. От неожиданности замирает сердце. Казалось бы, птица чуть больше голубя, а такой крик создаёт. Орёт как курица, когда ей отрубает голову, мёртвого разбудит. Несколько минут я приходил в себя и ругал эту блудную птицу.

До посёлка мне оставалось километров шесть, когда я увидел свет по верху деревьев и услышал звяканье металлических стоек прицепа. Минуты через две-три я услышал шум мотора, меня догоняла попутка. Я встал у обочины, машина остановилась и в кабине загорелся свет. Я открыл дверцу, поздоровался и спросил: «Довезёте до посёлка?» Водитель сказал: «Садись». Забросив в прицеп лыжи, я быстро сел, закрыв дверь. Во время движения он спрашивал меня, не я ли был в избушке на тринадцатом километре. Я рассказал ему, что готовил там дрова к следующей охоте. После этого я рассказал, что чуть зайкой не остался после крика куропада. Он засмеялся и рассказал, что с ним такое тоже было. Потом он мне сказал, что ездит суда много лет и почти каждый раз, видит лосей в районе старой Яны и Магдыкита. А ещё, говорит, что видел баранов на скале, у того же тринадцатого километра. А на террасе за избушкой часто бывают олени. С его слов я понял, что он тоже охотник, но охотится в другом районе Колымы. Я тогда и не предполагал, на какой поступок, можно сказать испытание, он меня направил. Я просто загорелся от его рассказа про баранов и в один прекрасный день, решил, что пойду на штурм той скалы. А потом буду его вспоминать другими словами, так как решение, лезть на ту скалу, я принимал сам. Но себя я буду ругать ещё сильнее, чем его, и при слове «баран» буду вспоминать себя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.